

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ
ТАДЖИКИСТАН
КУЛЯБСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ А.РУДАКИ

На правах рукописи

АСОЕВА КОМИЛАХОН АЛОМИДИНОВНА

ТИПЫ ПОДЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗИ СЛОВ В СЛОВСОЧЕТАНИЯХ
И ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ В РУССКОМ
И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ

Специальность: 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор
Салимов Рустам Давлатович

Душанбе – 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА И СПОСОБЫ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СВЯЗИ СЛОВ В СЛОВСОЧЕТАНИИ И ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ В РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ	12
1.1. Связь слов в словосочетаниях в русской синтаксической науке....	12
1.2. Критический анализ грамматической сочетаемости слов в словосочетаниях и предложениях в современном таджикском языке	28
ГЛАВА 2. ОБЩИЕ ТИПЫ СВЯЗИ СЛОВ В СЛОВСОЧЕТАНИИ И ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ В СОПОСТАВЛЯЕМЫХ ЯЗЫКАХ.....	33
2.1. Согласование в русском и таджикском языках	33
2.1.1. Согласование в современном русском литературном языке	33
2.1.2. Согласование в современном таджикском литературном языке....	51
2.1.3. Типологические соответствия русскому согласованию в таджикском языке.....	55
2.2. Примыкание в русском и таджикском языках.....	60
2.2.1. Примыкание в современном русском языке.....	60
2.2.2. Примыкание в современном таджикском языке.....	69
2.2.3. Типологические соответствия таджикскому примыканию в русском языке.....	81
ГЛАВА 3. СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ТИПЫ СВЯЗИ СЛОВ В СЛОВСОЧЕТАНИИ В СОПОСТАВЛЯЕМЫХ ЯЗЫКАХ.....	85
3.1. Управление в современном русском и таджикском языках	85
3.1.1. Управление в современном русском языке	85
3.1.2. Вопрос об управлении в современном таджикском языке	108
3.1.3. Типологические соответствия русскому управлению в таджикском языке	117
3.2.1. Изафетная связь как средство синтаксической связи в словосочетании и предложении в таджикском языке	119
3.2.2. Типологические соответствия таджикскому изафетному типу связи в русском языке.....	128
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	132
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	146
ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА	159

ВВЕДЕНИЕ

Согласно широкому подходу, доминирующему в современной грамматике, словосочетание определяется как любая синтаксически организованная группа синтагматически объединенных слов, включая объединения служебных и знаменательных слов, предикативные и сочинительные сочетания слов. Однако важнейшие типологические признаки языка обнаруживаются только в организации подчинительной связи, посредством которой одно слово определяет другое. В плане типологических сопоставлений наибольший интерес представляют синтаксические приемы подчинительного объединения слов. Согласование и управление типологичны для русского языка, где имеется развитая морфологическая система, управления практически отсутствует в таджикском языке. В таджикском языке примыкание и изафетная связь как тип связи становится ведущим, типологичным. В таджикском языке словосочетания всех типов: атрибутивные, объектные, адвербиальные – образуются, в основном, с помощью этих типов связи; в русском языке примыкание ограничено случаями объединения с неизменяемыми частями речи.

Виды подчинительной связи в словосочетаниях в таджикском и русском языках по отдельности описывались, сравнительное изучение видов подчинительной связи имеется в автореферате и монографии Р.А. Самадовой «Подчинительная связь в русском и таджикском языках» [112; 113]: основное внимание в них уделено согласованию главных членов предложения в сопоставляемых языках и способам передачи русского именного управления на таджикский язык, о чём свидетельствуют и сами названия глав; в таджикском названа ещё изафетная связь; грамматические признаки управления в таджикском языке представлены расплывчато (все виды управления перекрещиваются с изафетным и примыканием. То, что В.С. Расторгуева относит к примыканию [105, 564], в анализируемых работах названо управлением. Одинаковые грамматические формы в одних случаях отнесены к примыканию, в других к управлению [113]. Не отмечены в них случаи согласования на уровне словосочетания.

Следовательно, синтаксис грамматических типов подчинительной связи слов в словосочетании и в простом предложении русского и таджикского языков с учетом специфики синтетического и флективно-аналитического строя в строго научном плане до сих пор является одной из неисследованных областей языкознания: нет учебников и учебно-методических пособий по сопоставительному анализу **типов подчинительной связи** слов в словосочетаниях и простом предложении, в которых типы подчинительных связей имеют чёткое научное определение и специфическую форму, не перекрещиваются с другими типами.

Создание унифицированных способов описания и установление основных принципов сравнения систем различных языков давно интересует лингвистов и по сей день остается одной из основных задач языковой типологии.

Несмотря на то, что достигнуты определенные успехи в области методики сопоставительного исследования, в разработке способов выделения общих признаков, в определении принципов сравнительного описания содержательных единиц языков, в создании параметров системно-типологической классификации языков, единый универсальный способ сравнительного описания всех сторон структуры языков еще не найден [14; 27; 39; 67; 70; 71; 75, 114 и др.].

Одним из направлений лингвистического исследования в научных и практических целях является сопоставительно-типологическое изучение разносистемных языков.

Н.М. Шанский определяет роль сопоставления как методического приема в обучении неродному языку и как путь теоретического изучения обоих сопоставляемых языков: «Сопоставительное описание русского и родного языков должно представлять собой всесторонний анализ и тщательную характеристику дифференциального и общего на всех языковых уровнях. Особенно большое значение для русской лингводидактики имеет детальное и целенаправленное сопоставительное изучение важнейших явлений базисного русского языка современности с соответствующими иноязычными эквивалентами и аналогами» [143, 225].

Только всестороннее и глубокое изучение сходств и различий может дать полную картину национального видения русского языка, позволит лингвистически апплицировать две семиотические системы как функционально однородные, хотя и неодинаковые, а затем проецировать их в область теории и практики науки [143, 221].

Среди многих классификаций, которым подвергается сопоставительное изучение языков, отмечает В.Г.Гак, наиболее существенным является разделение его на структурную и функциональную типологию. Если структурная и сопоставительная лингвистика исследует особенности организации сравниваемых языков, их форм, то функциональное сопоставительное изучение языков призвано раскрыть закономерности построения речи на данном языке в сравнении с другим. Это, по-видимому, и является конечной целью сопоставительного изучения языков. Функционально-сопоставительная лингвистика должна сопоставлять средства, избираемые говорящим на разных языках при реализации одних и тех же типовых коммуникативных заданий в сходных ситуациях [27, 37].

Придавая большое значение сопоставительному изучению языков разных систем, В.В. Виноградов подчеркивал, что «...наряду со сравнительно-историческим изучением родственных языков возможно и даже необходимо сравнительное или сопоставительное изучение разносистемных языков, особенно актуален сопоставительный анализ синтаксических явлений разносистемных языков» [23, 28].

Действительно, закономерности и специфика сравниваемых языков, в частности таджикского и русского языков, еще глубже понимаются при выявлении их отличительных и схожих синтаксических черт.

Лингвистическая сущность подчинительной связи неоднократно привлекала и продолжает привлекать внимание языковедов - русистов, а также таджиковедов-иранистов. Данная проблема изучена на основе различных теоретических положений и методов, полученные результаты образуют солидную основу для дальнейших изысканий. Синтаксические связи, в традиционной грамматике делятся на сочинение и подчинение; подчинение, в свою очередь - на управление, согласование и примыкание (в

русском языке) и согласование, примыкание и изафетная связь (в таджикском языке) - примечательны не только своей спецификой, но и тем огромным содержанием, которое они имеют в русском и таджикском синтаксисе.

Тесная связь, существующая между морфологией и синтаксисом, осложняет установление грамматического объекта синтаксической типологии, но не снимает задачи выявления сходных и различных синтаксических конструкций в сопоставляемых языках.

При типологическом исследовании языков важно принимать во внимание не все признаки (иначе это может привести к длинному списку различающих критериев, которые отличают один язык от другого), а только такие, которые, будучи сгруппированы в определенные типы, могут служить основой для дальнейшего исследования структурных особенностей языков, т.е. обладали бы информативностью [12, 351].

Фундамент научного сопоставительного изучения русского и таджикского языков, представляют работы Л.В.Успенской: «Структурно-грамматические особенности русского языка в сопоставлении с таджикским», «Учёт языковой специфики – одна из основ методики преподавания русского языка в таджикской школе», «Дополнение в русском и таджикском языках», «Подчинительные связи и их выражение в русском и таджикском языках». Она определила проблемы исследования, типовые задачи и разноаспектные цели, разработала четкую методику сопоставления и оставила безупречные образцы научного сравнительного изучения русского и таджикского языков на лексическом, фонетическом, морфологическом, синтаксическом и методическом уровнях.

Ценные материалы по сопоставлению грамматического строя таджикского и русского языков содержатся в работе Р.Л. Неменовой «Сопоставление грамматического строя русского и таджикского языков».

Позднее появился ряд исследований, посвященных специально сопоставительному изучению двух языков, а также диссертации и статьи по различным вопросам сравнительного языкознания русского и таджикского языков (Г.С. Михайличенко, В.С.Смола, А.И.Королева, И.Б.Мошеев, Р.А. Самадова, М.Т.Джаббарова, Р.Д.Салимов и др.).

В этом плане представляет определенный интерес монографическое исследование Р.А.Самадовой «Проблемы лингвистического конструирования предложно-именных словосочетаний в русском и таджикском языках». В монографии исследованы сложные и многоаспектные проблемы лингвистического конструирования предложно-именных словосочетаний атрибутивного характера, вопросы соотношения семантики и синтаксиса с позиции лингвистического конструирования словосочетаний в русском и таджикском языках.

Актуальность исследования определяется необходимостью дальнейшей разработки сопоставительной грамматики русского и таджикского языков, необходимостью решения многих спорных вопросов синтаксической науки, в определении типов подчинительной связи слов в словосочетании и простом предложении в сопоставляемых языках, в выявлении сходств и различий типов подчинительной связи, в определении характерных признаков грамматических типов изафетной и примыкаемой связи в таджикском языке.

Объектом исследования являются типы как определённые грамматические модели подчинительной связи слов в словосочетании и простом предложении в сопоставительно-типологическом аспекте с учетом структурно-семантических особенностей словосочетания в русском и таджикском языках.

Предметом данного исследования является сопоставление синтаксических особенностей типов подчинительной связи слов в словосочетаниях и простом предложении в русском и таджикском языках на материале известных научных первоисточников и «параллельных» текстов из оригинальной русской и таджикской литературы, прямых и обратных переводов на русский и таджикский языки.

Следует отметить, что с целью наиболее точного определения типов грамматической связи слов в словосочетаниях в некоторых случаях использовался подстрочный перевод.

В нашем исследовании предпринято системное сопоставление типов подчинительной связи слов в словосочетаниях и простом предложении в

русском и таджикском языках, установлены точные признаки и характеристика каждого типа связи в словосочетаниях таджикского языка, выявлены расхождения в определении типов связи в словосочетаниях в таджикских научных первоисточниках. Выявлены тенденция развития типа согласования в таджикском языке на уровне словосочетания, тенденция сокращения изафетного типа связи и расширения типа примыкаемой связи. Согласование в лице в таджикском языке более широко представлено, чем в русском языке. Теоретическое описание каждого типа и определение всех способов их выражения, что имеет особое значение для таджикского языка.

Способы грамматической связи слов в русском и таджикском языках нами систематизированы так, чтобы наилучшим образом выявить их эквиваленты в таджикском языке; выявлены типологические соответствия каждого типа подчинительной связи слов в словосочетании в русском и таджикском языках в соответствии с иным взглядом на типологическую картину типов связи в русском и таджикском языках.

Учение о типах подчинительной связи издавна привлекало внимание типологов-лингвистов, поскольку в закономерностях образования видов и типов грамматической связи слов ярко проявляется национальная специфика языка.

Попытка системного сопоставления типов грамматической связи слов русского и таджикского языков определила методику исследования: проанализированы типы грамматической связи слов русского и таджикского языков и систематизированы таким образом, чтобы выявить типологические соответствия грамматической связи слов в русском и таджикском языках или же расхождения, обусловленные грамматической спецификой каждого из сопоставляемых языков.

Достоверность данного положения подтверждается репрезентативной выборкой типов грамматической связи слов русского и таджикского языков (свыше 3000 примеров).

Методологической базой исследования послужили труды русских ученых (Ф.И.Буслаева, Ф.Ф.Фортунатова, А.А.Потебни, А.М.Пешковского, В.В. Виноградова, Н.И. Прокоповича, В.Н. Ярцевой, В.П. Сухотина,

В.В. Белошапковой, Г.А. Золотовой, Н. Ю. Шведовой, В.В. Бабайцевой, П.А. Леканта, Е.С. Скобликовой, О. Б. Сиротининой и др.), таджикских ученых (Б.Н. Ниязмухамедова, Д. Таджиева, Ш.И. Ниязи, А. Халилова, М.Н. Касымовой, Б. Камоллиддинова, А. Мирзоева, М. Норматова и др.) и описанные ими типы подчинительной связи слов в словосочетании, что сформировало представление о необходимости изучения этого своеобразного явления применительно к разносистемным языкам, широко и тесно контактирующим на уровне поверхностного и глубинного структурного синтаксиса, что позволит сделать новые типологические и методические выводы.

В таджикском языкознании учение о словосочетании сформировалось под влиянием шахматовско-виноградовской интерпретации и развито в работах Б.Н. Ниязмухамедова, Д.Т. Таджиева, М.Н. Касымовой, Б. А. Мирзоева, Ш.И. Ниязи, А. Халилова, Б. Камоллиддинова, М. Норматова, а также нашло отражение во всех вузовских учебниках по современному таджикскому языку и в школьной грамматике.

Изучение типов подчинительной связи слов в словосочетании и простом предложении никогда не оставалось на периферии синтаксических исследований как в общем, так и в частном языкознании. Однако в разных теоретических концепциях дается различная интерпретация типов подчинительной связи слов в словосочетании и простом предложении.

Целью данной работы является изучение и описание типологических особенностей типов подчинительной связи слов в словосочетании и простом предложении.

Отсюда вытекают следующие **задачи**:

- уточнить принципы классификации типов подчинительной связи слов в словосочетании и простом предложении в обоих языках;
- выявить типы подчинительной связи слов в словосочетании и простом предложении в сопоставляемых языках;
- рассмотреть сходство типов подчинительной связи слов в словосочетании и простом предложении в русском и таджикском языках;

- проанализировать способы и средства типов подчинительной связи слов в словосочетании и простом предложении в сопоставляемых языках.

Методы исследования. В работе используются: а) сопоставительный анализ структур разносистемных языков; б) парадигматический анализ синтаксических явлений; в) синтаксическое моделирование; г) трансформационный анализ; д) описательный метод.

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе производится анализ концепций типов подчинительной связи слов в словосочетании и простом предложении в русском и таджикском языках, выявляются типологические особенности подчинительной связи слов в словосочетании и простом предложении в сопоставляемых языках, в определении общих типов подчинительной связи слов в словосочетании и простом предложении в русском и таджикском языках, в выявлении специфических типов связи слов в обоих сопоставляемых языках.. Выявлены также тенденция развития типа согласования в таджикском языке на уровне словосочетания, тенденция сокращения изафетного типа связи и тенденция расширения типа примыкания.

Теоретическая значимость диссертации определяется тем, что результаты исследования способствуют: а) решению вопроса относительно специфики типологии грамматической связи слов в словосочетании и простом предложении в русском и таджикском языках; б) выявлению интегральных и дифференциальных черт типологии грамматической связи слов в словосочетании и простом предложении в сопоставляемых языках. Полученные данные и итоговая концепция являются вкладом в сопоставительное языкознание и иранистику.

Практическая значимость исследования. Материалы диссертации могут быть использованы при изучении типов подчинительной связи слов в словосочетании и простом предложении в русском и таджикском языках, при составлении учебников и учебных пособий по сопоставительному языкознанию, при создании программ и учебников по русскому языку для таджикской и по таджикскому языку для русской школы Республики

Таджикистан, в спецкурсах и спецсеминарах по сопоставительному языкознанию, а также в практике перевода.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Для исследуемых языков (русского и таджикского) характерно наличие типов подчинительной связи слов в словосочетании и простом предложении.

2. Каждый из анализируемых языков имеет определенный набор типов подчинительной связи слов в словосочетании и простом предложении.

3. Специфика исследуемого феномена обусловлена грамматическим синтетическим и флективно-аналитическим строем анализируемых языков.

4. Каждый тип подчинительной связи слов в словосочетании и простом предложении имеет типологические соответствия в русском и таджикском языке.

5. Структурно-семантическая специфика исследуемого феномена характеризуется рядом признаков на уровне универсалий.

Апробация работы и внедрение её результатов. Содержание диссертации излагалось по частям в виде докладов на ежегодных научно-теоретических конференциях профессорско-преподавательского состава Кулябского государственного университета (2010-2014гг.), на Республиканской научно-практической конференции, посвященной 300-летию М.В.Ломоносова (КГУ, 2011), на Республиканской научно-практической конференции «Актуальные вопросы филологии» (РТСУ, 2013 г.), Международной научно-практической конференции «Русский язык и литература в культурном пространстве СНГ. Итоги Независимости» (РТСУ, 25 декабря 2013 г.).

Предложенные выводы находят применение в учебном процессе при чтении лекций по введению в языкознание, сопоставительному языкознанию русского и таджикского языков, сравнительно-историческому языкознанию.

ГЛАВА 1. ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА И СПОСОБЫ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СВЯЗИ СЛОВ В СЛОВСОЧЕТАНИИ И ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ В РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ

1.1. Связь слов в словосочетаниях в русской синтаксической науке

Существенная задача синтаксиса состоит в выяснении того, отмечает В.В.Виноградов, как слова и словосочетания, объединяясь в структуре предложения в качестве его членов, образуют предложение – эту основную синтаксическую единицу языкового общения, - и в чем заключаются характерные конструктивно – грамматические признаки предложения [23, 400].

«В структуре словосочетания составляющие его слова синтаксически между собой связаны. Несмотря на существенные различия в характере синтаксических связей слов (как в строе словосочетания, так и в предложении), все эти связи издавна принято подводить под одну из трех категорий - согласования, управления и примыкания» [99, 156].

В словосочетании каждого из языков, в частности, русского и таджикского, слова находят друг друга на базе лексико – семантической и морфологической валентности. Для простоты не будем принимать во внимание словосочетания сочинительные, тем более, что многие лингвисты оспаривают их признание. В словосочетании подчинительном (*чтение книги – хондани китоб; белая береза – сафедори сафед; читать бегло – буро хондан; играть в шахматы - шохмот бозӣ кардан; заниматься до усталости – то мондашавӣ кор кардан и т.д.) всегда есть смысловые связи и морфологические, этими связями регулируются форма словосочетания и его лексическое наполнение. Кроме того, в любом подчинительном словосочетании возникают отношения объектности, определительности, обстоятельственности.*

В любом подчинительном словосочетании зависимое слово выступает в двух, по крайней мере, грамматических функциях, очень существенных для понимания собственно синтаксических отношений в плане выражения

грамматических категорий второстепенных членов предложения. Одна функция – это функция реализатора морфологической валентности господствующего слова. Приведем примеры на русском и таджикском языках различных по своему грамматическому характеру. В словосочетаниях *писать письмо – мактуб навиштан* в русском и таджикском языках зависимое слово реализует морфологическую валентность глагола читать и выражает своё, объектное, отношение к этому глаголу. Первая функция имеет направленность от господствующего слова к зависимому и является морфологической по существу, что может быть установлено при помощи грамматических вопросов, в данном случае при помощи вопроса **что?**

Анализ словосочетания и выдвижение его на первое место дает возможность глубже понять и отразить типологические особенности конкретных языков, в частности, русского и таджикского языков.

Большинство синтаксических единиц находятся между собой в определенных смысловых отношениях, которые выражены языковыми средствами: синтаксическими связями. Учение о синтаксических связях всегда занимало значительное место в курсе синтаксиса. Понятия синтаксической связи – одно из основных фундаментальных понятий синтаксиса. «Синтаксические связи и отношения между элементами (компонентами) синтаксических единиц являются основным признаком синтаксических построений» [140, 31].

Синтаксическая связь, во-первых, является выражением взаимосвязи элементов в синтаксической единице, то есть служит для выражения синтаксических отношений между словами, во-вторых, создает синтаксическую структуру предложения и словосочетания, в-третьих, создает условия для реализации лексического значения слов.

Основные виды (типы) синтаксической связи – сочинение и подчинение.

Сочинение и подчинение являются структурными, собственно языковыми отношениями, призванными структурно оформлять объективные отношения.

Подчинение передает отношения между фактами объективного мира в виде такого сочетания двух слов, в котором одно выступают как главное, второе – как зависимое.

Сочинение передает отношения между фактами объективного мира в виде такого сочетания слов, в котором все слова выступает как равноправные по отношению друг к другу.

«Синтаксические отношения, - пишет Л.Д. Чеснокова, - есть те смысловые отношения, которые в школьном синтаксисе квалифицируются как грамматические значения словосочетания, это те отношения, которые определяют специфику синтаксической структуры предложения, составляют значение членов предложения, значение придаточных предложений, значение сложносочиненных и бессоюзных предложений и т.д.

Отношения между предметами и явлениями реального мира конкретизируются и предстают в языке как отношения между предметом и предметом, между признаком и предметом, между признаком и признаком, между действием и предметом, между действием и признаком, между действием и действием» [140, 9].

Структурные, собственно языковые, отношения призваны определенным образом оформлять, представлять в языке объективные отношения [140, 9].

Основным следует признать деление синтаксических отношений на предикативные и непредикативные. Предикативные синтаксические отношения характерны для грамматической основы предложения: подлежащего и сказуемого.

Непредикативные синтаксические отношения делятся на сочинительные и подчинительные (атрибутивные, объектные, обстоятельственные). Они могут возникать между компонентами всех синтаксических единиц.

Для построения синтаксических единиц употребляются словоформы, служебные слова, типизированные лексические элементы, интонация,

порядок слов и др. Все эти средства служат также для оформления синтаксических связей и выражения синтаксических отношений.

Словоформы – минимальные синтаксические построения, обслуживающие смысловую сторону синтаксических построений, а элементами словоформ являются окончания и предлоги.

Союзы связывают между собой однородные члены предложения, части сложного предложения и компоненты сложного синтаксического целого, выражают их грамматические значения. Менее яркими сигнализаторами грамматических значений являются сочинительные союзы, но и они раскрывают смысловые отношения между сочиняемыми компонентами.

Частицы и их сочетания могут образовывать нечленные предложения, оформлять синтаксические значения предложений, членов предложения, выделять смысловой центр высказывания и т.д. Частицы не включаются в состав членов предложения, если оформляют грамматическое значение всего предложения: *Неужели при тысячеградусных температурах в кабине останутся комнатные условия?*

В остальных случаях частицы, как и предлоги, входят в состав членов предложения.

Важную роль в построении синтаксических конструкций играют типизированные лексические элементы. К ним относятся местоименные слова (вопросительные, относительные, указательные: (кто, что, который, где, куда, этот, тот, такой, там, туда). Учение о словосочетании развивалось противоречиво и сложно.

Для одних языковедов характерно было понимание словосочетания, опирающегося на этимологическое значение термина. Под словосочетанием понималось любое сочетание полнозначных слов, оформленное грамматическими и смысловыми показателями независимо от их формы и назначения в речи. В этом случае и предложение как грамматически организованная единица относилось к разряду словосочетаний, а весь синтаксис объявлялся учением о словосочетании.

Такое понимание сущности словосочетаний свойственно Ф.Ф. Fortunatovu. Эти же взгляды отразились в трудах А.М. Пешковского и М.Н. Петерсона.

Так, Ф.Ф. Fortunatov определяет словосочетание следующим образом: «Словосочетанием в речи я называю то целое по значению, которое образуется сочетанием одного полного слова (не частицы) с другим полным словом, будет ли это выражение целого психологического суждения, или выражение его части» [138, 451].

Значит, предложение причисляется к одному из разрядов словосочетаний.

А.М. Пешковский еще шире понимает словосочетание: «Словосочетание есть два слова или ряд слов, объединенных в речи и в мысли» [86, 35].

При таком подходе считается возможным рассматривать как одно словосочетание объединение двух или нескольких предложений.

Как «соединение слов, равное простому предложению», рассматривает словосочетание М.Н. Петерсон [84], исключив, таким образом, из синтаксиса учение о предложении.

Особый интерес представляет освещение вопроса о словосочетании А.А. Шахматовым: «Словосочетанием называется такое соединение слов, которое образует грамматическое единство, обнаруживаемое зависимостью одних из этих слов от других [146, 274].

В этом случае рассматриваются отношения второстепенных членов друг к другу и их отношения к главным членам, то есть словосочетания выделяются из предложения. При этом само предложение также причисляется к разряду словосочетаний, но в отличие от других такие словосочетания объявляются законченными. Сложившаяся грамматическая традиция нашла отражение и во взглядах В.П. Сухотина на проблему словосочетания, которые изложены в статье «Проблема словосочетания в современном русском языке».

Под словосочетанием здесь понимается «минимальное грамматическое и смысловое единство в составе предложения, отражающее связи реальной действительности» [129, 175].

«Такое определение приводит к следующим выводам: 1) словосочетание вычленяется из предложения; 2) сочетание подлежащего и сказуемого тоже является словосочетанием, которое выполняет функцию сообщения или высказывания о действительности, остальные словосочетания непредикативные; 3) в некоторых случаях словосочетания могут быть равны простому предложению; 4) словосочетания делятся на однородные (с сочинительной связью: учитель и инженера)» [18, 22].

Из сказанного выше следует, что словосочетание понимается как такое синтаксическое единство, которое вычленяется из предложения и существует только в предложении.

Систематизируя исследования в области словосочетания, В.В. Виноградов предлагает иной взгляд на эту единицу и разграничивает понятие словосочетания и понятие предложения, опираясь на функциональный подход к обоим. В результате оказывается, что предложение является единицей коммуникативной, а словосочетание – единицей номинативной.

В.П. Сухотин писал: «Под грамматической формой словосочетания мы понимаем совокупность специфических языковых показателей или грамматических средств (аффиксы, служебные слова, порядок слов), с помощью которых внешним путем выявляются отношения, устанавливаемые между самостоятельными словами словосочетания» [129, 157]. Таким образом, понятие формы словосочетания исчерпывается способами выражения синтаксических отношений или «синтаксическими приемами» согласования, управления, примыкания как наиболее типичными для русского языка.

И.П. Распопов указывал, что подчинительная связь на уровне словосочетания всегда носит «субординативный» характер. Субординация –

связь прямая и односторонне направленная от подчиняющего к подчиняемому [103, 40-41].

Характеризуя синтаксические отношения, Н.Ю. Шведова развивает идею о необходимости противопоставления присловной и неприсловной подчинительной связи. Присловная связь - величина постоянная, "предопределенная словом независимо от его роли и места в предложении" [106, 13], неприсловнные связи - величины переменные (ср.: *Я получил эту бандероль распечатанной; Мальчик надел рубашку неглаженной* и т.п.), это "такие связи, которые предопределены синтаксическими позициями тех или иных *форм* слов **В** предложении" [107, 13]. Неприсловная связь наиболее ярко обнаруживается в отношениях детерминанта с остальным составом предложения [107, 149-163] и в координации подлежащего и сказуемого [107, 37-244].

Эта основополагающая идея синтаксической концепции П.Ю.Шведовой не вызывает сомнений при характеристике присловной связи, хотя некоторые трудности, по-видимому, неизбежные, все-таки остаются, особенно в тех случаях, когда зависимый компонент втягивается в сферу предикации или как-то соотносится с глаголом-сказуемым. Известные осложнения возникают при квалификации синтаксической связи разнообразных детерминантов. Не всегда ясны и очевидны отношения атрибутивно-предикативных и обстоятельственно-предикативных компонентов (ср., например: Людмила Федоровна - женщина привлекательная и интересная; Вчера она выглядела совсем некрасиво - совсем некрасивой; Он парень не из понятливых и с придурью). О недостаточной четкости разграничения присловных и неприсловных связей свидетельствует, например, такой факт: у однофункциональных, на наш взгляд, форм творительного падежа в одном случае отмечается присловная позиция (родиться счастливым, признать руководителем и др.) [107, 433], в другом - неприсловная позиция (вырос героем, лежит добычей тленья и др.) [107, 434].

Характеристика присловных связей представляется весьма содержательной и убедительной, но эта стержневая проблема теории простого предложения требует, на наш взгляд, дополнительного изучения материала и некоторых новых решений. Так, при анализе координационной связи главных членов нельзя не учитывать некоторые константные грамматические признаки форм подлежащего и сказуемого. Если, например, в роли подлежащего выступает существительное, а в сказуемом - адъективное слово, то последнее не может не выражать родового значения существительного (ср.: Хозяйка была веселая и приветливая). Константность выражения родового признака ярко обнаруживается в тех уникальных случаях, когда характеризующее слово предопределяет падеж существительного, но согласуется с ним в родовом значении (ср.: два стола, два окна, две стены). Что же касается значения падежа адъективных слов (и шире: имен) в их предикативном употреблении, то этот грамматический признак следует считать неконстантным, не зависящим от формы подлежащего (ср.: Хозяйка была веселая и приветливая - веселой и приветливой – не из приветливых).

Отметим, наконец, и такие построения, в которых форма сказуемого константно выражает "безличность" (в именных конструкциях при связках было, будет, было бы), а подлежащего или нет вообще (односоставные предложения), или же оно по своей грамматической природе не может поддержать эту связь (Поступить так было бы опрометчиво - опрометчивым). Инфинитив здесь занимает позицию подлежащего и является тем экраном, на который направлены грамматические признаки сказуемого, но он не может их ни воспринимать, ни отражать. Может быть, в таких случаях более существенна сама направленность грамматической связи, а не обоюдность отношений главных компонентов?

Трудности характеристики отношений подлежащего и сказуемого не только не свидетельствуют против принятого в «Русской грамматике» решения, а, напротив, подчеркивают и подтверждают необходимость противопоставления присловной связи (явление константное, относительно

хорошо изученное) и неприсловной связи (явление переменное, хотя и с некоторыми константными признаками, а главное - недостаточно изученное).

В описании синтаксических возможностей словоформ используются понятия трех рядов: 1) отношения (объектные, определительные, восполняющие), 2) характер связи (сильная и слабая подчинительная связь), 3) тип связи (согласование, управление, примыкание - собственно примыкание и падежное примыкание). Характеристика синтаксиса словоформ отличается, прежде всего, своей многоаспектностью и дифференцированностью, ярко выраженной направленностью против схематизма и упрощенчества. В этом плане обращает на себя внимание дальнейшая детализация отношений: помимо названных, дополнительно выделяются разнообразные виды объектных отношений (объект конкретного действия, объект мысли, объект речи, объект - орудие, объект - адресат и др.), различаются собственно определительные, обстоятельственно-определительные и субъектно-определительные отношения. Но, как подчеркивает Н.Ю.Шведова, "главная сложность системы отношений, возникающих при подчинительных связях, состоит не в многообразии разных видов объектов и определителей, а в том, что названные три вида отношений постоянно взаимодействуют друг с другом и этим создаются комплексные, диффузные отношения, т.е. отношения, которые совмещают в себе значения восполняющие и определительные, восполняющие и объектные, объектные и определительные, а в некоторых случаях - и те, и другие, и третьи одновременно" [107, 19]. Обобщение разнообразных видов отношений в три типа убедительно мотивируется различием возникающих при них подчинительных связей: при сильной связи всегда реализуются восполняющие или объектные отношения, при слабой связи - определительные отношения.

Вопрос о характере связи (сильное и слабое подчинение) находит в «Русской грамматике-80» хорошо обоснованное решение, важнейшим следствием которого признается необходимость противопоставления

собственно управляемых форм и форм падежного примыкания. Обособление падежного примыкания аргументируется комплексным анализом языковых сущностей трех планов: 1) план отношений: "при падежном примыкании возникают отношения определительные, субъектно-определительные или - при информативно недостаточных словах, требующих обстоятельственного распространения, - обстоятельственно-восполняющие" [107, 21]; 2) план характера связи: " при падежном примыкании связь предсказана только значением главного слова как части речи (исключение составляют несколько требующих обстоятельственного распространителя информативно недостаточных слов), и возникающие отношения носят более конкретный характер, чем при управлении" [107, 21]; 3) план типов связи: падежное примыкание отличается от собственно примыкания прежде всего тем, что при последнем отмечается зависимость только неизменяемых слов; от управления, сильного и слабого, оно отличается в первую очередь характером возникающих отношений: при падежном примыкании главенствуют определительные отношения, при сильном управлении - объектные и восполняющие, при слабом управлении объектные отношения контаминируются с определительными; от согласования падежное примыкание отличается тем, что примыкаемые формы не могут уподобляться форме господствующего слова, однако согласуемые и падежно примыкаемые формы характеризуются слабой связью и выражают определительные отношения.

Вопрос о типах подчинительной связи (третий ряд основополагающих понятий) находит свое решение, как это отмечалось выше, в разграничении присловных и неprisловных связей: согласование, управление, примыкание обнаруживают себя в составе словосочетания, координация и свободное присоединение (связь детерминанта с предложением в целом) как на присловные виды связи обусловлены функциональными свойствами предложения.

Характеристика сложного взаимодействия плана отношений, плана характера связи, плана типов связей дополняется анализом двойных сильных связей (*вбить гвоздь в стену, сообщить новость собравшимся* и т.п.), рассмотрением вариативности связей (числиться отстающим – в отстающих – среди отстающих: *перейти дорогу - через дорогу; причина беспокойства - беспокойству - для беспокойства* и т.п.), описанием связи группы форм – главенствующей (*обойтись плохо с посетителем, пожать руку гостю*) или зависимой (*стоять плечом к плечу, твердить изо дня в день*).

Этот сложный, но тщательно разработанный понятийный аппарат служит конструктивной основой характеристики подчинительных связей слов разных частей речи [107, 25-79] и синтаксиса формы слова [107, 422-460]. В первом случае анализ проводится в границах словосочетания, учитывается, прежде всего, формальная зависимость (связь) компонентов, направленность описания (от господствующего компонента к зависимому), во втором случае анализируются формы слова, отмечаемые как в словосочетании, так и в предложении, здесь в центре внимания находится семантика (отношения) компонентов, направленность описания – от зависимого компонента к главному. Такой подход к объекту анализа – описание с диаметрально противоположных точек зрения с изменением цели и задач исследования – решение принципиально новое и, безусловно, перспективное, позволившее автору охарактеризовать синтагматические возможности словоформ в весьма компактном и содержательном изложении.

Подчинительные связи глагола, обладающего наиболее насыщенной, но далеко не однотипной валентностью, представлены в дифференцированном и многоаспектном описании. В глагольном управлении особо выделяются одиночное, двойное и вариативное управление, эти типы подчинительной связи рассматриваются на основе противопоставления беспредложного и предложного управления.

Свое освещение (и соответствующую рубрикацию) получают все сколько-нибудь заметные особенности глагольного управления:

последовательно и специально рассматривается зависимость предлога от морфемного состава глагола (предлог дублирует звуковой состав и/или значение вычленяемого префикса - группа А) или только от значения глагола (группа Б), отдельно анализируются свойства сильного и слабого управления, при двойных связях выделяется беспредложное, беспредложно-предложное и предложное управление, а также контаминация управления и примыкания, аналогично описывается вариативное управление, в последнем случае особо характеризуется сравнительно новое явление - вариативная связь управляемой формы и формы, вводимой союзом как (в качестве). В характеристике связи приглагольного примыкания основное место занимает описание падежного примыкания – (беспредложного и предложного). Обоснованным и целесообразным представляется анализ глагольной связи у имен, словообразовательно соотносительных с глаголом.

Подчинительные связи существительного рассматриваются в трех аспектах: согласование, управление, падежное примыкание, причем последний - вследствие его новизны и неизученности - вызывает наибольший интерес. Подчинительные связи прилагательного (управление и примыкание), подчинительные связи наречия, компаратива, местоимения - существительного и количественного числительного характеризуются в сравнительно кратком, но четком и содержательном изложении: подчеркивает особую значимость приглагольной и присубстантивной связи.

Если описание подчинительных связей требует, прежде всего, изучения валентности глагола и существительного, то синтаксис формы слова, т.е. исследование семантики и функционирования зависимых компонентов словосочетания и предложения, ограничивается, в сущности, анализом падежных форм существительного: иные формы или монофункциональны, или же характеризуются четко обнаруживающимися и хорошо известными закономерностями своего значения и употребления.

Синтаксис формы слова менее всего относится к спрягаемым формам глагола, к падежным формам прилагательных и причастий, к формам

инфинитива, наречия, деепричастия и компаратива; их краткая характеристика не требует существенных дополнений. В научных исследованиях на большом языковом материале здесь осуществлено разграничение присловных и неприсловных позиций словоформ [107, 424-454]. Результаты этого разграничения имеют большое теоретическое и практическое значение. Несомненный научный интерес и особую значимость представляет, например, вывод о том, что предикативная позиция открыта почти для всех словоформ существительного (исключения из общего правила последовательно учитываются и объясняются). Сопоставив этот вывод, дискуссионный в частных наблюдениях, но не в его общем содержании, с суждениями синтаксистов XIX в., не отмечавших, как правило, предикативного функционирования предложно - падежных форм, мы обнаруживаем принципиально иной подход к объяснению строения и функционирования простого предложения. Если же учесть и особую значимость подчинительных связей глагола и существительного, выделяющих эти части речи в составе всех грамматических классов языка, то с необходимостью мы приходим к выводу о том, что и в строении словосочетания, и в формировании предложения, и в функционировании различных распространителей доминирующие позиции занимают глагол и существительное, их прямые и опосредованные отношения обозначают контуры всего синтаксиса.

Определяющая роль глагола в формировании и конструктивном строении предложения уже давно учитывалась синтаксистами (И.Буслаев, А.А.Потебня, А.М.Пешковский и др.). Большую актуальность эта проблема обретает и в наше время: несмотря на формальную зависимость глагола от существительного, многие синтаксисты отводят глаголу роль конституента предложения. Однако Н.Ю.Шведова принципиально и последовательно обосновывает иную точку зрения, отчетливо выраженную в заключительном разделе описания синтаксиса падежных форм существительных: "По своей роли в организации предикативной основы предложения, в его

распространении, а также в организации целого текста падежная форма имени не менее значима, чем спрягаемая форма глагола" [107, 454]. Это фундаментальное заключение, сформулированное в результате глубокого и всестороннего изучения большого, трудного для анализа материала определяет основные объекты и главное направление исследования синтаксиса русского языка: глагол и имя (существительное), их семантика, взаимоотношения и функционирование.

Однако во всех фундаментальных учебниках по современному русскому языку для высших учебных заведений основными из них являются традиционно выделяемые согласование, управление и примыкание – способы оформления слов, употребляемых в грамматически зависимой позиции [6; 11; 18; 19; 29; 30; 106; 116; 118; 125; 126; 127; 128 и др.].

Е.С. Скобликова отмечает, что в выражении подчинительных связей слов участвует целый комплекс грамматических средств: грамматические формы знаменательных слов, порядок слов, интонационные средства. Подчинительные связи опираются на морфологические свойства знаменательных слов. В силу того, что русский язык обладает развитой системой склонения, способы эти имеют очень важное значение. Использование определенного способа диктуется морфологическими особенностями той части речи, к которой принадлежит зависимое слово: их сходств по формам словоизменения с главным словом словосочетания, а также с личным глаголом, они оформляются при помощи согласования; с существительным или каким-либо другим словом с предметным значением зависимое слово сочетается при помощи управления; неизменяемым словам и словоформам свойственно примыкание» [118, 54].

Обязательный признак каждого предложения — его грамматическая оформленность, отмечает А.К.Федоров. Она достигается тем, что слова, входящие в предложение, связываются между собой различными способами. Наиболее существенную роль среди этих способов в русском языке играют

три основных типа подчинительной связи: согласование, управление и примыкание [136, 5].

Подчинительная связь объединяет обычно два знаменательных слова в одно словосочетание, которое можно вычленить из предложения как самостоятельную синтаксическую единицу. Поэтому часто говорят о согласовании, управлении и примыкании как способах связи слов в словосочетании, например: добрый человек, любить жизнь, весело смеяться. Однако свести изучение подчинительных связей слов к анализу двусловных словосочетаний нельзя, потому что «в предложении правила соединения слов, типичные для разных видов или типов словосочетаний, осложняются и восполняются такими законами и правилами, которые действуют лишь в строе предложения» [32, 46].

Сравним такие примеры: 1) Песок кажется зеленоватым; 2) Вода кажется зеленоватой; 3) Камни кажутся зеленоватыми. Нет сомнения, что род и число прилагательного (именной части сказуемого) изменяется в зависимости от изменения рода и числа существительного-подлежащего. Но эту связь нельзя обнаружить, если анализировать словосочетания, так как нет словосочетаний «песок зеленоватым», «вода зеленоватой», «камни зеленоватыми». Форма творительного падежа прилагательного здесь обусловлена связкой **кажется**. Бесспорно, что в сказуемом **кажется зеленоватым** слова связаны между собой и по смыслу, и грамматически, но они тоже не образуют словосочетания, потому что словосочетание — это объединение полнозначительных слов, а связка таким словом не является.

Рассмотрим еще один пример: Из-за волнения ученик ответил на вопрос плохо. С чем связана предложно-падежная форма из-за волнения? Формально она связана как будто бы с глаголом ответил. Но ведь нельзя выделить «ответил из-за волнения» как сочетание, в котором слова связаны по смыслу. Подобные формы зависят от всего остального состава предложения, т. е. они связаны не со словом, а с предложением в целом.

Следовательно, для глубокого и правильного понимания согласования, управления и примыкания нельзя ограничиться наблюдениями над связями слов в словосочетаниях только в составе словосочетания. Эти наблюдения как нам представляется, следует дополнить изучением специфики связей слов в предложении, так как изучение способов подчинительного объединения слов — подготовительный этап для правильного выделения и квалификации членов предложения, для понимания структуры простого предложения.

Поэтому характеристика согласования, управления и примыкания нами дается с учетом этих двух аспектов связи слов (как в словосочетании, так и в предложении).

Иногда понятие «связь слов в предложении» подменяют понятием «связь членов предложения». С этим тоже нельзя согласиться. Например, в предложении Чехов... умел видеть вперед (Ю. Герман) синтаксически связано с подлежащим не сказуемое умел видеть, а только часть его — вспомогательный глагол умел, который согласуется с подлежащим в роде и числе, а основная часть сказуемого, выраженная инфинитивом видеть, не связана с подлежащим, инфинитив примыкает к вспомогательному глаголу. В предложении Меня увлекает честолюбивая идея быть пионером дел великих (Г. Серебрякова) несогласованное определение выражено синтаксически нечленимым сочетанием быть пионером, первый компонент его *быть* примыкает к определяемому слову *идея*, а второй компонент пионером управляется инфинитивом *быть*. То же самое в предложении Большинство забав определялось течением деревенской жизни (В. Солоухин). Сказуемое *определялось* согласуется не с подлежащим большинство забав, а только с частью его — со словом *большинство*. Правда, обычно слово и член предложения совпадают, поэтому мы говорим: «это определение согласуется с определяемым словом» или «это обстоятельство управляется сказуемым», однако надо иметь в виду, что если член предложения (подчиненный или

подчиняющий) выражен словосочетанием, то необходимо рассматривать связь каждого слова в отдельности, а не связь членов предложения [136, 6].

Таким образом, синтаксическая традиция в русском языке выработала морфологическое в своей основе деление подчинительной связи на уровне связи формы слова на три вида: согласование, управление и примыкание.

1.2. Критический анализ грамматической сочетаемости слов в словосочетаниях и предложениях в современном таджикском языке

Как показывает анализ научно-методической литературы, в современном таджикском языке нет единой точки зрения относительно способов связи слов в предложении и словосочетании, наблюдается различная классификация одних и тех же единиц разными исследователями, нет четкой и ясной позиции авторов при выделении и определении способов связи слов в предложении и словосочетании, нет достаточно ясного и четкого их определения, а порой отсутствуют и какие-либо аргументы при квалификации структурно-семантических типов словосочетаний. Что касается всех типов связи, (следует сказать об отсутствии научной характеристики также всех типов связи слов в словосочетании и предложении. В этом плане особого внимания заслуживает исследование профессора Д.Т. Таджиева «Способы связи определения с определяемым в современном таджикском языке» [130, 8].

В своих трудах, посвященных словосочетаниям таджикского языка, А. Мирзоев отмечает, что в сферу синтаксиса, сведений о предложении, его структуре или связи слов в предложении входит также описание видов словосочетаний и описание способов связи слов в предложении, то есть синтаксис описывает и словосочетания, и предложения. В связи с этим, по его мнению, представляется чрезвычайно важным глубокое и всестороннее изучение словосочетаний, необходимое для определения внутренних закономерностей развития языков [64, 143].

Планомерное изучение словосочетаний в таджикском языкознании начинается в 60-е годы XX-го века с первой статьи «Значение словосочетания в исследовании и обучении таджикскому языку» известного лингвиста Ш.И. Ниязи [78, 7]. В ней приводятся ценные замечания о значении изучения словосочетания, дается его определение, говорится об отличии словосочетания от сложного слова, о способе подчиненности частей и их принадлежности к определенной морфологической группе в зависимости от основного члена, а также синтаксических отношениях между компонентами словосочетания. Далее появляется статья Д. Таджиева «Тарзҳои алоқои муайянкунанда бо муайяншаванда дар забони адабии ҳозираи тоҷик» / «Способы связи определения с определяемым в современном литературном таджикском языке», в которой он детально показывает сочетание определения с определяемым посредством синтаксической связи изафета и примыкания, смысловых отношений и сочетание словосочетания с другими словами. Таким образом, ученный сделал первый шаг в таджикском языкознании в изучении именных словосочетаний с изафетом и примыканием [130, 114-165].

Академик В. Ниёзмухамедов в своей монографии «Чумлаҳои содда дар забони адабии ҳозираи тоҷик» («Простые предложения в современном таджикском литературном языке»), говоря о словосочетании, даёт такое определение: «Два или более слов с самостоятельными значениями, соединенные друг с другом и передающие одно понятие, называются словосочетанием» [75, 86].

В трудах и статьях А. Халилова также широко освещалась тема словосочетания. Приводя свое определение словосочетания, он установил предикативные (между подлежащим и сказуемым), атрибутивные (между определением и определяемым), релятивные и примыкательные связи между обстоятельством и сказуемым в словосочетаниях в таджикском языке. Помимо этого, в своей монографии «Ибораҳои изофӣ дар забони адабии

точик» («Изафетные словосочетания в таджикском литературном языке») он приводит сведения о соединении слов посредством изафета, об их отношениях и о замене изафета предлогами и послелогоми [139, 121-191].

Другому типу таджикских словосочетаний посвящена монография известного ученого М.Н.Касымовой «Ибораҳои изофии масдарӣ» («Изафетные инфинитивные словосочетания»), где она, отмечая отличие словосочетания от предложения, слова и сложного слова, совершенно верно описывает отношения между членами изафетного инфинитивного словосочетания [49, с. 62].

Грамматические средства синтаксической связи слов в простом предложении в современном таджикском языке достаточно полно и подробно проанализированы на богатом фактическом материале в работах М.Н. Касымовой [47, 5]. Этому вопросу посвящен целый раздел её диссертации, поэтому мы в определенной степени и будем на неё опираться.

Наиболее полные сведения о словосочетании в таджикском языке приводит А. Мирзоев. Основываясь на весьма многочисленных и убедительных примерах, он в своих многочисленных работах исходит из понятия предложения и считает, что «словосочетание - синтаксическое единство, вычленяемое из предложения» [64].

На наш взгляд, справедливо высказывание Л.В.Успенской о том, что современное таджикское языкознание в пока ещё немногочисленных исследованиях, посвященных проблемам словосочетания и предложения, всё ещё не смогло преодолеть сильного влияния традиционной русской грамматической теории [135, 9]. В предисловии ныне действующего учебника по синтаксису современного таджикского языка для факультетов таджикской филологии сказано, что, кроме учета особенностей синтаксического строя современного таджикского языка, при решении многих теоретических и методических вопросов, авторы опираются на труды лучших русских лингвистов: А.А.Шахматова, А.М. Пешковского, В.В. Виноградова, Е.М. Галкиной-Федорук, А.А. Гвоздева, А.Г. Руднева.

Таджикский язык относится к языкам аналитического типа. Для всех знаменательных частей речи этого языка, кроме глагола, характерно отсутствие флективных форм словоизменения. Немногочисленные грамматические категории именных частей речи выражаются иными способами, чем в русском языке, а это диктует и наличие отличающихся от русского языка типов подчинительной связи между словами и способов выражения этих связей. Если в русском языке подчинительная связь основана на формально-смысловой зависимости одного члена словосочетания от другого, т.е. на грамматическом подчинении, то в таджикском языке зависимость членов словосочетания, да и предложений друг от друга с формальной стороны установить трудно. Здесь можно говорить только об одном грамматически оформленном типе подчинительной связи – о согласовании, но оно проявляется в пределах предложения между сказуемым и подлежащим

В грамматике современного таджикского литературного языка выделяются следующие виды подчинительной связи: 1) алокаи мувофиқат - согласование; 2) алокаи изофӣ – изафетная связь, 3) алокаи пешояндӣ - предложная связь; 4) алокаи пасояндӣ – послеложная связь; 5) алокаи ҳамроҳӣ – связь примыкания; 6) алокаи изофию пешояндӣ – изафетно-предложная связь; 7) алокаи изофию пасояндӣ - изафетно-послеложная связь; 8) алокаи пешояндии чуфт – связь при помощи парных предлогов (аз...то, аз...то ба, аз... ба, аз вақти... то вақти); 9) алокаи пешоянду пасоянди – предложно-послеложная связь; 10) алокаи артиклӣ – артикльная связь или же связь при помощи артикля; 11) алокаи пасояндиву бандакҷонишинӣ – связь при помощи послелога и местоименного суффикса [35, 21]. В грамматике современного таджикского литературного языка отсутствует управление как тип подчинительной связи как характерной в таджикском языке [35].

М.Набиев выделяет в своем учебнике «Современный таджикский литературный язык» для студентов педагогических специальностей

следующие типы подчинительной связи: мувофикат – согласование, алокаи изофӣ – изафетная связь, вобастагӣ (пешоянду пасояндҳо) - управление (предлоги и послелого) и хамроҳӣ – управление [73, 143].

Так, в учебнике по современному таджикскому языку выделяются следующие типы подчинительной связи слов в словосочетаниях и предложениях: изафет, управление и примыкание [41, 19]. В другом вузовском учебнике выделены такие типы подчинительной связи, как: согласование, управление, примыкание и изафет [43, 9]. В грамматике современного таджикского литературного языка отсутствует управление как тип подчинительной связи, характерный для таджикского языка [36]. В монографии Р.А. Самадовой выделяются в зависимости от одинаковых типов синтаксических функций слов в сравниваемых предложениях русского и таджикского языка три одинаковых способа связи (согласование, управление, примыкание) и изафетная связь в таджикском языке, объединяющая не только изафетную связь, но также и разные виды послеложных конструкций. Р.А. Самадова ограничивает согласование в таджикском языке предикативной связью и не касается словосочетаний [113, 77; 82; 139]. Одинаковые грамматические формы отнесены и к управлению [113, 82; 139], и к примыканию [113, 82].

Таким образом, как показывает анализ опубликованных первоисточников, наблюдаются различные точки зрения на данный вопрос.

Тщательный сопоставительный анализ научных первоисточников по вопросу подчинительной связи слов в словосочетаниях и простом предложении в русском и таджикском языках привёл нас к выводу, что наиболее приемлема точка зрения та, которая нашла отражение в грамматике современного таджикского литературного языка мы считаем, что эта точка зрения более точно отражает способы подчинительной связи слов в таджикском языке.

ГЛАВА 2. ОБЩИЕ ТИПЫ СВЯЗИ СЛОВ В СЛОВСОЧЕТАНИИ И ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ В СОПОСТАВЛЯЕМЫХ ЯЗЫКАХ

2.1. Согласование в русском и таджикском языках

2.1.1. Согласование в современном русском литературном языке

В «Русской грамматике-80» дается следующее определение согласования как типа связи: «Согласование – это подчинительная связь, которая выражается уподоблением формы зависимого слова форме главенствующего слова в роде, числе и падеже, либо в числе и падеже, либо только в падеже, и означает отношения собственно определительные: *новый дом, кто-то чужой, дом – башня, ясли – новостройка*. Главным словом при согласовании может быть существительное, местоимение-существительное и количественное числительное в форме им.-вин. падежа. При информативно недостаточных словах согласование совмещает определительное значение со значением восполняющим и таким образом приобретает признаки сильной связи: *веселенькое дело, непостижимые вещи*» [107, 20].

Согласование в русском языке является более «формализованным» способом установления связи между словами. Подчиненное слово при согласовании воспроизводит грамматические категории, присущие господствующему слову: *талантливый человек, осенние розы, это здание, этот дом, великий писатель, замечательный игрок, блестящая победа, прочитанная книга, каждый человек, такие люди, весь дом, какая-то женщина, какой-то мужчина* и др., например: *Это острое чувство стыда не может сравниться ни с какою болью* (А.П.Чехов. Дядя Ваня, с.300). *И в это время у меня своя собственная философская система, и все вы, братцы, представляетесь мне такими букашками... микробами* (А.П.Чехов. Дядя Ваня, с.282). *В такой обстановке невозможно работать* (А.Рыбаков. Дети Арбата, с.39). *Это была отрезанная голова Берлиоза* (Булгаков. Мастер и Маргарита, с.51). *Город уже жил вечерней жизнью*

(Булгаков. Мастер и Маргарита, с.57). *Панкратов рассчитывал на **высоких покровителей***.

В русской синтаксической науке наблюдается широкое понимание согласования. К нему относят, прежде всего, типичное для форм полных имен прилагательных и причастий (включая сюда и соответствующие местоименные слова, а также порядковые числительные) уподобление в роде, числе и падеже определяемому *существительному*:

Мое сердце точно билось сильнее обыкновенного (Лермонтов. Герой нашего времени, с.497). *Я принял **серьезный вид** и отвечал ему* (Лермонтов. Герой нашего времени, с. 500). *Мы кинули друг другу **беглый взгляд*** (Лермонтов. Герой нашего времени, с. 510). *У него **такой гордый и храбрый вид*** (Лермонтов. Герой нашего времени, с. 521). ***Каждый день** вижу Веру у колодца и на гулянье* (Лермонтов. Герой нашего времени, с.523). ***Сегодняшний** вечер был обилён происшествиями.* (Лермонтов. Герой нашего времени, с. 525). *Я не спал **всю ночь*** (Лермонтов. Герой нашего времени, с. 528). *Четко считал **уходящее время** маятник часов* (Горький. Мать, с. 42). ***Первым движением** Юры, когда он слез с подоконника, было желание одеться и бежать на улицу, чтобы что-то предпринять* (Пастернак. Доктор Живаго, с. 16). ***Сашина колонна** проходила близко от Мавзолея* (А.Рыбаков. Дети Арбата, с. 34).

Традиционное определение отражает самые частотные и, вместе с тем, простые случаи согласования. В более сложных случаях происходит не уподобление, а соотнесение формы главного и зависимого компонентов. Поэтому согласование следует определить как вид подчинительной связи, при котором зависимые компоненты соотнесены с формальными признаками главных, так что при изменении формы главного компонента меняется форма зависимого. В определение согласования целесообразно также включить указание на грамматическую природу связываемых компонентов — признак, постоянно участвующий в различении видов подчинительной связи. Главный компонент при согласовании всегда существительное, а зависимый

обязательно принадлежит к грамматическим классам, имеющим формы с синтаксическим значением.

Собственно согласование, характерное и типичное для субстантивных словосочетаний, — наиболее грамматичный тип связей. Отнесенность определяющего прилагательного (причастия, местоимения, порядкового числительного) к определяемому, стержневому существительному грамматически формально четко выражена. Согласованием, уточняет В.А. Белошапкина, принято называть такую подчинительную связь, при которой отношение **зависимого** компонента сочетания к **главному** выражается его уподоблением главному **в одноименных грамматических категориях** [11, 32].

В их уподоблении могут участвовать разные грамматические категории и неодинаковое их количество в зависимости от того, какие категории способны передать окончания согласуемого слова. Например, у полных прилагательных, причастий и местоимений в форме единственного числа в согласовании участвуют три грамматические категории: род, число и падеж. Например: *Керосиновый ночник* *вздрагивал на столе* (Паустовский. Телеграмма, с. 272). *Поездка на Мангышлак стояла в маршруте Прокофьева на последнем месте* (Паустовский. Кара-Бугаз, с. 61). *Моё присутствие было неприятно* (Чехов. Дом с мезонином, с. 24). *В форме множественного числа согласуется две грамматические категории: число и падеж. Например: У тебя прекрасные волосы* (А.П.Чехов. Дядя Ваня, с.289). *Осенние розы – прелестные, грустные розы...* (А.П.Чехов. Дядя Ваня, с.288). Краткие прилагательные, причастия, глаголы прошедшего времени в форме единственного числа имеют две общие грамматические категории: число и род. Например: *Свеча дрожала на столе* (Паустовский. Орест Кипренский, с. 100). *Выставка открылась вечером* (Паустовский. Телеграмма, с. 276). *Набросок был очень хорош* (Паустовский, с.139). *Шевченко был свободен* (Паустовский. Тарас Шевченко, с.143). *Летний сад был пуст, безмолвен* (Паустовский, с. 139). В форме множественного числа у

них только одна общая категория с определяемым словом (число): *Все известные люди довольно просты*. Глаголы в формах настоящего и будущего времени имеют две категории: лицо и число (*я уезжаю, вы уедете*). *Мальчик читает. О, чудные мысли, как хорошо, я даже смеюсь... но, боже мой, мысли путаются в голове...* (А.П.Чехов. Дядя Ваня, с.281).

В силу специфики грамматического уподобления характерной особенностью согласования является то, что изменения в форме слова с предметным значением или замена его словом другого грамматического типа требуют соответствующих изменений согласуемого слова. Ср., например: *способный ученик—способным учеником; способные ученики — способная ученица; я прочитаю, кто-нибудь прочитает, вы читаете* и т.д. [118, 56].

Образовать словосочетания на основе согласования могут и имена существительные: *город Харьков, токарь Климов, мальчик-подросток*. В этих словосочетаниях зависимое слово согласуется с главным только в числе и падеже. Согласования в роде нет, формы рода здесь совпали, что подтверждается наличием таких словосочетаний: бритва «Харьков», токарь Климова, девочка-подросток.

Вопрос о согласовании достаточно полно и подробно анализируется на широком фактическом материале в монографии Е.С.Скобликовой «Согласование и управление в русском языке». Е.С. Скобликова выделяет следующие разновидности согласования: **собственно грамматическое согласование**, согласование **смысловое**, согласование **условно-грамматическое**, согласование **ассоциативно-грамматическое** [118, 178].

Собственно грамматическое согласование, при котором род подчиненного слова повторяет род господствующего слова, наблюдается в том случае, если господствующим словом является субстантивное слово, имеющее грамматическую категорию рода: существительное мужского, женского или среднего рода; субстантивированное прилагательное и причастие:

Бродячий философ оказался душевно больным (Булгаков. Мастер и Маргарита, с.33). *Вы не могли бы позвать мою сестру...* (А.Рыбаков. Дети Арбата, с.179). *Толстая продавщица держала дверь* (А.Рыбаков. Дети Арбата, с.181). *При этой встрече Вронский понял, что Голенищев избрал какую-то высокоумную либеральную деятельность и вследствие этого хотел презирать деятельность и звание Вронского* (Л.Толстой. Анна Каренина, с.26). *У нас в университете прекрасная столовая. Она писала ему, что желает закончить начатый разговор и просит его приехать завтра* (Л.Толстой. Анна Каренина, с.308). *Это закрытая столовая, - объяснил Борис, - для сотрудников* (А.Рыбаков. Дети Арбата, с. 190). *Одна только отрада в эти тягучие праздники...* (Куприн. Колесо времени, с. 6). В этой стремительной послушности было, пожалуй, что-то комическое (Бунин. Колесо времени. с. 16).

«О чисто смысловом согласовании можно говорить в тех случаях, когда грамматический род согласуемого слова устанавливается исходя непосредственно из пола лица (реже - животного), обозначаемого господствующим словом, без участия морфологических показателей рода у господствующего слова или даже минуя такие показатели, отмечает Е.С.Скобликова. Смысловое согласование в роде, отмечает далее Е.С.Скобликова, имеет место: 1) при одушевленных (преимущественно личных) существительных, а) когда существительное - несклоняемое - вообще не имеет морфологических показателей рода. (Захаренко, Краузе, конференсье и под.); б) когда окончания существительного (или шире - форма его именительного падежа) не соответствуют его грамматическому роду и полу (мальчишка, Ваня, дядя, Лука, Батиста, Элен, Жаклин, Мамлакат и т.д.); в) когда одна и та же форма существительного приобретает определенный грамматический род в зависимости от пола (Саша, Женя, Валя, плакса, неряха, сирота и др.); г) когда грамматический род существительного, получающий выражение в его окончании, не соответствует реальному полу; 2) при местоимениях я, ты и вежливым Вы, не имеющих грамматической категории рода. Например:

Квачадзе отодвинул его, сунул голову в окошко (А. Рыбаков. Дети Арбата, с.210). *Саша вынул из чемодана банку шпрот – все, что осталось от маминной передачи* (А.Рыбаков. Дети Арбата, с.187). *Саша плакала от боли и стаха...* (Чехов. Мужики, с.213). *Женя придерживала от ветра шляпу* (Чехов. Дом с мезонином, с.95).

При использовании согласования смыслового форма подчиненного слова отражает не грамматические категории главного слова, а непосредственно реальные признаки обозначаемого им предмета: пол человека или животного, единичность или множественность конкретных предметов, и приводит следующие примеры: *Я села; вы способный — вы способная — вы способные; секретарь не ответила; мой отец с матерью; следующие пять человек; страшный плакса — страшная плакса*. В ряде случаев отмечает Е.С.Скобликова, смысловое согласование становится единственным средством информации о предметном содержании главного компонента», и приводит примеры: *На площади стояло такси – стояли такси; Председатель встал – встала* [118, 57]. *Директор школы вошла в класс. Меня приняла врач Иванова. Вы, Миша, ещё мало жили и мало страдали* (Чехов. У знакомых, с.275). *Вы отравляете себя, Сергей Сергеевич. Вы нервный, впечатлительный человек...* (Чехов. У знакомых, с. 273). *Ты молода, здорова, а я уже калека, жить мне осталось недолго* (Чехов. Супруга, с.9). *До меня, - сказал Борис, - в столовой работали пятеро, теперь двое: кухонный рабочий и вот она. Повариха, она же кассир, официантка и директор* (А.Рыбаков. Дети Арбата, с.191). *Я передала тебе сто пятьдесят рублей* (А.Рыбаков. Дети Арбата, с.206). *Я уже договорилась* (А.Рыбаков. Дети Арбата, с.206). *Я вас сюда не загонял, меня самого загнали* (А.Рыбаков. Дети Арбата, с.240).

Согласование условно-грамматическое – это традиционно сложившаяся немотивированная форма «приспособления» к определенным типам господствующих компонентов, не имеющих категорий рода и числа. Чаще всего такой формой служит наиболее нейтральная и «обезличенная» форма единственного числа среднего рода или 3-го лица единственного числа (в

настоящем и будущем времени): *шло (идет)* «Много шуму из ничего» (ср.: **шла** «Бесприданница»); *ранено пять человек; громкое ура; случилось нечто невероятное* и т. д. Только при местоимении *кто* и его производных употребляется иная форма — форма единственного числа мужского рода: *Кто вчера к вам приходил? Кто-то вчера к ним приходил* (независимо от количества приходивших и их пола, хотя данные эти могут быть известны говорящему); **Кто-то чужой помог ей подняться** [118, 57-58].

Кто-то, стоя на трибуне, заканчивал выступление (А.Рыбаков. Дети Арбата, с.194). *Кто-то шел по саду...* (Чехов. У знакомых, с.266). *Никто никому не завидовал* (Куприн. Колесо времени, с.6).

Ассоциативно-грамматическое - это согласование с родовым нарицательным наименованием, с которым ассоциируется несклоняемое существительное. Например: *Тарту возник в утреннем тумане, зимний, жемчужно-серый...* [город]; *по мнению американской «Нью-Йорк геральд трибюн» [газета], Главная авеню города также украшена советскими и французскими флагами* (улица), Арагви (река) текла стремительно. Этот материал напечатала «Юманите» (газета). Доцент Петрова прочитала лекцию о новинках русской литературы. Секретарь Иванова выдала мне справку. Тбилиси (город) за последние пять лет неузнаваемо похорошел [119, 58].

В русском языке согласование бывает двух разновидностей: полное и неполное. Полное согласование — это такая связь, при которой все возможности уподобления форм одного слова формам другого слова исчерпаны. В предложении *Чудная женщина!* (А.П.Чехов. Дядя Ваня, с.271) прилагательное, как и существительное, имеет форму женского рода, единственного числа, именительного падежа, т. е. согласуется с существительным в роде, числе и падеже. В данном случае согласование полное. В предложении *Михаил Львович каждый год сажает новые леса, и ему уже прислали бронзовую медаль и диплом* (А.П.Чехов. Дядя Ваня, с. 274). в выделенном словосочетании **новые леса** есть только две возможности

согласования: в числе и падеже, и они использованы. Значит, и здесь, хотя и нет согласования в роде, но его и не может быть, согласование тоже полное.

В словосочетании *город-новостройка* есть согласование в именительном падеже и единственном числе. Возможность согласования в роде двух существительных, как выяснено выше, обычно исключается. Следовательно, и здесь согласование полное. ...*Марья Петровна, обедневшая дворянка-вдова, маленькая, худенькая, больная* (Чехов. *Невеста*, с.489). *Татьяна, Варя и он были почти одних лет; но тогда он был студентом, а они уже взрослыми девушками-невестами...* (Чехов. *У знакомых*, с.266). *Эта была прежняя Варя, Варя-курсистка...* (Чехов. *У знакомых*, с. 272). ...*Она не похожа на Варю-курсистку...* (Чехов. *У знакомых*, с. 275). Для таких людей-птиц заранее открыто воздушное пространство и вверх, и вниз, и вдаль (Бунин. *Колесо времени*, с.23). *Летчики-неудачники – те только с трудом отлипали от земли* (Бунин. *Колесо времени*. с.23). *А когда набирались вспомогательные войска во Францию, то и я потянул свой жребий, будучи уже поручиком-инженером* (Куприн. *Колесо времени*, с. 6). *Дядя Семен горит!* – крикнул кто-то громким, грубым голосом (Чехов. *Мужики*, с.216).

Неполное согласование — это такая связь, при которой использованы не все возможности уподобления форм зависимого слова формам главного слова.

В словосочетаниях *встретить друга счастливым, увидеть спортсмена бегущим* прилагательное и причастие согласуются с существительным только в роде и числе. Возможность согласования в падеже не реализована, потому что словоформы *счастливым* и *бегущим* связаны не только с существительным, но и с глаголом, форма творительного падежа вызывается именно глаголом. Такая же двойная связь и в словосочетаниях *выбрать брата капитаном, сделать бедняка богачом*: форма творительного падежа обусловлена глаголом, поэтому уподобления падежных форм нет, согласование здесь тоже неполное. Третий компонент этих словосочетаний согласуется с существительным *брата, бедняка* в числе. Ср.: *Сделать бедняков богачами*.

Существует и другое (нетрадиционное) понимание полноты и неполноты согласования: полным называется согласование в роде, числе и падеже, а неполным — согласование не во всех этих формах, а, например, только в числе и падеже (женщина-космонавт) или только в падеже (на семи столбах) без учета того, какие формы у связываемых слов являются общими и все ли они используются при согласовании [33, 488]. Это понимание полноты/неполноты согласования морфологично; оно, в отличие от традиционного понимания, не отражает различий в синтаксическом механизме связи [11, 39].

В.А.Белошাপкова отмечает, что есть два случая неполного согласования. Первый случай неполноты согласования, а именно отсутствие соотнесенности в падеже (при уподоблении зависимого слова главному в числе и роде), вызывается наличием у зависимой словоформы одновременно связи с двумя различными словоформами: одна из этих связей определяет форму числа и рода, другая — форму падежа зависимого слова. В предложении *Аня не могла есть и вставала из-за стола голодной* (Ч.) словоформа голодной зависит от словоформы вставала, что выражает форму ее падежа, и от словоформы Аня, что выражает соотнесенность форм числа и рода. Второй случай неполноты согласования, а именно отсутствие уподобления в роде, вызывается тем, что форма рода у зависимого слова становится семантически наполненной, обозначает реальный пол лица. Это наблюдается в сочетаниях прилагательных с существительными мужского рода, называющими профессии или должности, когда они употребляются применительно к женщинам: *наша врач, новая секретарь*. Такое употребление свойственно неофициальной речи [11, 40].

Синтаксическая традиция рассматривает как согласование и связь между формами слов: именительным падежом существительного (подлежащим) и спрягаемой формой глагола (сказуемым). И действительно, по своему формально-синтаксическому механизму эта связь имеет много общего со связью между существительным и формами прилагательного, на которую

ориентировано традиционное определение согласования как уподобления зависимого компонента сочетания главному в одноименных грамматических формах: *Студент вздохнул и задумался* (Чехов. Студент, с.12). *Рабочие разбежались* (Паустовский. Кара-Бугаз, с.74). *Море бушевало* (Паустовский. Орест Кипренский, с. 113).

Однако многие ученые либо отрицают наличие подчинительной связи между главными членами, либо признают ее с оговорками. Д. Н. Овсяннико-Куликовский в «Синтаксисе русского языка» отмечал, что связь сказуемого с подлежащим — это зависимость чисто формальная, без оттенка подчинения [82]. И. И. Мещанинов подчеркивал равноправие этих членов предложения и утверждал наличие между ними взаимной зависимости [63, 167—168]. В.В. Виноградов, критически оценивая традиционную точку зрения на согласование личных форм глаголов-сказуемых с местоимениями-подлежащими 1-го и 2-го лица типа *Я вижу; Ты слышишь*, замечает: «Трудно сказать, что с чем согласуется в подобных случаях — форма глагола с местоимением или наоборот» [32, 23]. Он назвал такую связь координацией. Н.Ю. Шведова все объединения слов, возникающие на основе предикативных отношений, не включает в систему словосочетаний и, естественно, связь между сказуемым и подлежащим не относит к числу подчинительной, тоже считая, что формы главных членов предложения координируются, хотя и отмечает, что «внешне эта связь сходна с согласованием» [33, 548]. Традиционная точка зрения четко сформулирована А.А. Шахматовым: подлежащее является членом предложения, грамматически господствующим над сказуемым [146, 551]. Вторая точка зрения нашла отражение во многих вузовских учебниках по современному русскому языку и в школьных учебниках. А.Н. Гвоздев, В.А. Белошапкова, Е.С. Скобликова, В.В. Бабайцева и др. видят между сказуемым и подлежащим подчинительную связь. Многие лингвисты отмечают, что законы согласования распространяются обычно как на предикативные, так и на непредикативные объединения слов: *теплый день* и *День теплый*. И

определение, и сказуемое одинаково согласуются в роде, числе и падеже точно так же, как согласуется с подлежащим и сказуемое, выраженное формой прошедшего времени глагола: *День прошел; Они вернулись*. Вряд ли можно видеть здесь координацию форм. Ведь сказуемое занимает зависимую позицию и уподобляет свои формы рода и числа (*День прошел*) или только числа (*они вернулись*) формам подлежащего: *Они шли пешком через ночную холодную Москву* (А.Рыбаков. Дети Арбата, с.183).

Так, Е.С. Скобликова отмечает: «Несмотря на то, что между членами предикативного объединения слов в целом наблюдается отношение взаимного подчинения, вполне правомерно рассматривать согласование сказуемого с подлежащим отдельно, как одну из линий в этих двусторонних отношениях. При этом общие принципы согласования в роде и числе в непредикативных и предикативных объединениях слов совершенно одинаковы, хотя в некоторых случаях тот или иной из этих принципов получает в предикативных сочетаниях более широкое распространение, чем в непредикативных, и наоборот» [118, 178]:

Она глубоко, глубоко вздохнула (Куприн. Колесо времени, с. 20). *Он мне ответил сурово* (Куприн. Колесо времени, с.20). *Трамвай был полон* (А.Рыбаков. Дети Арбата, с.180). *Кукольник встал* (Паустовский, с. 100). *Я помогал отцу* (Паустовский. Орест Кипренский, с. 118). *...Я хочу променять кисть на саблю* (Паустовский. Орест Кипренский, с. 107). *Мы преступно относимся к морю* (Паустовский, с.61). *Я не прошу у тебя развода* (Чехов. Супруга, с.10). *Но почему же ты не хочешь развода?* (Чехов. Супруга, с.10). *Ты поедешь к Рису навсегда* (Чехов. Супруга, с. 10).

Таким образом, в русском языке наблюдается грамматическое и смысловое согласование. При этом грамматическое согласование бывает собственно-грамматическим, условно-грамматическим и ассоциативно – грамматическим. Согласование бывает полным и неполным.

Грамматическое согласование имеет место, когда:

а) количественно-именное сочетание числительного с существительным в родительном падеже — счетный оборот (*пять человек, два студента, семь лет, двое рабочих*) или количественного существительного с существительным в родительном падеже (*тройка лошадей, сотня солдат, масса цветов, уйма народа*); ... **Три барабаника** *возвращались с войны* (Куприн. Колесо времени, с.8); *Там были уложены две теплые морские фуфайки...*(Бунин. Колесо времени. с.21). ... *Два свободных человека – мужчина и женщина – могут жить в течение многих лет совместно...* (Бунин. Колесо времени. с. 20). ...*Тридцать таких же идиотов предлагали мне тот же самый вопрос...*(Бунин. Колесо времени. с. 21);

б) собирательное существительное с количественным значением в сочетании с существительным в родительном падеже множественного числа, называющим считаемые лица или предметы (*большинство сотрудников, часть студентов, меньшинство делегатов, ряд делегатов, множество людей*);

в) местоимения и неопределенно-количественные числительные *несколько, сколько, столько, много, мало, немного, немало* в сочетании с существительным в родительном падеже (*много цветов, несколько человек, мало мебели, немного масла*). В этих случаях может иметь место обычное грамматическое согласование подлежащего со сказуемым (*Тридцать студентов, большинство студентов, много студентов* *пришло на занятия вовремя*) согласование по смыслу — с учетом реальной множественности лиц, предметов (*Тридцать студентов/большинство студентов/много студентов* *пришли на занятия вовремя*). *Несколько недель понадобилось мне до полного утверждения мысли ...* (Бунин. Колесо времени. с. 20).

Согласование по смыслу получило довольно широкое развитие в современном русском языке, стало устойчивой тенденцией. Употребление сказуемого во множественном числе в соответствии со смыслом наблюдается в следующих случаях:

1) при наличии между подлежащим и сказуемым «разрыва», т.е. других членов предложения (*Еще до революции ряд ученых, например П.Н. Сакулин,*

Д.И. Ушаков, выдвигали идею упрощения русской орфографии; Большинство студентов, состоящих в спортивных секциях, уже получили значки мастеров спорта);

2) при наличии перечисления в подлежащем или сказуемом (*Большинство рабочих, инженеров, служащих нашего завода сдали нормы ГТО I ступени; Большинство учителей хорошо обучают детей, предъявляют высокие требования к себе и учащимся, добиваются глубоких, прочных знаний у своих воспитанников);*

3) при подчеркивании активности действия, когда действие приписывается каждому лицу в отдельности — «раздельность действия» (*Большинство ораторов в своих выступлениях заявили, что они против; Большинство колхозников уже построили себе дома);*

4) при «обратном» согласовании, когда вспомогательный глагол согласуется с существительным множественного числа в именной части сказуемого (*Большинство делегатов были депутатами парламента; Большинство моих друзей были студентами старших курсов);*

5) при наличии краткой формы прилагательного в именной части сказуемого (*Десять альпинистов были готовы сразу же продолжать поход; Ряд сцен в этой пьесе правдивы и интересны);*

6) при числительных *два, три, четыре* и вообще при небольшом количестве лиц, предметов предпочтительнее множественное число (*Два мальчика сидели на крыльце дома; Пять студентов нашей группы приняли участие в кроссе); Человек пятнадцать из состава агитколонны, разговаривая, стали рассаживаться, двое пошли на баз – видимо, к лошадям* (Шолохов. Поднятая целина, с.143);

7) при наличии в счетном обороте слов *все, эти* или других в роли определений (*Все эти десять книг лежали на столе; Все двадцать один студент участвовали в соревнованиях; Лучшие 15 студентов поехали на конференцию);*

8) при выражении подлежащего сложным существительным, первой

частью которого является числительное *пол-*, и наличии определения во множественном числе (*Остальные полдома уцелели от пожара; Полчаса, проведенные в его обществе, доставили нам большое удовольствие*).

Однако существуют условия, которые препятствуют развитию тенденции к согласованию по смыслу, когда сказуемое употребляется преимущественно в единственном числе. Это наблюдается в следующих случаях:

1) при составных числительных, оканчивающихся на *один* (*21 студент явился на экзамен; В соревнованиях участвовал 21 шахматист*);

2) при наличии слов *всего, только, лишь* (со значением ограничения) (*В соревнованиях участвовало всего 25 спортсменов*);

3) при словах *тысяча, миллион, миллиард*, стоящих ближе к существительным, а также с существительными со значением определенного / неопределенного количества, (*Явилась тысяча человек; Сотня солдат бросилась в атаку; В комнате стояла масса цветов*);

4) при выражении подлежащего неодушевленным существительным в сочетании со словами *несколько, много, мало*, и т.п. (*Несколько пуль провизжало над моей головой; Много фотографий висело над его столом; Ряд столов находился посередине комнаты*); *Много нас, русских, служило вместе...* (Куприн. Колесо времени, с. 6);

5) при пассивности субъекта в страдательных оборотах (*Большинство учеников было отправлено в пионерский лагерь; Ряд работников награжден орденами и медалями*);

6) в бытийных конструкциях, когда значение предложения сводимо к типу «где существует, наличествует что, кто» (ср.: *На этом берегу стояло три маленьких дома. Три маленьких дома стояли опустевшие, покинутые; В комнату вошло несколько человек; Несколько человек встретили меня у подъезда*);

7) при выражении подлежащего сложным существительным, первой частью которого является числительное *пол-* (*полчаса пройдет, полгода*

пролетело, полгорода участвовало в демонстрации).

В целом при форме единственного числа обращается внимание, прежде всего, на **количество лиц, предметов**, о которых идет речь, а при форме **множественного** числа данные лица, предметы выделяются как **производители** действия. Однако эти семантические сдвиги практически мало ощутимы.

Когда при подлежащем есть приложение, обычно это не влияет на согласование с ним сказуемого (*Девушка-агроном приехала сюда недавно*), однако необходимо обратить внимание на следующие случаи:

1) если подлежащее и приложение к нему называют два понятия, между которыми существуют видо - **родовые** отношения, **сказуемое согласуется** с наименованием **родового** понятия. Это относится и к сложным существительным, образующим сложносоставные термины (*Птица-секретарь уничтожила змею; Река Днепр разлилась; Собака Полкан залаяла; Закусочная-автомат была закрыта; Песня-романс стала весьма популярной; Полка-прилавок завалена книгами; Торт-мороженое был разрезан; Часы-браслет куплены для подарка*);

2) если подлежащее выражено сочетанием нарицательного существительного с собственным именем лица, сказуемое согласуется с последним (*Врач Петрова принимала больных*). Если при подлежащем, обозначающем должность, профессию, звание, нет приложения в виде имени или фамилии, только в официально-деловом стиле речи сказуемое ставится в мужском роде, т.е. соблюдается грамматическое согласование: *секретарь сказал, врач сделал операцию, старшина сказал*, в остальных случаях наблюдается согласование по смыслу: *секретарь сказала, врач сделала операцию, декан сказала* (если речь идет о лицах женского пола);

3) если приложение называет более конкретное понятие и стоит ближе к сказуемому, сказуемое может быть согласовано с приложением (*Согласитесь, что только величайшее искусство — музыка — способна коснуться глубины души*), эта тенденция особенно усиливается при наличии

вводных слов *вернее, точнее, а именно* и т. п., когда сказуемое согласуется с уточняющими членами предложения (*Из всех родственников только один человек, а именно бабушка, продолжала держать сторону Клавы; И так, дорога от Ставрова, вернее отсутствие дороги, отрезало нас от «Большой земли» («Лит. газета»); Интеллигенция, и особенно лучшая ее часть — образцовые писатели, всегда считались хранителями чистоты русского языка*).

Когда подлежащее выражено оборотом типа *брат с сестрой*, сказуемое может употребляться и в единственном, и во множественном числе — в зависимости от того, приписывается ли определенное действие одному лицу как главному (а второе лицо лишь сопутствует производителю действия) или двум равноправным субъектам; ср.: *Мать с ребенком вошла в поликлинику; Пришел Разметнов с Димкой Ушаковым. К нему пришли отец с матерью; Мать с дочерью долго не могли успокоиться*. Однако употребление формы единственного числа предпочитается:

а) при наличии слов *вместе, совместно* (*Директор вместе с сотрудниками института подготовил проект*);

б) при сочетании с местоимениями 1-го и 2-го лица единственного числа (*я и ты*): *Я с братом уеду; Ты с братом уедешь*.

Когда подлежащее выражено вопросительным, относительным или неопределенным местоимением возможно и грамматическое согласование, и согласование по смыслу — с учетом реального пола лица и его единичности/множественности.

Грамматическое согласование обычно имеет место в следующих случаях:

1) при вопросительном или относительном местоимении *кто* в подлежащем сказуемое употребляется в мужском роде единственного числа (*Всякий, кто ее знал, любил ее; Кто из сестер сказал вам об этом?*);

2) при неопределенных местоимениях *некто, кто-то, кто-нибудь* и т. п. сказуемое ставится в мужском роде единственного числа (*Кто-то из*

девушек попросил слова).

Согласование по смыслу предпочитается в следующих случаях:

1) при местоимениях *кто, что* в подлежащем придаточного предложения, если в главном подчеркивается множественность производителей действия (*Все, кто ее знали, побили ее; Те, что ушли вперед, спаслись; Первые, кто пришли, получили билеты; Последние, кто записались, вряд ли получат билеты*);

2) при «обратном» согласовании, когда в именной части сказуемого стоит существительное во множественном числе / *В полку служат теперь те, кто десять лет назад были пионерами, бегали в школу, играли в снежки; Вспоминаю с благодарностью тех, кто были моими друзьями*);

3) при неопределенном местоимении в подлежащем, если при нем имеется уточняющая или поясняющая конструкция с существительным женского рода (*Никто из девушек, даже Зоя, не нашлась что сказать*) и др.

Необходимо обратить внимание на следующие случаи согласования сказуемого с подлежащим, если оно выражено:

1) субстантивированной неизменяемой частью речи — сказуемое имеет форму единственного числа среднего рода: *Далече грянуло «ура»* (А. Пушкин); *Промолчать — значило струсить; Ему нужна работа, но Ему нужно работать; Ему предстоял отъезд, но Ему предстояло уехать*;

2) заимствованным несклоняемым словом, сложносокращенным склоняемым словом или условным названием, способ согласования обычный — в соответствии с грамматическим родом и числом: *Кофе подан; Кенгуру скрылся; Вуз объявил набор; «Известия» опубликовали это сообщение*;

3) сложносокращенным несклоняемым словом; сказуемое согласуется с ведущим словом расшифрованного сочетания: *РТС (ремонтно-техническая станция) закончила сев*;

4) несклоняемой иноязычной аббревиатурой — сказуемое имеет форму единственного числа среднего рода: *ЮНЕСКО выступило в поддержку мирных инициатив стран социалистического содружества*; при мысленной

«подстановке» в иноязычные несклоняемые аббревиатуры русских наименований предпочитается согласование по смыслу: *ФИДЕ* (международная шахматная федерация) *утвердила состав участников*;

5) несклоняемыми географическими названиями, названиями органов печати — сказуемое также согласуется по смыслу: *Миссисипи* (река) *разлилась*; *«Дейли уоркер»* (газета) *отметила*; *«Уэмбли Лайонс»* (команда) *проиграла нашим хоккеистам*;

6) аббревиатурой, обычно несклоняемой в официально-деловом стиле речи,— сказуемое согласуется по роду и числу с исходной формой: *ВАК утвердил* (высшая аттестационная комиссия); *ЖЭК провел ремонт* (жилищно-эксплуатационная контора); *ТЭЦ обеспечил город теплом* (теплоэлектростанция) и др.

При изучении русского языка как иностранного могут вызвать затруднение случаи так называемого обратного согласования, когда глагол-связка согласуется в роде и числе не с подлежащим, а с именной частью сказуемого. Этих случаев в основном два:

1) когда подлежащее выражено местоимением *это*, причем, предложение имеет значение квалификации: *Это был стол*; *Это была девочка*; *Это были розы* и т. д. При значении характеристики возможны два варианта: *Это было для меня новостью* (именная часть сказуемого в творительном падеже) — *Это была для меня новость* (именная часть сказуемого в именительном падеже); *Это был выход из положения*. — *Это было выходом из положения*;

2) «обратное» согласование может возникнуть при логическом подчеркивании подлежащего: «чем-то является именно данное лицо, предмет, явление», часто это сопровождается препозицией именной части сказуемого; ср.: *Этим городом-героем была* (именно) *Одесса*. — *Этот город-герой был* (именно) *Одесса*; *Свадьба Наташи была последним радостным событием в доме Ростовых*. — *Свадьба Наташи было последнее радостное событие в доме Ростовых*.

При согласовании сказуемого с однородными подлежащими значительную роль играет словопорядок: при прямом порядке слов (сказуемое стоит после однородных подлежащих) сказуемое употребляется во множественном числе, при инверсии (сказуемое предшествует подлежащему) возможно единственное число; ср.: *Его спокойствие и простота обращения удивили Оленина* (Л. Толстой); *Мне нравится его спокойствие и ровная речь, прямая, веская* (М. Горький); *В комнату вошла (вошли) женщина и маленький мальчик.*

Таким образом, в русском языке наблюдается грамматическое и смысловое согласование. При этом грамматическое согласование бывает собственно-грамматическим, условно-грамматическим и ассоциативно-грамматическим. Согласование бывает полным и неполным.

2.1.2. Согласование в современном таджикском литературном языке

В таджикском языке, отмечается в Грамматике современного таджикского литературного языка, тип согласования наблюдается между сказуемым и подлежащим в лице и числе и приводится следующий пример: *Падар писарро сахт ба огуи кашид. – Отец сильно обнял сына* [36, 21].

Во всех учебниках по современному таджикскому литературному языку под согласованием понимается именно согласование сказуемого с подлежащим:

Фотима акнун дар рӯи мизи ҷарроҳии табобатхонаи таҷрибавии институти ҳудашон мехобид (Ф. Муҳаммадиев. Роҳ, с.126). - *Фотима лежала на операционном столе в экспериментальной клинике их института* (Ф. Муҳаммадиев. Дорога, 250). *Ман сахттар даст ҷунбонида илло кардам* (С.Улуғзода. Субхи чавонии мо, с. 21). *Ҷаллодон мурдаҳоро бардошта ба аробаҳо бор карданд* (С.Айнӣ Ҷаллодони Бухоро, с.22). - *Палачи стали нагружать арбы* (С.Айни Бухарские палачи, с.17). *Вай маро дида ба сӯям даст ҷунбонд ва қадамаширо боз ҳам тезонд* (С.Улуғзода.

Субҳи ҷавонии мо, с. 124). - *Увидев меня, он помахал рукой и прибавил шагу* (С. Улуг-зода. Утро нашей жизни, с. 114). **Сергей маро ба хонаашон таклиф кард** (С. Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с. 130). - **Серезжа позвал** меня к себе (С.Улуг-зода. Утро нашей жизни, с. 111).

В отличие от русского языка согласование в лице наблюдается в таджикском между сказуемым и подлежащим не только в настоящем времени, но и в прошедшем времени. В таджикском языке во всех временах (настояще-будущем, прошедшем; изъявительном, сослагательном и предположительном наклонениях) глагол обладает формально выраженными категориями лица, числа и времени): *Ман дар донишгоҳи педагогӣ хонда истодам. – Я учусь в педагогическом университете. Ман шашсола будам ҷурахо доштам* (С.Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с.130).- *Мне было шесть лет и у меня были свои товарищи* (С.Улуг-зода. Утро нашей жизни, с. 21). *Падарам аз сари ҷуйбор ҷавоқӣ баргаиш* (С.Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с. 31). - *Отец вернулся с канала мрачным* (С.Улуг-зода. Утро нашей жизни, с.28). - *Бегоҳирузӣ мо ба роҳи омадағиамон бозгаишем* (С.Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с. 42).- *Под вечер мы возвратились из Кзил – Тена домой* (С.Улуг-зода. Утро нашей жизни, с. 39).

По лексико-грамматическим отношениям М.Н.Касимова выделяет следующие виды согласования [47]:

а) грамматическое, где оба компонента (и подчиняемый и подчиняющий) имеют грамматические средства связи, например: *Ҳамқишлоқиён дар ҳузури худи Қурбон саргузаиштҳои ӯро ба ҳамдигараи гуфта механдиданд* (С. Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с. 184). - *Односельчане подшучивали над ним, вспоминая его похождения* (с. 163). *Рӯзи дигар босмачиён омаданд* (С. Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с. 159). - *На следующий день пришли басмачи; Падарам омад* (С. Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с. 160). - *Отец пришел; Падарам ба пешвози онҳо баромад* (С. Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с. 161). - *Отец (мой) вышел им навстречу* (с.145). *Босмачиён ӯро бо қамчин заданд* (С.У. Субҳи ҷавонии мо, с. 161). -

Басмачи ударили его камчой (с.145). *Амакам ҳавлии моро фурухт* (С. Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с.166). - *(Мой) дядя продал наш дом* (С. Улуғзода. Утро нашей жизни, с. 149);

б) лексико-грамматическое, где один из компонентов, согласующихся между собой, имеет грамматический оформитель (средство), а второй компонент по своему лексическому значению выражает или один предмет, или множество предметов. Обычно в такой роли выступают местоимения, особенно личные (кроме онхо, инхо, которые имеют показатель множественного числа): *Ман рафтам* (С. Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с. 159).- *Я ушел; Мо ба ҳавлии деҳагиамон кӯчидем* (С. Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с. 163). - *Мы переехали в свой дом в деревню (в свой деревенский дом). Мо рафтем. – Мы ушли; Ҳама бирафтанд. - Все ушли. Командир рафт* (С. Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с. 178). - *Командир ушел. Ҳама ўро дўст медоштанд ва аз сўҳбаташ завқ мебурданд* (С. Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с. 183).- *Все его любили и всегда с удовольствием слушали его рассказы* (С. Улуғзаде. Утро нашей жизни, с.162). *Ҳама аз ҷавоби ў завқ карда хандиданд* (С. Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с. 185). - *Довольные ответом, все весело смеялись* (с.164). *Ман ба байни қирғизхо аввалин бор омада будам* (с. 189). - *Я пришел к киргизам впервые* (С. Улуғзода. Утро нашей жизни, с. 167);

в) семантико-грамматическое, где один из компонентов, обычно подчиняющий, имеет грамматический показатель, а другой компонент по своей семантике выражает множество предметов; в этой роли выступают собирательные существительные: *Мардум аз тарс дар ҳар кучо пинҳон мешуданд* (С. Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с.161). - *Люди со страха прятались, кто куда мог* (с. 145).

Имтиҳон ба охир расид. Мардум натиҷаҳои онро бо овози баланд муҳокимакунон пароканда мешуданд (С. Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с.239). - *Экзамен закончился. Люди начали расходиться, шумно обсуждая результаты* (С. Улуғзода. Утро нашей жизни, с.210).

В таджикском языке последнего времени наблюдается согласование также между определением и определяемым. В грамматиках по таджикскому языку этот вопрос не нашел должного внимания и освещен односторонне, хотя регулярных примеров такого согласования немало: *ҳазорон меҳнаткашон - тысячи трудящихся; бисту панҷ нафар ҷамкорон – двадцать пять сослуживцев, чил духтарон – сорок девушек, Ҳафт додарон - семь братьев, селай гунҷишон-косяк голубей, панҷ-шаш нафар донишмандон-пять-шесть учёных* и т.п.

Согласование сказуемого с подлежащим во множественном числе и с однородными подлежащими имеет две характерные особенности:

1) Если подлежащее выражено существительным «человек-люди» и личными местоимениями, сказуемое согласуется и в лице, и в числе: *Ману Раҳимҷон ба оббозикунандагон ҷамроҳ шудем* (С. Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с. 246). - *Я и Рахимчон присоединились к купающимся* (С. Улуғ-зода. Утро нашей жизни, с.215). *Ду бача аз оиҳона дар косаҳои мисин мошкичири оварда дар пеши ҳар як бача як косагӣ гузоштанд* (С. Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с.246). - *Двое мальчиков стали разносить и ставить перед каждым из детей по чашке машевой каши* (С. Улуғ-зода. Утро нашей жизни, с.214). *Мо бо Мухтор гирёну нолон мондем. – Я и Мухтор обливались слезами.*

2) Если подлежащее выражает другие предметы, то сказуемое согласуется с подлежащим только в лице, а в современном таджикском языке может быть двояко: *Гулҳо шукуфт. – Расцвели цветы* (буквально: расцвел цветы) и *Гулҳо шукуфтанд – Расцвели цветы*. При подлежащем во множественном числе сказуемые имеют форму третьего лица не только множественного числа, но и единственного:

Шабҳо холо хунук нашуда буданд, мо дар айвон меҳобидем (С. Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с.164). - *Ночи были теплые, мы спали на айване.* (Букв. Ночи еще не были холодными, мы спали на айване). *Саргузаштҳои умри ёздаҳсолаам ба ёдам меомаданд* (С. Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с.166). – *Я вспомнил всю свою прекрасную жизнь* (букв. Мне вспоминалось событие одиннадцатилетней жизни).

В современном таджикском языке есть словосочетания типа «миллионҳо сулҳчӯён», где и определение, и определяемое имеют показатель множественного числа: *миллионҳо ҳампешагон* (С. Айнӣ) – *миллионы сослуживцев* (коллег по ремеслу); *садҳо ҳазор ҳочиён* (Ф. Муҳаммадиев) – *сотни тысяч паломников*. *Ман миллионҳо бародарону хоҳарон дорам...* (Бобо Насриддинов, Ман фарзанди ту, с. 283-284).- *У меня миллион братьев и сестёр*.

Такого рода сочетания в языке возникли сравнительно поздно (в середине двадцатого века), о чем заявил в докладе на всесоюзной конференции, состоявшейся в Душанбе в 1964 г., академик Ниязмухамедов Б.Н.: «Мы пришли к выводу о том, что в таджикском языке закрепились грамматические правила связи слов в предложении» [**Материалы Всесоюзной научной конференции. – Душанбе, 1964**]. Грамматические правила являются характерной особенностью современного таджикского литературного языка.

Таким образом, тип согласования в таджикском языке наблюдается не только между подлежащим и сказуемым, т.е. предикативное согласование, но и непредикативное (между определяемым и определением).

2.1.3. Типологические соответствия русскому согласованию в таджикском языке

Согласование как тип подчинительной связи в русском языке широко представлен на уровне предложения и словосочетания. В таджикском языке на уровне предложения предикативное согласование представлено универсально; в прошедшем времени изъявительного и сослагательного наклонения сказуемое согласуется с подлежащим не только в категории числа, но и лица; полное согласование отмечается в таджикском языке и во всех других наклонениях. Что касается словосочетания, то в таджикском языке в 50-ых годах прошлого века Д.Т. Таджиевым был отмечен один пример определительного согласования, сейчас нами подобрано большее количество примеров.

Наиболее четко соотношение типами согласования в русском языке и в таджикском языке представлено в нижеследующей таблице.

Таблица 1

Типологические соответствия русскому согласованию в таджикском языке

№№ п/п	Русский язык	Таджикский язык	Соотношение типа связи в таджикском и русском языках
1	<i>Иногда я уходил из дому и до позднего вечера бродил где-нибудь</i> (Чехов. Дом с мезонином, с. 89).	<i>Баъзан аз хона баромада то бевақтии шаб дар ягон ҷо гаштугузор мекардам</i> (Чехов. Манзили болохонадор, с. 288).	согласование - изафетная связь
2	<i>Однажды, возвращаясь домой, я нечаянно забрёл в какую-то незнакомую усадьбу</i> (Чехов. Дом с мезонином, с. 89).	<i>Боре ба хона баргашта ногахон худро дар работи ношиносе дарёфтам</i> (Чехов. Манзили болохонадор, с. 288).	согласование - изафетная связь
3.	<i>Солнце уже пряталось, и на цветущей ржи растянулись вечерние тени</i> (Чехов. Дом с мезонином, с. 89).	<i>Офтоб аллакай гурӯб карда буду дар бистари ҷавзори шукуфон сояҳои шабона доман густурда буданд</i> (Чехов. Манзили болохонадор, с. 288).	согласование - изафетная связь
4.	<i>И тут тоже запустение и старость; прошлогодня листва печально шелестела под ногами, и в сумерках между деревьями прятались тени</i> (Чехов. Дом с мезонином, с. 90).	<i>Ин ҷо ҳам соҳиб надошт, дарахтонаш куҳансол буд, баргҳои соли гузашта дар зери по гамгинона хишир-хишир мекарданд ва дар нимторикӣ сояҳо дар байни дарахтон пинҳон шуда буданд</i> (Чехов. Манзили болохонадор, с. 289).	согласование - изафетная связь

5.	<i>Не глядя на нас, она очень серьёзно и обстоятельно рассказывала нам, сколько сгорело домов в селе Сиянове, сколько мужчин, женщин и детей осталось без крова... (Чехов. Дом с мезонином, с. 90).</i>	<i>Ў ба мо назар надӯхта, ба таври қиддӣ ва муфассал ҳикоят кард, ки дар деҳаи Сиянов чанд хона сӯхтаю чӣ теъдод аз марду зан ва кӯдакон ҳалок шудаанд... (Чехов. Манзили болохонадор, с. 89).</i>	согласование - изафетная вязь
6.	<i>Эта девушка, по его словам, была из хорошей семьи... (Чехов. Дом с мезонином, с. 91).</i>	<i>Тибқи гуфтаҳояш, ин духтар аз хонадони хуб буд... (Чехов. Манзили болохонадор, с. 290).</i>	согласование - примыкание
7.	<i>А в это время на террасе говорили... (Чехов. Дом с мезонином, с. 93).</i>	<i>Дар ин асно бошад, дар пешайвон гуфтугӯ мекарданд... (Чехов. Манзили болохонадор, с. 292).</i>	согласование - примыкание
8.	<i>Я каждый день видел, как эта дама... гуляла по саду... (Чехов. Дом с мезонином, с. 98).</i>	<i>Ман ҳар рӯз меиддам, ки ин хонум... дар боғ сайру гардиш мекард... (Чехов. Манзили болохонадор, с. 297).</i>	согласование - примыкание
9.	<i>Интересная семья, сказал Борокуров (Чехов. Дом с мезонином, с. 91).</i>	<i>Хонадони аҷиб, - гуфт Белокуров (Чехов. Манзили болохонадор, с. 290).</i>	согласование - изафетная связь
10.	<i>Я прошел мимо белого дома с террасой и с мезонином, и передо мною неожиданно развернулся вид на барский двор и на широкий пруд с купальней, с толпой зеленых ив, с деревней на том берегу, с высокой узкой колокольней, на которой горел крест, отражая в себе заходившее солнце</i>	<i>Ман аз дами хонаи сафед, ки айвону болохона дошт, убур кардам ва ногаҳон дар пеши назарам дарбораи аширофонаю ҳавзи бузурги шиноварӣ бо анбӯҳи дарахтони сарсабзи бед, бо деҳае дар он тарафи соҳил, бо ноқусхонаи баланди борик, ки салибаи нурҳои офтоби рӯ ба гурӯбро дар худ</i>	согласование - изафетная связь

	(Чехов. Дом с мезонином, с. 90).	<i>мунъакис карда буду гӯё отаи мезирифт, доман густурд (Чехов. Манзили болохонадор, с. 289).</i>	
11.	<i>А у белых каменных ворот, которые вели со двора в поле, у старинных крепких ворот со львами, стояли две девушки (Чехов. Дом с мезонином, с. 90).</i>	<i>Дами дарвозаи сафеди сангӣ, ки касро аз дарбор ба сӯи сахро мебурд, дами дарвозаи қадима бо шерҳояшон, ду духтар меистоданд (Чехов. Манзили болохонадор, с. 289).</i>	согласование - изафетная связь
12.	<i>Я вернулся домой с таким чувством, как будто видел хороший сон (Чехов. Дом с мезонином, с. 90).</i>	<i>Аз ин рӯ ҳангоми ба хона баргаштан эҳсос намудам, ки гӯё хоби хуше дида бошам (Чехов. Манзили болохонадор, с. 289).</i>	согласование – примыкание
13.	<i>Было тихо, темно, и только высоко на вершинах кое-где дрожал яркий золотой свет и переливал радугой в сетях паука (Чехов. Дом с мезонином, с. 90).</i>	<i>Атроф хомӯшу торик буд, танҳо дар қуллаҳои муртафеъ ҷо-ҷо нури равшани тиллоӣ меларзид ва торҳои анкабут бо рангҳои тиру камон ҷило медод (Чехов. Манзили болохонадор, с. 288).</i>	согласование - изафетная связь
14.	<i>В такие ночи он становился мелочен, капризен и придирчив... (Чехов. Супруга, с.5).</i>	<i>Дар чунин шабҳо вай хурдагир, инчиқ, айбҷӯ мешуд... (Чехов. Завча, с.281).</i>	согласование - примыкание
15.	<i>... Благодаря этой домашней практике из него мог бы выйти теперь отличный сыщик (Чехов. Супруга, с. 6).</i>	<i>Ба шарофати ин таҷрибаи хонагӣ акнун метавон як ҷосуси мумтоз сохт (Чехов. Завча, с. 282).</i>	согласование примыкаемо- изафетная связь

Таким образом, русскому согласованию соответствуют в таджикском языке:

а) примыкание: *эта книга - ин китоб, каждый день – ҳар рӯз, такие ночи – чунин шабҳо;*

б) изафетная связь: *красивая девочка – духтари зебо, хороший сон – хоби хуш.*

Такие связи отмечаются в простых согласованных словосочетаниях русского языка в таджикском языке. Что касается усложнённых (трёхсловных) словосочетаний, то в русском языке они сохраняют ту же грамматическую связь (полное согласование), тогда как в таджикском языке в них имеет место в зависимости от способа выражения определения либо полная изафетная связь (например: **нури равшани тиллоӣ**), либо два разных типа связи, например: **ин таҷрибаи хонагӣ** (примыкание и изафетная связь, которую мы называем примыкаемо-изафетная связь).

Согласование сказуемого в предложении в сопоставляемых языках:

настоящее время, ед.ч.:

Ман мехонам. – Я читаю.

Ту мехонӣ. – Ты читаешь.

ӯ (Вай) мехонад. – Он читает.

настоящее время, мн.ч.:

Мо мехонем. – Мы читаем.

Шумо мехонед. – Вы читаете.

Онҳо мехонанд. – Они читают.

В русском языке в прошедшем времени наблюдается согласование в числе, а в таджикском и в числе и в лице:

прошедшее время, ед.ч.:

Ман хондам. – Я читал.

Ту хондӣ. – Ты читал.

ӯ (Вай) хонд. – Он читал.

прошедшее время, мн.ч.:

Мо хондем. – Мы читали.

Шумо хондед.- Вы читали.

Онҳо хонданд.- Они читали.

Таким образом, двадцати одному определению русского языка, имеющемуся в таблице, соответствует четырнадцать изафетных и семь словосочетаний с примыканием. Согласуемые предикативные компоненты не подсчитывались, поскольку часть двусоставных предложений русского языка передавались односоставными в таджикском языке по причине более широкого выражения категории лица в таджикском языке.

2.2. Примыкание в русском и таджикском языках

2.2.1. Примыкание в современном русском языке

Примыкание — тип подчинительной связи, который выражается не изменением формы зависимого компонента, а лишь «его местоположением, его зависимой грамматической функцией, его смыслом, несамостоятельным характером выражаемого им грамматического отношения», поэтому в качестве зависимых компонентов при примыкании выступают неизменяемые формы слов [11, 53-54].

Тип примыкания основан на семантической соотнесенности, соответствии смыслов главного и зависимого компонентов.

Образованные на основе примыкания сочетания характеризуются высокой избирательностью главного и зависимого компонентов, каждый из которых своей грамматической и лексической семантикой предопределяет круг словоформ, с которыми он может сочетаться. Однако это предопределение не есть предсказуемость: оно направлено на семантику, а не на форму слова. Примыкание в целом, в отличие от согласования и частично от управления, — формально непредсказуемая связь.

В примыкании зависимое неизменяемое слово связано с главным только по смыслу и интонационно: очень ценить, очень милый, очень хорошо, уехал учиться, сказал волнуясь. Примыкают, как правило, неизменяемые знаменательные слова: наречия, инфинитивы, деепричастия [6, 46].

В «Русской грамматике» отмечается, что «примыкание — это подчинительная связь, существующая в двух видах, из которых каждый получает самостоятельное определение. Различается примыкание в узком смысле слова (или собственно примыкание) и примыкание в широком смысле слова (падежное примыкание)» [107, 21].

Собственно примыкание — это связь, при которой в роли зависимого слова выступают слова неизменяемые: наречие, неизменяемое

прилагательное, а также инфинитив, компаратив или деепричастие. При этом, могут возникать различные отношения: при примыкании инфинитива – восполняющие (умудриться упасть), объектные (учиться рисовать, согласится поехать) или обстоятельственно – определительные (зайти поговорить); при примыкании наречия, деепричастия или компаратива – определительные (говорить медленно, читать быстрее, необычайно интересны, город ночью, второй слева) или определительно – восполняющие (находиться поблизости, обойтись дорого, числиться здесь, становиться умнее); при примыкании неизменяемого прилагательного – собственно определительное отношение (цвет индиго, волны цунами, юбка мини, мальчик постарше). «Примыкание неизменяемых слов может быть сильным – при восполняющих и объектных отношениях или слабым – при определительных отношениях. Главенствовать при этой связи может знаменательное слово любой части речи» [107, 21].

Падежное примыкание – это присоединение к знаменательному слову падежной формы имени с определительным значением: приехать пятого мая, прийти к вечеру, ложка из дерева, город на Волге, домик в два окошка, серый в клеточку, красивый лицом, крышка чайника, впереди на шаг, кто – то в голубом, первый в шеренге. При падежном примыкании возникают отношения определительные, при субъектном – определительные или – при информативно недостаточных словах, требующих обстоятельственного распространителя, - обстоятельственно – восполняющие (находиться на берегу, числиться на заводе, обойтись в сто рублей, задолго до рассвета). Таким образом, при информативно недостаточных словах падежное примыкание, как и согласование, может быть сильной связью [107, 21].

Традиционно в описательных грамматиках падежное примыкание относится к слабому управлению [107, 21].

Вопрос о разграничении сильного и слабого управления и примыкания является спорным, так как нет четких критериев разграничения этих способов связи, что обусловлено явлениями переходности, особенно

многочисленными и сложными в зоне тех наречий, которые формируются на базе падежных и предложно-падежных форм существительных, отмечает В.В. Бабайцева [6, 46].

Не всегда помогает разграничить сильное и слабое управление и семантика. Объектные отношения наблюдаются как при сильном, так и при слабом управлении (ср.: читать книгу – сильное управление, гулять с товарищем – слабое управление). Можно лишь говорить о том, что семантическое разграничение характеризует лишь наиболее типичные случаи.

В «Грамматике – 70» многие случаи, трактуемые в практике школьного и вузовского преподавания как управление, квалифицируются как примыкание (например: домик в лесу), так как категориальными свойствами существительного домик не предопределено наличие при нем имени в форме косвенного падежа.

Трудно точно установить характер связи и в следующих словосочетаниях: передать на словах, меняться на глазах, осуществить на деле и под., так как существительное с предлогом по своему значению близко к наречию, хотя и не стало им. В таких словосочетаниях способ связи определяется то как слабое управление, то как примыкание, в школьной практике все падежные и предложно-падежные формы рассматриваются как управляемые, отмечает В.В. Бабайцева [6, 46].

Примыкающие слова связываются не только по смыслу, но и местоположением. При изменении места зависимого слова словосочетание может разрушиться, так как связь между словами утрачивается: *вслух чтение, помочь попросить, беж платье* [128 и др.].

В отличие от управляемых форм, отмечает Е.С. Скобликова, примыкающие наречия неспособны грамматически дифференцированно передавать различные смысловые отношения. Они могут разграничивать их только путем лексического выбора разных слов. При управлении различные смысловые отношения могут выражаться за счет употребления разных

падежных и предложно-падежных форм одного и того же зависимого слова.

Ср., например:

В качестве главного компонента при примыкании могут выступать слова самых разных грамматических классов, однако их сочетательные возможности в рамках примыкания строго ограничены собственно грамматическими или семантическими условиями [118, 64-65]: *У меня есть голос, правда не такой, как у Шервинского, но всё-таки довольно приличный* (Булгаков, Дни Турбиных, с. 50). *А у меня, ты знаешь, привычка смотреть в одну точку...*(А. Вампилов. Настоящий студент, с.260). *...Они никогда больше не увидятся...*(А. Рыбаков. Дети Арбата, с.7). *Всегда я уезжал отсюда с удовольствием...* (Чехов. Чайка, с. 229). *Её попытка сгладить неловкость уязвила Шарока...* (А. Рыбаков. Дети Арбата, с.30).

Среди глагольных форм примыкающими являются неизменяемые формы: а) типа *прыг, бух, трах*; б) повелительного наклонения, когда они употребляются вместо изъявительного или сослагательного наклонения; в) инфинитив; г) деепричастия.

Неизменяемость этих глагольных форм приводит к отсутствию согласования, свойственного личным глаголам. Ср., например:

<i>Кошка —прыг!</i>	<i>Кошка прыгнула.</i>
<i>Они — прыг/</i>	<i>Они прыгнули.</i>
<i>Я — бежать</i>	<i>Я побежал.</i>
<i>Мы — бежать.</i>	<i>Мы побежали,</i>
<i>А я и приди.</i>	<i>А я и пришел.</i>
<i>А они и приди.</i>	<i>А они и пришли и т. д</i>

В то же время, употребление этих форм не во всем типично для примыкания: оно лишено того безразличия к грамматической форме зависимого слова, которое характерно для обычного примыкания. Использование их связано не с выбором определенного (неизменяемого) слова, а с выбором одной из грамматических форм разветвленной глагольной парадигмы. Поэтому сама их неизменяемость условна: употребление каждой из таких форм представляет собой одно из проявлений грамматической изменяемости глагола; каждая форма противопоставлена другим глагольным формам и специализировалась для выражения определенных семантико-синтаксических отношений. Ср., например: *Они шли и разговаривали.* — *Они шли, разговаривая.* — *Они шли разговаривать с директором.* Личный глагол *разговаривали* в первом предложении находится с глаголом *шли* в сочинительных отношениях. Форма деепричастия *разговаривая* указывает на подчинение глаголу *шли* и выражает сопутствующее, добавочное действие. Инфинитив *разговаривать* тоже указывает на подчинение глаголу *шли*, но обозначает действие, являющееся целью перемещения. Та грамматическая значимость, которая присуща выбору любой глагольной формы, характеризует и употребление несогласуемых глагольных форм в случаях типа *А кошка— прыг! А я и приди!* и под. Во-первых, формы обоих типов выступают обязательно как выразители сказуемого. Во-вторых, по сравнению с согласуемыми формами (*прыгнула, пришел*) каждая из них является носителем какого-либо дополнительного значения: стремительности, неожиданности, нежелательности действия для кого-либо. Поэтому обычная оценка всех рассмотренных «неизменяемых» глагольных форм просто как примыкающих — оценка условная и не вполне точная. Вместе с тем, она приемлема, поскольку подчеркивает существенную объективную особенность этих форм: их несогласуемость [118, 65-66].

Таким образом, примыкание — это такой тип связи, при которой зависимое слово является неизменяемым, не имеет окончания и связывается с главным словом по смыслу и местоположением.

Среди примыкающих слов чаще всего встречаются наречия.

Разные семантические группы наречий сочетаются с разными группами глаголов. Так, качественные и количественные наречия возможны далеко не при каждом глаголе, ср. невозможность их при глаголах находиться, очутиться, принадлежать и т. п.; ср. возможность только наречия с количественным значением при глаголе везти (отчаянно везет):

*Художники **стояли неподвижно*** (Паустовский. Орест Кипренский, с. 120). *Шацкий торжественно показал на море* (Паустовский, с.61). *Мы преступно относимся к морю* (Паустовский, с.61). *Верблюд презрительно икнул и торжественно двинулся дальше* (Паустовский, с.67). *Серое небо **низко провисало** над головой* (Паустовский. Мещерская сторона, с.183). *Они молча вышли из трактира* (Паустовский. Тарас Шевченко, с. 139). *Васильев искоса посмотрел на меня* (Паустовский. Кара-Бугаз, с. 71). *Давыдов поднялся со стула **медленно*** (Шолохов. Поднятая целина, с.63). *Было решено ехать завтра вместе. (56). **Пойти ухаживать** за дворовыми девками? – спросил Левин. (159). Лена танцевала послушно* (А. Рыбаков. Дети Арбата, с. 30).

Более свободны обстоятельственные наречия (особенно локальные и темпоральные), которые возможны при словах самых разных грамматических и семантических классов: *Ты **сейчас** взглянула на меня как покойная твоя мать.* (А.П.Чехов. Дядя Ваня, с.282). *Выставка **открылась вечером*** (Паустовский. Телеграмма, с. 276). *Рано утром она отправилась к Марье Корсуновой* (М. Горький. Мать, с.77). *Рабочие сразу заметили новую торговку* (М.Горький. Мать, с.78). *Я **вернулся домой** угрюм и сердит* (Лермонтов. Герой нашего времени, с.480). *Мы здесь только будем **видеться*** (Лермонтов. Герой нашего времени, с. 511). *Вчера приехал сюда фокусник Апфельбаум* (Лермонтов. Герой нашего времени, с.529). *Раньше она **изредка звонила** ему из автомата* (А. Рыбаков. Дети Арбата, с. 7). *...Баулина снова повернулся к Криворучко* (А. Рыбаков. Дети Арбата, с.8). *Она двигалась рядом с ним...* (А. Рыбаков. Дети Арбата, с. 31). *Да **некогда тут заезжать**...* (Булгаков, Мастер и Маргарита, с. 93). *...Гражданин, не касаясь*

земли, качался перед ним и влево и вправо... (Булгаков, Мастер и Маргарита, с. 13). Мне **некуда** было **дальше идти** в нашем разговоре (Бунин. Колесо времени. с. 25).

Возможность или невозможность примыкания того или иного обстоятельственного наречия к тому или иному слову определяется соотношением их лексических значений.

К глаголу примыкают деепричастия (они употребляются только при глаголах):

Они **молча вышли** из трактира (Паустовский. Тарас Шевченко, с. 139). Горничная, бледная, очень тонкая, с равнодушным лицом, нашла в корзине под столом несколько телеграмм и **молча подала** их доктору... (Чехов. Супруга, с.5). Она аплодировала шутя хозяйке, и Аллегрия ответила ей **серьёзным поклоном** (Куприн. Колесо времени, с.9).

Инфинитив свободно (независимо от того, к какой части речи относится главное слово) примыкает лишь к словам одной семантической группы: к словам, в значении которых содержится модальный элемент (**хочу путешествовать, страсть путешествовать, готов путешествовать**):

Я **хочу променять** кисть на саблю (Паустовский. Орест Кипренский, с. 107). Он **хотел покорить** Рим, как недавно покорил Петербург (Паустовский. Орест Кипренский, с.115). Она **не могла объяснить** себе многого (Паустовский. Разливы рек, с.210). Анна Петровна **хотела встать** (Паустовский. Разливы рек, с.147). Мы **ничего не должны растерять** из нашего наследия (Лихачев, с.145). Я **вынужден был слушать** болтовню Купера (Паустовский. Кара-Бугаз, с.68). Долго Левин **не мог понять**, чего от него требовали (Л.Толстой. Анна Каренина, с. 17). Брат ваш **может гордиться** (Л.Толстой. Анна Каренина, с. 21). У нас, в России, **не хотят понять**, что мы наследники Византии,- начал он длинное, горячее объяснение (Л.Толстой. Анна Каренина, с. 28). У него была **способность понимать** искусство и верно, со вкусом подражать искусству, и он подумал, что у него есть то самое, что нужно для художника, и, несколько времени поколебавшись, какой он выберет род живописи... (Л.Толстой. Анна

Каренина, с. 32). - *Нельзя ли его **попросить сделать** портрет Анны Аркадьевны? – сказал Вронский* (Л.Толстой. Анна Каренина, с. 34). *Он все таки взял рисунок, положил к себе на стол и, отделившись и прищурившись, стал **смотреть на него*** (Л.Толстой. Анна Каренина, с. 36). *Он взял палитру и **принялся работать*** (Л.Толстой. Анна Каренина, с. 43). *Михайлов продал Вронскому свою картину и **согласился делать** портрет Анны.* (Л.Толстой. Анна Каренина, с. 44). *Он **начал говорить**, желая найти те слова, которые **могли бы не то что разубедить**, но только успокоить ее.* (Л.Толстой. Анна Каренина, с. 56). *Я прошу у вас сесть, - сказала она...* (Куприн. Колесо времени, с.10). *Но кто мне может запретить обожать синьору?* (Бунин. Колесо времени. с. 17).

Среди глаголов (и только их) есть еще две семантические группы слов, к которым примыкает инфинитив: фазисные (начал учиться, бросил курить, продолжает говорить) и глаголы движения (приехал учиться, зашел поговорить): *Впервые Тарас **начал слушать** музыку Бетховена, Гайдна, Моцарта* (Паустовский. Разливы рек, с. 145). *Мартос **начал разбирать** рукописи* (Паустовский. Разливы рек, с.146). *Кипренский **начал писать** еще лучше* (Паустовский. Орест Кипренский, с. 111). *Она ещё продолжала смеяться* (Куприн. Колесо времени, с. 9). *Вместо великолепных портретов он **начал писать** скучные композиции Христа...* (Паустовский. Орест Кипренский, с. 1 15). *С детства я **привык высекать** статуи из дерева* (Паустовский. Орест Кипренский, с.115). *Дело было в том, что, когда Левин **потребовал одеваться**, Кузьма, старый слуга Левина, принес фрак, жилет и все, что нужно было* (Л.Толстой. Анна Каренина, с.15). *Рубашки чистой Кузьма **не догадался оставить**, и, получив приказанье все уложить и свезти к Щербацким, от которых в нынешний же вечер уезжали молодые, он так и сделал, уложив все, кроме фракной пары* (Л. Толстой. Анна Каренина, с.15). *Послали **купить** рубашку* (Л.Толстой. Анна Каренина, с.15). *Она вышла поправить прическу...* (А. Рыбаков. Дети Арбата, с.30). *Часов в семь пришел в отель пообедать...* (Куприн. Колесо времени, с. 8).

Инфинитив может быть употреблен почти при любой части речи (при существительном, прилагательном, предикативном наречии, глаголе), но не при каждом слове, принадлежащем к этим частям:

Им овладевало желание увидеть что-то запретное, недоступное, прикоснуться к тайне их власти... (А. Рыбаков. Дети Арбата, с.31). *Не писать передовую тоже предложил Саша...* (А. Рыбаков. Дети Арбата, с.33).

Типом примыкания бывают связаны с существительными формы притяжательного местоимения третьего лица его, ее, их (грамматически близкие неизменяемым прилагательным), у которых нет падежа, а формы рода и числа номинативно значимы и не участвуют в выражении связи; ср.: его семья/дом/дети, ее семья/дом/дети, их семья/дом/дети.

Аудитория же на его лекциях принадлежала самой себе (А.В.Вампилов. Настоящий студент, с.258). *Надвинутое на лоб серое кепи бросало тень на его глаза* (А.В.Вампилов. Конец романа, с. 271). *Его лицо становится жестким и надменным* (А.В.Вампилов. Конец романа, с. 258). *Ее губы слегка побледнели.* (Лермонтов. Герой нашего времени, с. 529).

Примыканием является связь между существительным и несогласованной с ним формой зависимого существительного или группой форм существительных, в целом составляющей зависимый компонент, например: озеро Байкал (ср.: на озере Байкал); деревня Броды (ср.: из деревни Броды); станция «Университет» (ср.: к станции «Университет»), журнал «За рубежом» (ср.: в журнале «За рубежом»); магистраль Москва — Ленинград (ср. по магистрали Москва — Ленинград).

Форма зависимого существительного в этих сочетаниях сама по себе не служит для выражения связи, т. е. ведет себя как неизменяемая; связь выражается специфическим для примыкания способом: контактным постпозитивным расположением примыкающего компонента, его «зависимой грамматической функцией».

По типу примыкания всегда сочетаются слово (главный компонент) и форма слова (зависимый); главный компонент сочетания, основанного на примыкании, никогда не бывает формой слова: идти (идет... идущий... идя) быстро; идти (идет... идущий... идя) купаться; идти (идет... идущий...) пританцовывая, вприпрыжку. В случае если примыкающая форма является единственной у слова, различие между формой слова и словом оказывается снятым, и сочетание может быть истолковано и как сочетание слов (идти быстро, идти вприпрыжку).

Примыкание инфинитива к безличным глаголам *следует, надлежит, полагается, (не) годится, подобает* и подобное осуществляется только в предложении: инфинитив является здесь компонентом элементарной структуры предложения [107, 42]: *Да, **следует отметить** первую странность этого страшного майского вечера* (Булгаков. Мастер и Маргарита, с.12). ***Приходится признать**, что ни одна из этих сводок никуда не годится* (Булгаков. Мастер и Маргарита, с.15).

2.2.2. Примыкание в современном таджикском языке

В таджикском языке в связи с отсутствием форм словоизменения и абсолютной неизменяемостью знаменательных частей речи (за исключением глагола) примыкание как синтаксическое средство выражения подчинительной связи слов приобретает важную роль в организации синтаксических единиц. Поэтому состав слов, присоединяющихся способом примыкания, в таджикском языке шире, чем в русском. Примыканием в нём сочетаются безызаветные определения и приложения с определяемым словом, беспредложные обстоятельства и неоформленное прямое дополнение со сказуемым, именной и инфинитивный компоненты в составном сказуемом, деепричастия, числительные с существительными и др.: ***ин китоб**, муаллима Рустамова, **бештар халал расонидан** - мешать больше, **шинохтан мумкин** - можно узнать, **хамин мардак** - этот мужчина, **баъзе***

одамон - некоторые люди, тез навиштан - писать быстро, , шаб омадан - прийти ночью, китоб хондан - читать книгу, се китоб - три книги, муаллим будед- были учителем, омада дидан- прийти увидеть(букв. придя увидеть), рӯз гузаронидан- провести время (букв. провести день), чолоктарин чонварон- самое ловкое животное(существо), Аҳмад-пахлавон-Ахмад пахлавон (силач), як деҳқон- один дехканин, он замин – та земля, **ин хабар** - эта новость, як чавон – один молодой человек, тозон баромадан - быстро вскочить (выйти), хар шаб - каждая ночь, мактуб навиштан - писать письмо (написать письмо), ду мард – двое мужчин, например: Дар **ин дам** ба пеши ман Солеҳ давида омад (С.Улуғзода. Субҳи чавонии мо, с. 186). - **В это время** ко мне прибежал Солеҳ (с.165). **Ин хабар** гӯё як мавҷи тавоное буд, ки аскаронро якто намонда, ба майдони пеши истгоҳ бардошта овард (Ф. Муҳаммадиев. Арзамас, с. 106). - (**Эта новость**) Словно могучая волна подхватила бойцов и вынесла на площадь (Ф. Муҳаммадиев. Арзамас, с.309). Маънии **ин накӯкори**ро мо нафаҳмидем (С. Улуғзода. Субҳи чавонии мо, с.181). - Мы не понимали смысл **такой доброты** (Нам была непонятна такая доброта. С.162). Дар дорулмуаллимин Нишон ном **як чавони** риштонӣ мехонд (С. Улуғзода. Субҳи чавонии мо, с. 279). - В институте учился **один молодой человек** из Риштана (Был у нас в институте один парень из Риштана, звали его Нишон, с. 242). Писари калони Мухсин **се сол** кабл хонадор шуда буд (Ф. Муҳаммадиев. Эй санам, с. 293). - **Старший сын Мухсин женился три года** назад (Ф. Муҳаммадиев. Ах, красавица! с. 223). Вафо **тозон** ба даҳлез **баромад** (Ф.Муҳаммадиев. Чага, с. 336). - Вафо **быстро выскочил** в прихожую. (Ф.Муҳаммадиев, Джага, с. 215). Чага **вазнин-вазнин нафас мекашид** (Ф. Муҳаммадиев. Чага, с. 351). - Джага очень **тяжело дышал** (Ф. Муҳаммадиев. Джага, с. 215). Дар таги **ин чинори** боазамат хонаи падаршӯй ва модаршӯйи Зеби бисер наст ва ҳақир менамуд (С.Улуғзода. Субҳи чавонии мо, с. 143) - **Под этой большой чинарой** дом свекра и свекрови Зеби казался низким и жалким (С.Улуғзода, с. 130). Деги мо акнун **хар рӯз** мечушид (С.Улуғзода. Субҳи чавонии мо, с. 98). - Наш

котел теперь кипел каждый день. Ин ходиса яке аз дурахшонтарин хотираҳои янгаам буд (С.Улуғзода. Субҳи чавонии мо, с. 171). - Это было самым светлым воспоминанием в жизни тётки. (букв. ин ходиса – это событие; это явление).

В таджикском языке примыкание очень продуктивный тип связи, который объединяет широкий круг форм и морфологических категорий, исключая изафетные сочетания.

Основным средством связи при примыкании в таджикском языке является порядок слов. Подчиняющее слово стоит в постпозиции, а подчиняемое - в препозиции.

Примыкание в таджикском языке, отмечает Д.Т. Таджиев, является одним из способов связи определения с определяемым. Часть таджикских определений выражается разными разрядами местоимений, кроме личных, а также числительными (кроме порядковых), которые занимают место непосредственно перед определяемым словом. Способом примыкания выражаются также другие таджикские определения в инверсированной речи. Кроме того, в таджикском языке путем примыкания осуществляется также связь большей части таджикских приложений [130, 60].

Д.Т. Таджиев выделяет следующие типы примыкания: примыкающие определения, примыкающие местоименные определения, примыкающие определения-числительные, примыкающие приложения [130, 60].

В таджикском языке примыкающие определения не изменяются по числу. В тех словосочетаниях, где примыкание выражено разрядами местоимений, кроме личных и возвратных, изменяются по числу только определяемые (ин одам - этот человек, ин одамон - эти люди). Если местоименные примыкающие определения выражают предметность, то они принимают суффиксы множественного числа и перестают быть определениями. В случаях, когда примыкание выражается количественными числительными, не изменяется в числе не только числительное, но и

считаемый предмет, который следует за числительными: *як мактаб - одна школа, даҳ мактаб - десять школ.*

Совершенно иначе обстоит дело с таджикскими приложениями-именами существительными, местоимениями личными. Хотя по способу синтаксической связи эти словосочетания ничем не отличаются от вышеупомянутых словосочетаний с примыкающими определениями, однако, в отличие от них, имена существительные в данном синтаксическом употреблении могут изменяться по числу. Мы обнаруживаем в некоторых случаях возможность постановки во множественном числе как приложения, так и определяемого: *рафиқон офитсерон ва гинералҳо - товарищи офицеры и генералы, мо бародарон - мы братья, меҳнаткашон – интихобкунандагон - трудящиеся-избиратели.* Кроме того, как примыкающие приложения, так и определяемое могут иметь при себе свои определения: *рафиқи ҷавониам Маҳмуд - мой друг детства Махмуд, Ватани советӣ – макони бахти инсони меҳнат - Советская Родина-обитель счастья трудового человека.* Наконец, примыкающие приложения могут стоять как перед определяемым, так и после него: *шоир Турсунзода - поэт Турсунзода, механик-ронанда - механик-водитель, Соҳиб амак - дядя Сохиб.*

Таким образом, мы устанавливаем как бы две группы примыкающих определений. В первую группу входят примыкающие определения, выраженные разными разрядами местоимений, кроме личных, а также числительными, кроме порядковых, а во вторую – примыкающие приложения, выражаемые только именами существительными и местоимениями личными.

Связь между определяемым и определением в этих словосочетаниях осуществляется путем примыкания определения в препозиции к определяемому слову. В этих словосочетаниях примыкающее определение выражается указательными, определительными, неопределенными и вопросительными местоимениями, числительными, а также другими

категориями слов в роли приложения. Определенный тип приложения сочетается с определяемым также постпозитивным примыканием.

В роли примыкающих определений выступают разные части речи [130, 17].

В таджикском языке существует и сложная безотносительно превосходная степень прилагательного, которая образуется примыканием к положительной степени прилагательного усилительных обстоятельств: *бисёр-много, хеле-очень, чудо-очень, чудо ҳам – слишком, аз ҳама – из всех, ниҳоят, бениҳоят, аз ҳад зиёд - слишком, аз ҳама – из всех, фавқуллодда—* чрезвычайно, и устарелые *гоят, багоят – до крайности, баесе, басо- много* и др. Эти обстоятельства в сочетании с прилагательными выражают превосходную степень качества прилагательного: *Рӯз беҳад дароз кашид* (С.Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с.256). - *День тянулся бесконечно (длинным)* (С.Улуг-зода. Утро нашей жизни, с.228).

В таджикском языке способом примыкания связываются разные разряды местоимений: примыкающие местоименные определения.

К существительным могут примыкать разные разряды местоимений:

Ин хабар гӯё як мавҷи тавоное буд, ки аскаронро якто намонда, ба майдони пеши истгоҳ бардошта овард (Ф. Муҳаммадиев. с. 106). – *Эта новость* словно могучая волна подхватила бойцов и вынесла на площадь (Ф. Муҳаммадиев. Арзамас, с.309). *Дар тағи қалъа ва дар наздиқиҳои он хонаҳое баъзе давлатмандон, аммо бештар хонаҳои аҳли савдо ва касаба – бакколон, касоббон, мисгарон, кадокчиён, бофандагон, дуредгарон воқеъ шудаанд* (С.Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с. 9). - *У подножия крепости Сарикалы и вблизи от нее построили себе дома некоторые богачи, но больше торговцы и ремесленники - бакалейщики, мясники, медники весовщики, ткачи, столяры* (С.Улуг-зода. Утро нашей жизни, с.8). *Рӯзи дигар ба райком зани Шафё-амак, ҳамон пиразани мисли шавҳараи меҳмондусти чехракушод омад* (Ф. Муҳаммадиев. Арзамас, с. 111). - *На следующее утро в райком партии пришла жена Шафе-амака, та старушка, как и ее муж гостеприимная...* (Ф. Муҳаммадиев. Арзамас, с. 313). *Ҳамон чашмони*

калон-калони меши, хамон гуна мижгони сархами фаттон (Ф. Муҳаммадиев. Эй санам, с.293). - *Те же огромные темные **очи**, такие же длинные чарующие ресницы* (Ф. Муҳаммадиев. Ах, красавица! с. 222). *Кошки одам ана **ҳамин автомобил** барин зоҳиру ботинаш нағз аён бошад!* (Ф. Муҳаммадиев. Роҳ, с.116). - *Если бы мысли человека можно было бы узнавать так же, как автомобиля* (ҳамин автомобил - этот автомобиль) (Ф. Муҳаммадиев. Дорога. с. 243). - *Ин ном дар ҳақиқат ба вай муносиб афтод* (С.Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с. 43). - *Это имя и в самом деле очень подходило к игрушке* (С.Улуғ-зода. Утро нашей жизни, с.40). *Аз **ҳамин рӯз** сар карда Мирзодикак дӯсти карини ман шуд* (С.Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с. 43). - *Мирзодикак с этого дня стал моим первым другом* (С.Улуғ-зода. Утро нашей жизни, с.40). *Ҳар рӯзи якшанбе Азизхон **хурраму хандон** ба хона меомад* (С.Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с. 120). - *Каждое воскресенье Азизхон приходил к нам веселый и довольный* (С.Улуғ-зода. Утро нашей жизни, с.111).- (ҳар рӯз – каждый день). *Ҳамин вақт вақти чойнӯшии чоштгоҳии ходимони банк аст* (С.Айнӣ. Марги судхӯр, с.156).- *Дело в том, что как раз в это время в банке завтракают* (С.Айни. Смерть ростовщика, с.168). *Ҷ он хатро бароварда ба дастам медод* (С.Айни. Марги судхӯр, с.199). - *Он вынимал (то) письмо и подавал мне* (С.Айни. Смерть ростовщика, с. 201). *Аз **ҳамин соат** сар карда обруи ман дар назди рафиканам боз хам зиёд шуд* (С.Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с. 150). - *С этого момента авторитет мой перед товарищами еще больше вырос* (С.Улуғ-зода. Утро нашей жизни, с. 138). *О вай кул дар Қирғизистон-ку!* (Ф. Муҳаммадиев. Дастархони рӯи марз, с. 67). – *(То) Озеро-то находится в Киргизии* (Ф. Муҳаммадиев. Дастархан на границе, с. 342).

*Барака **чандин сол** боз машваратчи суди халқии райони Сари Осиё аст* (Муҳаммадиев. Шоҳии япон, с.373). - *Барака уже несколько лет подряд был (является) председателем народного суда в районе Сари Осиё. Сафо бинокор аст* (Муҳаммадиев. Шоҳии япон, с.337).

В таджикском языке способом примыкания к существительным осуществляется связь числительных: *Писари калони Мухсин се сол кабл хонадор шуда буд* (Ф. Мухаммадиев. Эй санам, с. 293). - *Старший сын Мухсин женился **три года** назад* (Ф. Мухаммадиев. Ах, красавица! с.223). *Падарам ба сину сол аз вай **ҳайт ё даҳ сол ҷавонтар будааст*** (С.Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с. 14). - *Отец был на **восемь – десять лет** моложе его* (С.Улуг-зода. Утро нашей жизни, с. 14). *Вай (модарам) аз падарам **даҳ – понздаҳ сол хурдтар буд*** (С. Улуғзода Субҳи ҷавонии мо, с. 18). - *Мать была **моложе отца лет на пятнадцать*** (букв. десять-пятнадцать лет) (С.Улуг-зода. Утро нашей жизни, с.17). ***Шаш бародари** падарам аз модари дигар – аз зани якуми бобоям буд* (С.Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с. 24). - ***Шесть** старших **братьев** отца были от первой жены бабушки* (С.Улуг-зода. Утро нашей жизни, с.23). *Меҳмони модарам бо мерубонии тамом ба гӯши ман **як сузани гафсро халонда будааст*** (С.Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с. 28). - *Мочка моего правого уха проткнула **толстой иглой (як сузан- одна игла, иголка)*** (С.Улуг-зода. Утро нашей жизни, с.26). *Акнун вай дар умраи **аввалин бор** пуштиноки ба замин хобиду дигар нахест* (С.Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с. 47). - *Тут он **в первый раз** за всё время пребывания у нас сам лег на спину и больше уже не поднялся* (С.Улуг-зода. Утро нашей жизни, с.44). *Падарам як бор аз ким – кучо **як ҷувол ангиитсанг ёфта овард*** (С.Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с. 58). - *Как – то отец принёс домой мешок каменного угля* (С.Улуг-зода. Утро нашей жизни, с. 55). ***Дусаду панҷоҳ таноб токзори** дар пушти завод паҳн шуда рафта алафи гавсе пахи карда буд* (С.Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с. 88). - ***За заводом на двухстах пятидесяти** тапах лежал брошенный **виноградник*** (С.Улуг-зода. Утро нашей жизни, с. 80). *Аз табин шудани падарам ба саркори токзор **як ду ҳафта** гузашта буд* (С.Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с. 93). - *Это было недели через две после назначения отца старшим над рабочими на винограднике* (С.Улуг-зода. Утро нашей жизни, с. 86). *Бой ба мулозим **панҷ танга***

бароварда дод (С.Айнӣ. Марги судхӯр, с. 221). - *Бай вынул пять танга и протянул их служителю* (С.Айни. Смерть ростовщика, с. 219).

К глаголам примыкают деепричастия: *Ҳамсои солхурдаи Додоев рақсида-рақсида ба пеши ӯ меомад* (Ф. Муҳаммадиев. Эй санам, с.309).- *Пожилкой сосед Додоева, танцуя, направлялся к нему* (Ф. Муҳаммадиев. Ах, красавица! с. 239). *Падарам хомушона чаим ба замин дӯхт Шарофат худро ба пои падарам партофт* (С.Улуғзода. Субҳи чавонии мо, с. 64). - *Отец молча уставился в землю. Шарофат бросилась к ногам отца* (С.Улуғзода. Утро нашей жизни, с. 60).

К глаголам примыкают наречия:

Банохост ҳаловати парвози озод бо дарди чонкохе бадал шуд (Ф. Муҳаммадиев. Роҳ, с.126). - *Вдруг наслаждение от вольного парения сменилось жгучей болью* (Ф. Муҳаммадиев. Дорога, с. 250). *Падарам ба ман нофаҳмонда онро оҳистакак ба паҳлуяи монда будааст* (С.Улуғзода. Субҳи чавонии мо, с.43). - *Незаметно отец поставил её рядом со мной* (С.Улуғзода. Утро нашей жизни, с.40). *Лекин имрӯз вай аз гайри чаимдошти мо дар вақти гаитгоҳ ба хона баргаишт* (С.Улуғзода. Субҳи чавонии мо, с.88). - *Он сегодня неожиданно вернулся домой во время полдника* (С.Улуғзода. Утро нашей жизни, с.81). *Онҳо ӯро беэҳтиромона истиқбол карданд* (С.Улуғзода. Субҳи чавонии мо, с.94). - *Они встретили его равнодушно* (С.Улуғзода. Утро нашей жизни, с.86). *Бе модар зиндагонии мо дар завод торафт душвор шудан гирифт* (С.Улуғзода. Субҳи чавонии мо, с. 114). - *Жизнь на заводе без мамы стала для нас невыносимой (невыносимо)* (С.Улуғзода. Утро нашей жизни, с. 106). *Серёжка нохост истоду ақиб гаита давон-давон ба тарафи хонааш рафт* (С.Улуғзода. Субҳи чавонии мо, с. 128). - *Серёжка вдруг остановился и побежал обратно к своему дому* (С.Улуғзода. Утро нашей жизни, с.118). *Бача давон аз хона баромада рафт* (С.Айнӣ. Ятим, с.319). - *Мальчик быстро выбежал из комнаты* (С.Айни. Ятим, с. 10).

Примыкающие приложения: *Ятим дар ин вақт модари меҳрубон ва Ака-Қурбони худро ёд кард* (С.Айнӣ. Ятим, с. 399). - *Мальчик вспомнил свою мать и ака Курбана* (С.Айни. Ятим, с. 67).

К существительным примыкают прилагательные (чаще всего примыкает форма превосходной степени прилагательного):

Одмизод аҷаб махлуқи нобино ва кундфаҳм будааст-дия!.. (Ф. Мухаммадиев. Роҳ, с.128). - *Какие же слепые и бестолковые создания – люди!...* (Ф. Мухаммадиев. Дорога, с.252). В этом предложении (форма превосходной степени прилагательного примыкает к существительному). *Шавҳараш хушбахттарин йигити ин музофот буд гӯем, боз кам* (Ф.Мухаммадиев. Сози Мунаввар, с. 170). - **хушбахттарин йигити – счастливейший джигит (самый счастливый джигит)**. *Фақат ҳамин қадар тафовут, ки ин ҳаво серунтар, иқлим сербориштар аст ва долу дарахт сабзтар* менамояд, *умуман растаниҳо таровати худро то ба ин рӯзҳои тирамоҳӣ беиштар нигоҳ доштан*д (Ф. Мухаммадиев, Дастафшон ғазалхонем, с.85). *Дар сарҳади вилояти Норин моро намояндаҳои вилоят ва наздиктарин ноҳияи он – райони Кучқор пешвоз гирифтанд* (Ф. Мухаммадиев, Дастафшон ғазалхонем, с.87).

В таджикском языке к глаголу примыкают разные части речи:

существительное: *Падарам дар меҳмонхонаамон дутор мезад* (С.Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с.11). - *Мой отец в меҳмонхоне часто играл для своих приятелей на дутаре* (С.Улуғ-зода. Утро нашей жизни, с.13). *Падарам дар як қитъа замини холи тоқзор сабзаводу полиз корид* (С.Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с. 104). - *На пустовавшей среди виноградника земле отец вскопал огород* (С.Улуғ-зода. Утро нашей жизни, с.95). *Вай маро дида ба сӯям даст чунбонд ва қадамаширо боз ҳам тезонд* (С.Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с. 124). - *Увидев меня, он помахал рукой и прибавил шагу* (С.Улуғ-зода. Утро нашей жизни, с.114). *Падараш ӯро Исматулло ном нихода буд* (С.Айнӣ. Марги судхӯр, с. 226). - *Отец дал ему имя Исматулла* (С.Айни. Смерть ростовщика, с.222).

В таджикском языке приложение может быть выражено также и примыканием к определяемому, причем приложение в этих случаях может стоять как перед определяемым, так и после него.

Приложение (или собственно приложение), выражающее звание, профессию, занятие и др., а также обращение, обычно стоит перед определяемым: *нависанда Айни* - *писатель Айни*, *майор Рустамов* - *майор Рустамов*, *студент Нодиров* - *студент Нодиров*, *муаллим Бобоев* - *учитель Бобоев*, *колхозчизан Сафарова* - *колхозница Сафарова*, *рафик Сангинов* - *товарищ Сангинов*. В изафетных словосочетаниях такие приложения ставятся после определяемого:

Ман, масалан, намехоҳам, ки рафиқ Воҳидов аз республикаи мо бо тасасавуроте биравад...(Ф. Мухаммадиев. Роҳ, с. 85). — *Я, например, не хочу, чтобы товарищ Вахидов уезжал из нашей республики с какими-то впечатлениями.*

Вторую группу составляют примыкающие приложения, служащие для уточнения или заключающие в себе пояснение, т.е. другое более точное или понятное обозначение того же предмета. Приложения в таких случаях следуют за определяемыми:

Меҳнаткашон-интихобкунандагон - *трудящиеся* - *избиратели*, *ака Истад* - *братец Истад*, *Соҳиб амак* - *дядя Соҳиб*, *механик-ронанда* - *механик* *водител*, *инженер-гидротехник*, *мо колхозчиён*- *мы колхозники*, *тал-теппа* - *холм-возвышенность*, *хоҳараи Салима* - *его сестра Салима*, *духтарам Саида* - *дочь моя Саида*.

...Режиссер Борис Кимёгаров дар куҳсори Исфара филми «Фоҷиаи Сиёвуш»-ро ба навор мегирифт (Ф.Мухаммадиев. Дастархони руи марз, с.66).- *Режиссер Борис Кимягаров вёл съёмки фильма «Трагедия Сиявуша» в горной Исфаре* (Ф. Мухаммадиев. Дастархан на границе, с.341). *Саид Амон лаб-лаби дарёи Панҷ ба муқобили ҷараёни он боло мерафт* (Ф.Мухаммадиев. Сози Мунаввар, с.165).- *Саид Амон шел вверх по берегу Пянджа вдоль полосатых пограничных столбов* (Ф.Мухаммадиев. Влюбленный саз, с.297). - *Усто Оқил дархол ҷавоб надод* (Ф.Мухаммадиев. Рӯзи дафнии усто Оқил,

с.226). *Абдурауф – амак нарафт* (Ф. Мухаммадиев. Рӯзи дафни усто Оқил, с.220).- *Дядюшка Абдурауф не пошел* (Ф.Мухаммадиев. Похороны усто Окила, с.273). *Ходими махала, мулло имом, пойкор аз субх то шом Давида, коре карда натавонистанд* (Ф.Мухаммадиев. Рӯзи дафни усто Оқил, с. 224).- *Ходим кишлака, мулла имам, организатор всех церемоний, пиров и похорон, и глашатай с утра до вечера бегали по домам, но ничего не могли поделатъ* (Ф.Мухаммадиев. Похороны усто Окила, с. 277). *Дар яке аз ин гуна оилаҳо мехмон шудам. Сардори хонавода мӯйсафеди тоҷик, занаш узбек* (Ф.Мухаммадиев. Дастархони рӯи марз, с. 68).- *В одной из таких семей мне пришлось однажды побывать. Глава семьи – старик таджик, жена его-узбечка* (Ф. Мухаммадиев. Дастархан на границе, с. 343). *Рафиқ Шамшиев, модоме ки хамин тавр аст, бо казову кадар шухи накунеду дар Душанбе монед* (Ф.Мухаммадиев. Дастархони рӯи марз, с. 68).- *Товарищ Шамшиев, раз так, не шути с роком и предопределением, оставайся в Душанбе* (Ф. Мухаммадиев. Дастархан на границе, с. 343). *Аз шоирон ва нависандагони мо Мирзо Турсунзода, Чалол Икромӣ, Гулчехра Сулаймонова, Марианна Фофанова, Муъмин Каноат, Қутби Киrom, Лоик Шералӣ, Убайд Раҷаб ва муаллифи ин сатрхо омадаанд* (Ф.Мухаммадиев. Дар канори дӯстон, с. 70).- *На этом празднике дружбы таджикскую литературу представляли Мирзо Тусун-заде, Джалол Икрами, Гулчехра Сулейманова, Марианна Фофанова, Мумин Қаноат, Қутби Киrom, Лоик Шерали, Убайд Раджаб и автор этих строк* (Ф.Мухаммадиев. В объятиях друзей, с. 346)... *У соли 1943 дар ҳаждаҳсолагӣ ба фронт рафта, дар сафҳои дивизияи машхури гвардияи ба номи генерал Панфилов ҷангидааст* (Ф.Мухаммадиев. Дар канори дӯстон, с.71). - *В 1943 году восемнадцатилетним мальчишкой он ушел на фронт и сражался в прославленной панфиловской дивизии (в дивизии генерала Панфилова)* (Ф.Мухаммадиев. В объятиях друзей, с. 347)... *Муаллим Икромӣ, Муъмин Каноат суханҳо гуфтанд* (Ф.Мухаммадиев. Дар канори дӯстон, с.73). - *Произносили речи Джалол Икромии (букв. учитель Икромии) и Мумин Каноат* (Ф.Мухаммадиев. В объятиях друзей, с.349). *Зеро мо қиргизону тоҷикон, на фақат халқҳои ҳамсоя ва ҳамтақдир, балки асрҳои инҷониб хешу таборем* (Ф.Мухаммадиев. Дар канори дӯстон, с. 75).- *Мы*

таджики и киргизы – это не только соседние народы одной судьбы, но и старинные родственники (Ф.Мухаммадиев. В объятиях друзей, с.350). *Пас, мо бародарони ҳамхуни бостони ва достонием* (Ф.Мухаммадиев. Дар канори дӯстон, с.75). - *Мы издревле братья по крови (мо бародарон – мы братья)* (Ф.Мухаммадиев. В объятиях друзей, с.351).

Приложение может быть присоединено посредством слова **яъне, (то есть)** и союзами **чун, ҳамчун (как)**:

Аммо он синч, яъне деворчаи охӯрча на он қадар баланд буд... (Айнӣ).- Но та балка, то есть стенка кормушки, не была столь высокой.

Ман ҳам аз забони ӯ гирифта ин чор калима, яъне номи чор ҳарфро такрор кардам... (Айнӣ) -... Я также повторил вслед за ним эти четыре слова, то есть названия четырех букв.

Шумо ҳамчун раиси колхоз бояд баромад кунед.- Вы как председатель колхоза должны выступать.

Худи духтар чун соҳиби хона дар миёнҷой... менишаст (Икромӣ).- Сама девушка сидела как хозяйка дома.

Приложения, которые в таджикском языке обозначают родственные и дружественные отношения, связываются между собой способом примыкания. Слова в этой функции обычно выражаются при помощи притяжательных местоименных суффиксов: *Амакам Исохон дар Тошканд такҷои гашта, чаҳор писар ва як духтараи дар ҳамин ҷо калон шуда буданд* (С.Улуғзода, Субҳи ҷавонии мо).

При распространенном приложении притяжательные местоименные суффиксы употребляются в подчинительном слове:

Ҳарчанд ҷураи ҳамдеҳааш Салим аввал дар омӯзишгоҳ хонда муаллим шуд... (Ф.Мухаммадиев). Лекин ман аз янгаам Каромат намеранҷам... (С.Улуғзода).

Постпозитивное примыкающее определение в приложениях употребляется очень мало. Такой способ примыкания приложения является особенностью разговорной речи. В этой группе приложения слова, которые выражают псевдонимы и прозвища вошли в литературный язык: *Абуабдулло*

Рӯдакӣ, Садрӣддин Айнӣ, Хотам Луҷак, Ҳусейн Паҳлавон, Азиз Мерган, Чура-батрак и др.: *Аминҷон Шукӯҳӣ шоири лирик мебошад.*

Приложения, выражающие родственные отношения, уважения и почтения, вежливое общение (этикетные слова) в художественной литературе в стилистических целях употребляются в названиях лиц персонажей: *Дадабой-амакатро аз ёдат баровардӣ?* (С.Улуғзода). *Ман оҳиста ба назди Мирзо-муаллим рафта, гуфтам, ки арзе дорам* (Ф.Муҳаммадиев).

Таким образом, в современном таджикском языке примыкание является наиболее типичным видом синтаксической связи. К существительному примыкают: существительные, притяжательные и неопределенные местоимения, числительные, причастия, наречия, прилагательные (чаще всего формы сравнительной и превосходной степени прилагательного), инфинитив. Если стержневым словом является глагол, то к нему могут примыкать наречия, существительные, местоимения, инфинитив, деепричастие.

2.2.3. Типологические соответствия таджикскому примыканию в русском языке

Таджикским словосочетаниям с примыканием соответствуют в русском языке:

а) согласование: *ҳар ид – каждый праздник, ин китоб- эта книга, ҳамон сақич – та жвачка, ин толор – это помещение, наздиктарин дӯст – (самый) лучший друг, калонтарин дарё- самая большая река, хушбахттарин йигит – счастливейший джигит (самый счастливый джигит), ҳамин майдон – этот майдан;*

б) управление: *чаҳор сол – четыре года, ду-се нафар мутрибон - два три певца.*

Особенно чётко эти особенности проявляются в нижеприведенной таблице.

Таблица 2

**Примыкание в таджикском языке и типы его грамматического
выражения средствами русского языка**

№ п/п	Таджикский язык	Русский язык	Соотношение типов связи таджикского и русского языка
1.	<i>Дар ҳар иди калони мамлакат вакилони ҳамаи ҳалкхо ба Москва бо навбат омада мераванд (Ф.Мухаммадиев. Эй санам, с.295).</i>	<i>В каждый большой знаменательный праздник страны в Москву приезжают поочередно представители всех народов (Ф.Мухаммадиев. Ах, красавица! с.225).</i>	примыкание - согласование
2.	<i>Ҳоло низ ҳамон сақичро мехоянд (Ф.Мухаммадиев. Эй санам, с. 291).</i>	<i>И сейчас жуют ту же жвачку (Ф.Мухаммадиев. Ах красавица, с.221).</i>	примыкание - согласование
3.	<i>Чанд кондиционерии майда магар хавои ин толори калонро тозаву серун нигоҳ дошта метавонад? (Ф. Мухаммадиев. Эй санам, с.309).</i>	<i>Разве могут несколько маленьких кондиционеров охладить и освежить воздух в таком огромном помещении? (Ф. Мухаммадиев. Ах, красавица! с. 238).</i>	примыкание - согласование
4.	<i>Охир Аҳмадбек чаҳор сол шуд, ки бо касе гуштин нагирифтааст (Ф. Мухаммадиев. Даъво, с.142</i>	<i>А ведь Ахмадбек вот уже четыре года как перестал бороться (Ф.Мухаммадиев. Поединок, с.257)..</i>	примыкание-управление
5.	<i>Дафъаи дигар ба худи ҳамин майдон ўро Салим муаллим кашол дода овард (Ф. Мухаммадиев. Даъво, с.142).</i>	<i>В другой раз на этот же самый майдан его привел Салим-муаллим (Ф.Мухаммадиев. Поединок, с.257).</i>	примыкание-согласование

6.	<i>Димоги Аҳмадбек он рӯз сӯхта ва ҳавосаи парешон буд (Ф.Мухаммадиев. Даъво, с.138).</i>	<i>Настроение у Ахмадбека в тот день было паршивое (Ф.Мухаммадиев. Поединок, с.255).</i>	примыкание - согласование
7.	<i>...Тақрибан сӣ нафар ҷавонон... мусобиқа мекарданд(Ф.Мухаммадиев. Даъво, с.143).</i>	<i>Состязалось около тридцати (молодых) борцов (Ф.Мухаммадиев. Поединок, с. 255).</i>	примыкание - согласование
8.	<i>Аҳмадбек беихтиёр хандид (Ф.Мухаммадиев. Даъво, с.144).</i>	<i>Ахмадбек невольнo рассмеялся (Ф.Мухаммадиев. Поединок, с. 260).</i>	примыкание - примыкание
9.	<i>Ду-се нафар мутрибони ҳаваскори деҳа ва қишлоқҳои боло ба навбат ба мобайни ҳавлӣ баромада, дойраю рубоб ё думра дар даст суруд мехонданд (Ф.Мухаммадиев. Даъво, с.141</i>	<i>(Два-три певца) певцы – любители, выходя по очереди на середину двора, пели, аккомпанируя себе на дойре, рубобе или домбре (букв. ду- се нафар мутрибон – два- три певца) (Ф.Мухаммадиев. Поединок, с.257.</i>	примыкание - управление
10.	<i>Оре, чанд сол муқаддам тағири рӯҳия ба ӯ ба осонӣ муяссар мешуд (Ф.Мухаммадиев. Даъво, с.141)</i>	<i>Да, несколько лет назад он легко обуздывал свои чувства (Ф.Мухаммадиев. Поединок, с.257).</i>	примыкание–управление
11.	<i>Амон ду паҳловонро ба осонӣ мегалтонд (С.Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с.12).</i>	<i>Амон легко свалил двух приезжих борцов (С.Улуғзода. Утро нашей жизни, с.14).</i>	примыкание - согласование
12.	<i>Вай се бор маро ба сари синаи бардошта ба замин заданӣ шуд, лекин ман ҳар дафъа поямро ба замин тиргак карда худамо нигоҳ медоштам ва намегалтидам (С.Улуғзода. Субҳи</i>	<i>Три раза он поднял меня к себе на грудь, желая сбросить на землю, но я каждый раз успевал вставать на ноги, крепко упереться в землю и не падал (С.Улуғзода. Утро</i>	примыкание–управление

	чавонии мо, с.12).	нашей жизни, с.14).	
13.	<i>Ин мардҳо... аҷаб... одамҳои галатӣ мешуданд</i> (С.Улугзода. Субҳи чавонии мо, с.12).	<i>Эти мужчины.. удивительные люди</i> (С.Улугзаде. Утро нашей жизни, с.14).	примыкание–согласование

Как свидетельствуют примеры в таблице, в русском и таджикском языках иногда наблюдаются конструкции, в которых связь слов в предложении осуществляется посредством одинакового типа связи, а именно примыкания: *Аҳмадбек ҳаёломез роҳ менаймуд* (Ф.Мухаммадиев. Даъво, с.141). *Дехқон мардум аксаран соддадил мешаванд* (Ф.Мухаммадиев. Даъво, с.141).- - *Дехкане обычно народ простодушный* (Ф.Мухаммадиев. Поединок, с.260). ...*Аз Аҳмад – паҳлавон акнун фақат ном боқӣ мондааст* (Ф.Мухаммадиев. Даъво, с.145). - *От Ахмада – пахлавона осталась одна былая слава!* (Ф. Мухаммадиев. Поединок, с.260). *Ҳамин бача як хосият дорад...* (Ф.Мухаммадиев. Даъво, с. 146).- *У него (этого мальчика) одна интересная способность* (этого мальчика) (Ф.Мухаммадиев. Поединок, с.261). *Зан ... чанд қадам дуртар аз Саид Амон дар лаби ҷӯйчаи беобнишаст.....*(Ф.Мухаммадиев. Сози Мунаввар, с.160).-

Таким образом примыкание таджикском языке является одним из продуктивных типов связи слов в словосочетании. При этом, следует отметить, что в сопоставляемых языках в ряде случаев совпадает тип передачи зависимого компонента в подчинительном словосочетании (примыкания).

В других случаях примыкаемый компонент таджикского языка (в одноименных русских лексических конструкциях) выражается иными типами: согласованием или управлением.

ГЛАВА 3. СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ТИПЫ СВЯЗИ СЛОВ В СЛОВСОЧЕТАНИИ В СОПОСТАВЛЯЕМЫХ ЯЗЫКАХ

3.1. Управление в современном русском и таджикском языках

3.1.1. Управление в современном русском языке

В русской лингвистической науке существует противоречивая трактовка природы управления. Это объясняется сложностью самой проблемы и разными общетеоретическими установками авторов.

Синтаксические явления, подводимые под понятие управления, весьма разнообразны и часто очень далеки друг от друга. Поэтому и сам термин *управление* особенно нуждается в расчленении и уточнении [100, 158]. Необходимость ограничить круг синтаксических явлений, подводимых под понятие управления, со всей решительностью подчеркнул А.А. Потебня. «Чтобы понятие управления не расплзлось в туман, следует понимать под ним только такие случаи, когда падеж дополнения определяется формальным значением дополняемого, например, винительный падеж прямого объекта, падеж с предлогом при приставочном глаголе, как «надеяться на бога» [98]. Если же дополняемое само по себе не указывает на падеж дополнения, то об управлении не может быть и речи. Другими словами, связь между дополняемым и дополнением может быть теснейшая и более отдаленная. Из приведенного высказывания ясно, что А.А. Потебня обратил внимание на два признака подчинительной связи, по-разному проявляющиеся в разных случаях, по традиции относимых к управлению: 1) указывает ли дополняемое на падеж дополнения или не указывает; 2) является ли связь между дополняемым и дополнением теснейшей или более отдаленной. Эти признаки А.А. Потебня считал существующими только в таких комбинациях: дополняемое указывает на падеж дополнения — связь «теснейшая», дополняемое не указывает на падеж дополнения — связь «более отдаленная».

Природа первого выделенного А.А. Потебней признака очевидна: это предсказующий или непредсказующий характер связи (иначе предсказуемость/непредсказуемость). При предсказующей связи форма зависимого компонента определяется свойствами главного компонента: собственно грамматическими (выше гор, высочайшая из гор), лексико-грамматическими (чувствовать боль, бояться боли), словообразовательными (натолкнуться **на** ошибку, оттолкнуться **от** берега). При непредсказующей связи она не определяется свойствами главного компонента, а выбирается из числа форм зависимого существительного как носительница именно того смысла, который должно выразить это существительное (идти с другом, работать в саду).

Менее ясна природа второго выдвинутого А.А. Потебней признака, что за определениями «теснейшая» и «более отдаленная» связь может стоять признак обязательности / необязательности связи. Это положение, не утратившее своего значения и в настоящее время, получило развитие в известном труде А.М. Пешковского, разработавшего учение о двух видах управления: сильном и слабом [86].

В истории русской синтаксической науки укрепилось именно такое понимание, и с признаком предсказуемости оказался тесно связан именно признак обязательности, а с признаком непредсказуемости — признак необязательности.

Управлением обычно считается такая связь, при которой подчиняющее слово требует постановки подчиненного в определенном падеже. Например: *принести газету, доверять людям, добежать до угла, полон нежности*. Здесь действительно падежная форма зависимого слова употребляется «по требованию» господствующего слова. А какого падежа «требуют» глаголы жить, расти, прийти и т. п.? Можно сказать жить в городе, за рекой, у леса. Ср.: *жить далеко, впроголодь, долго, бездельничая; прийти перед обедом, после ужина, из-за телеграммы, к завтраку, в дом*. Ср.: *прийти неожиданно, утром, прихрамывая, искупаться*.

Возможность при глаголах жить, прийти разных зависимых от них форм существительного говорит о том, что эти глаголы не диктуют подчиненному имени определенной падежной или предложно-падежной формы. Это обстоятельство как будто выводит такие формы из системы управления.

Близость синтаксических отношений, выражаемых зависимыми существительными, к отношениям, выражаемым неизменяемыми словами (наречиями, деепричастиями, инфинитивом), как будто дает основание включить эти обстоятельства, выраженные существительными, в разряд слов примыкающих [136, 11].

Так, например, Ф. И. Буслаев считал, что в словосочетаниях идти в город, идти из города зависимые слова «не согласуются и не управляются», они «не состоят в видимой синтаксической связи со словами, к которым присовокупляются» [15, 273]. А.А. Потебня писал, что под управлением «следует понимать только такие случаи, когда падеж дополнения определяется формальным значением дополняемого... Если же дополняемое само по себе не указывает на падеж дополнения, то об управлении не может быть и речи» [98, 119-120]. Н. М. Баженов отмечает, что предложно-именная форма *в саду*, сочетаясь с самыми различными по семантике глаголами: *спит, лежит, играет, танцует, пишет, пьет, обедает, работает* - не управляется, а скорее, примыкает к ним, сохраняя лишь смысловую зависимость от подчиняющего слова [137, 494].

В «Русской грамматике» отмечается, что явления, подводимые под понятие управления, сложны, разнообразны и недифференцированы. Некоторые из них близки к примыканию, например сочетание имени существительного с глаголом, существительным и прилагательным для выражения пространственных или временных характеристик, для обозначения причины, цели, способа и т.п.: *жить в городе, ехать в колхоз, сидеть на лавочке, встречаться каждую весну, залезть на гору, смеяться от радости* и т.п. [107, 42 -45].

Лингвисты стали пытаться дифференцировать зависимые падежные и предложно-падежные формы существительных, выделяя из управления так называемое предложное (или падежное) примыкание имен существительных, если форма косвенного падежа является более или менее независимой от лексического значения или структуры подчиняющего слова. В «Русской грамматике» (1982 г.) некоторые формы косвенных падежей с предлогами и без предлогов тоже рассматриваются как примыкающие, причем, за основу выделения «именного примыкания» принят характер семантико-синтаксических отношений между зависимым и господствующим словом [107, 42-45].

Как видно из этого далеко не полного обзора попыток пересмотра традиционного учения об управлении, в русском языкознании все время усиливается стремление сузить рамки управления, придать ему значение буквально соответствующее этимологической форме термина: управлять — значит требовать от зависимого слова определенной падежной формы. Все, что не отвечает этому условию, выделяется в особый вид связи или включается в примыкание.

Такие попытки имеют положительное значение, потому что их авторы стараются глубже вникнуть в существо подчинительных связей слов, разграничить связь слов в словосочетании и в предложении, выяснить специфику зависимости падежной формы от господствующего слова, наличие обусловленности ее лексико-грамматическими особенностями этого слова и отсутствие такой обусловленности и т.д.

Сложность проблемы управления усугубляется несомненным влиянием семантики слов (а также семантической группировки их) на способность управлять той или другой зависимой формой, точнее, сочетаться с последней. Это влияние отмечали многие русские ученые (А.Х. Востоков, Ф.И. Буслаев, А.М. Пешковский). Ценным и плодотворным является положение о делении слов по способности их сочетаться с другими, по

способности «управлять» ими на слова «абсолютивные» и «относительные» [150, 93].

В этой связи В.В. Виноградова отмечает, что «точнее было бы говорить не об абсолютивных и относительных словах, а об абсолютивных и относительных значениях слов. О несомненном влиянии семантических факторов на характер управления, на обусловленность и степень зависимости той или другой формы от значения «управляющего», или, лучше, распространяемого слова свидетельствует глубокий анализ семантической структуры слова в статье акад. В.В. Виноградова «Основные типы лексических значений слова» [26, 162-189].

Несомненная обусловленность в целом ряде случаев сочетаемости данного слова с той или другой формой посредством семантики этого слова, а вместе с тем крайнее разнообразие синтаксических явлений, объединяемых понятием управления, привели акад. Л.В. Щербу к выводу о большой роли семантических факторов в управлении. «Следует предостеречь, — писал он, — от общераспространенного предрассудка, будто управление слов определяется грамматикой: на самом деле оно чаще всего оказывается принадлежностью каждого слова, а поэтому является фактом словаря» [149, 93]. Если это положение можно принять в отношении отдельных слов или отдельных их значений (например, конструктивно-обусловленные значения), то, в целом, оно представляется односторонним. «Оно противоречит наличию в русском языке строго определенных грамматических типов словосочетаний, образуемых на основе слабоуправляемых связей различными словами, принадлежащими к различным частям речи. С другой стороны, этому положению противоречит, и наличие определенных семантических групп внутри той или другой части речи, которые характеризуются строго определенным способом связи их с распространяющими словами» [150, 93].

Управление в «Курсе русского литературного языка» акад. Л. Л.Булаховского определяется как «такая связь между членами пары, когда

определенный косвенный падеж употребляется потому именно, что его для выражения определенного смысла требует то или другое слово в определенной форме (или формах); ср.: *подписать договор, подписал договор* (вин. пад.), *подписание договора* (род. пад.), *благодарить бригаду* (вин. пад.), но *благодарность бригаде* (дат. пад.), *благодарный бригаде* (дат. пад.) и под. Л.Л. Булаховский отмечает, что «важно также различать более и менее тесное управление», так как «степеней зависимости может быть очень много: начиная от сочетаний, в которых управляемая форма слова выступает как дополняющая определенное слово или немногие слова, образуя с ними цельные предложения: *побить (поставить) рекорды, чреватый последствиями* и кончая такими свободными сочетаниями, как: *мы с вами, чайник без носика, смотреть при тусклом свете лампы, сидеть всю ночь* и под.» [17, 266-267].

Академик В.В. Виноградов определяет управление как «такой вид синтаксической связи, когда употребление определенной формы косвенного падежа существительного, предметно-личного местоимения, субстантивированного прилагательного (без предлога и с предлогом) обусловлено грамматическим или лексико-грамматическим значением другого, господствующего слова. Это слово для раскрытия и распространения своего смысла как бы требует определенной, зависимой от него формы косвенного падежа имени или местоимения с личным или предметным значением, например: *решить задачу, войти в лес, лишиться надежды, считаться со временем, отправление поезда* (ср.: *отправить поезд*), *интересы дела, интерес к науке* и т. п.». Подвергнув анализу целый ряд случаев, подводимых под понятие *слабое управление*, В.В. Виноградов приходит к обоснованному выводу о том, что «синтаксическое содержание этого термина крайне расплывчато и неопределенно», а поэтому «непосредственно определить и разграничить виды словосочетаний, в которые входят слабоуправляемые формы слов, крайне затруднительно» [22, 22- 26].

Таким образом, разработка общей теории управления в русском языкознании не привела к установлению точных критериев, позволяющих четко определить и разграничить все многообразие синтаксических связей слов, подводимых под понятие управления. Совершенно очевидно, что и понятие слабого управления, в силу разнообразия подводимых под него синтаксических явлений, не обеспечивает четкого разграничения последних. Многие исследователи настойчиво подчеркивают многообразие синтаксических связей, объединяемых в понятие управления, и выдвигают немало ценных положений, выводов и наблюдений в области сочетаемости слов по этому типу.

Дифференциация внутри управляемых синтаксических конструкций по степени обязательности наличия управляемого слова, по степени обусловленности его формы, словом управляющим органически связана с опытами более широкой классификации словосочетаний по признаку обязательности или факультативности зависимых слов и конструкций вообще, а не только управляемых.

Для установления общих ведущих закономерностей моделирования словосочетаний особенно важен анализ слабоуправляемых, или свободно присоединяемых, сочетаний такого типа, как: *сказал без раздражения, лицо без улыбки, строгий без придирчивости* и т. д.

Несмотря на неопределенность во многих случаях границ между ними и другими управляемыми группами слов, а также примыкающими наречиями и наречными выражениями, можно установить ряд характерных для них черт [100, 161- 162].

Связь таких предложно-падежных форм с определяемым ими стержневым словом не только не обязательна, но и максимально ослаблена. Та или другая форма косвенного падежа зависит в таких случаях не столько от определяемого ею глагола, существительного, прилагательного или наречия, сколько от самих предлогов. Распространяющая предложно-

падежная форма в такого рода сочетаниях как бы свободно присоединяется к определяемому слову, напоминая примыкающий зависимый компонент.

С этим связана известная синтаксическая самостоятельность таких слабоуправляемых предложно-падежных форм. При благоприятных условиях эти формы могут лексикализироваться, переходя в другие части речи, в частности в наречия и слова категории состояния.

Факты, когда управляет слово, общеизвестны: *облететь Землю, долететь до Венеры, приблизиться к Луне*. Примеры на управление словосочетанием: *предъявлять требование сотрудникам, возбуждать смех учащихся, наносить удар противнику, оказавший воздействие на животного и т.п.* Вторая субстантивная форма не связана непосредственно с глаголом, она подчинена устойчивому словосочетанию.

Но управляемая форма может относиться не только к устойчивому, но и к свободному словосочетанию: *сказать спасибо за подарок, отдать в солдаты за провинность, идти в бой за убеждения*. А.К. Федоров приводит примеры, где управляемое имя относится ко всему предложению в целом: 1) *На людях не так уж трудно быть смелым и стойким* (Ф. Вигдорова); 2) *У памяти— долгая и цепкая жизнь* (М. Алексеев); 3) *Слабым огонь правды иногда опасен, они чувствуют только ожоги и боль* (Ф. Вигдорова).

Все, кто рассматривает управление как связь, свойственную словосочетанию, возражают против включения последних примеров в управление. Н. Н. Прокопович видит здесь свободное присоединение [100, 162]. Н. Ю. Шведова, рассматривая эти слова как детерминанты, считает их примыкающими к структурной основе предложения [148, 77-93].

Однако существует и другая точка зрения. Так, например, Е. С. Скобликова отмечает: существительные, соотносящиеся и со словом и с предложением в целом, продолжают грамматически обобщенно передавать одно и то же соотношение с предметом. Ср.: *расположились в лесу, ромашки в лесу, редкие в лесу и в лесу [ромашки были мельче и реже]*. Ведь форма в лесу в разных позициях не имеет тех различий в силе связи, на которых

иногда строят разграничение управления и так называемого падежного примыкания или свободного присоединения [118, 89]. Степень зависимости, обусловленности падежной формы в лесу во всех приведенных выше случаях ее употребления одна и та же. Почему же, когда она относится не к слову, а ко всему предложению, нужно видеть другой вид связи?

Вопрос о разграничении сильного и слабого управления, слабого управления и примыкания является спорным, так как нет четких критериев разграничения этих способов связи, что обусловлено явлениями переходности, особенно многочисленными и сложными в зоне тех наречий, которые формируются на базе падежных и предложно-падежных форм существительных, отмечает В.В.Бабайцева [6, 46].

Не всегда помогает разграничить сильное и слабое управление и семантика. Объектные отношения наблюдаются как при сильном, так и при слабом управлении. В.В. Бабайцева приводит следующие примеры: *читать книгу*- сильное управление, *гулять с товарищем* – слабое управление». Можно лишь говорить о том, что семантическое разграничение характеризует лишь наиболее типичные случаи?

В «Русской грамматике-80» многие случаи, трактуемые в практике школьного и вузовского преподавания как управление, квалифицируются как примыкание (например, *домик в лесу*), так как категориальными свойствами существительного *домик* не предопределено наличие при нем имени в форме косвенного падежа [107].

Трудно точно установить характер связи в следующих словосочетаниях: *передать на словах, меняться на глазах, осуществить на деле и под.*, так как существительное с предлогом по своему значению близко к наречию, хотя и не стало им. В таких словосочетаниях способ связи определяется то как слабое управление, то как примыкание [6, 46].

Е.С.Скобликова определяет управление как «такой способ выражения грамматической связи слов, при котором слово с предметным значением ставится в определенной падежной или предложно-падежной форме в

соответствии с характером передаваемых смысловых отношений. Избираемая форма призвана передавать, как обозначаемый предмет соотносится с теми предметами и явлениями, которые выражаются главным словом словосочетания или содержанием всего предложения (в случае оформления детерминантов). Ср.: *кран умывальника* — *кран от умывальника* — *кран для умывальника*; *достал ножницы* — *достал ножницами* — *достал из-под ножниц*; *прошел огородами* — *прошел мимо огородов*; *В городе обстановка не изменилась.* — *За городом обстановка не изменилась* и т.д. [118, 59].

В.В. Бабайцева дает следующее определение: «Управление – это такой способ подчинительной связи, при котором зависимое слово ставится при главном слове в определенном падеже: *написать письмо* (В.п.), *написать матери* (Д.п.), *резать ножом* (Т.п.), *сидеть на кресле* (П.п) и т.д.» [6, 45].

Каждая из форм закрепляется за выражением определенного типа смысловых отношений — в соответствии с одним из своих грамматических значений (в отдельных случаях уже стершихся). Так, в словосочетании «*кран умывальника*» родительный падеж зависимого существительного указывает на «принадлежность» умывальнику - на то, что кран является частью умывальника (ср.: *ножка стола*, *ветви дерева*, *листки календаря* и т.д.). В словосочетании *кран от умывальника* устанавливаются отношения отделенной части; в словосочетании с формой *для умывальника* — назначение предмета и т.д.» [118, 59].

На выбор формы управляемого слова в совокупности может влиять достаточно сложный комплекс факторов: смысловых, грамматических, лексико-фразеологических, стилистических.

В соответствии с функциями управления основным и постоянно действующим фактором в этом комплексе является фактор смысловой. Форма управляемого слова всегда должна соответствовать тому типу соотношения между компонентами ситуации, который нужно выразить с ее помощью (см. выше примеры типа *достал ножницы*— *достал ножницами*).

Влияют ли на выбор управляемой формы еще и другие факторы—это в большой мере зависит от того, для выражения какого общего типа смысловых отношений она служит.

Максимальное количество воздействующих условий наблюдается при передаче объектных отношений. Помимо характера выражаемых отношений, выбор управляемой формы в объектных словосочетаниях нередко зависит от свойств главного компонента: а) от его грамматических особенностей; б) от конкретного лексического выражения.

Грамматическое воздействие главного слова чаще всего связано с принадлежностью его к определенной части речи. Например, при глаголе прямой объект в русском языке обозначается винительным падежом, при отглагольном существительном — родительным без предлога, иногда — предложно-падежными формами: *перевозить грузы — перевозка грузов; отменить решение — отмена решения; выращивать деревья—выращивание деревьев; презирать опасность — презрение к опасности* и т.д.

Лексико-фразеологическое воздействие проявляется в том, что выбор разных управляемых форм (при выражении одного и того же типа смысловых отношений) зависит от того, какое именно слово употребляется в роли главного. Например, для обозначения адресата передачи информации при одних глаголах употребляется дательный, при других — винительный падеж:

сообщил	} командиру	известил	} командира
передал		уведомил	
доложил		информировал	
рапортовал			

При выражении обстоятельственных отношений влияния главного слова на выбор предложно-падежной формы в большинстве случаев не наблюдается. Зато нередко выбор этот зависит от конкретного лексического выражения самого подчиненного компонента. Ср., например: *жили в деревне — жили на хуторе; приехал с Украины — приехал из Белоруссии; вернулся на*

рассвете — *вернулся в сумерках (в сумерки)*; *вспыхнул с досады (от досады)*
— *вспыхнул от негодования* и т. д.

Иногда при одинаковых условиях допускается употребление двух или более управляемых форм: *говорили о школе (про школу, насчет школы)*; *обедал и в кухне (на кухне)*; *побледнел от злости (со злости)* и т. д.

При выборе одной из подобных форм нередко учитываются их стилистические свойства, например, разговорный характер предложно-падежных форм типа *про школу, насчет школы, со злости*.

Рассмотрение факторов, обуславливающих выбор той или другой управляемой формы, важно как с практической, так и с теоретической точки зрения.

В традиционном определении управления, идущем от грамматик первых десятилетий XIX в., сосредоточивается внимание на том, что при управлении главное слово в силу своего лексического или грамматического значения требует от подчиненного определенного падежа с предлогом или без предлога. Определение это предполагает, что выбор управляемой формы непосредственно обусловлен особенностями главного слова. Если бы это было справедливо, то самая зависимость субстантива от того или другого главного слова с непреложностью подсказывала бы его употребление в той, а не в другой форме (как это обычно бывает при согласовании). Между тем, при одном и том же главном слове (и при одном и том же его значении) подчиненные слова могут стоять в разных формах; ср.: *рассказал матери* — *рассказал о матери*; *подарок сестре* — *подарок сестры (от сестры)*; *восхищение брата* — *восхищение братом* и под. Поэтому очевидно, что основным и постоянным условием, определяющим выбор управляемой формы, является потребность выразить тот или иной тип смысловых отношений [118, 59-61].

Во многих случаях между значением главного слова и теми смысловыми отношениями, которые передаются с помощью управляемой формы, наблюдается органическая связь. Особенно тесной эта связь

оказывается тогда, когда выражаемый тип соотношения с предметом обязательно предполагается лексическим или грамматическим значением главного слова, «подсказывается» этим значением [32, 30]. Такова, например, закономерная связь между глаголами речи и управляемыми формами, обозначающими собеседника (*сказал, ответил, рассказал, доказывал, объяснял ему; спросил- его, у него; разговаривал- с ним*), а также тему речи (*сказал, рассказал, упомянул, спросил о матери, про школу* и т.д.). Так же закономерно выразители темы подчиняются глаголам мысли (*думал, размышлял, вспоминал о школе*). Глаголы созидания устойчиво употребляются с формами, обозначающими создаваемый объект (*строить мост, сшить платье, разработать проект, написать рассказ*). Заранее предполагая указанные отношения, глагол в силу этого сам участвует в их выражении, причем, даже тогда, когда употребляется без соответствующей управляемой формы. Например, в предложениях *Думал он долго; Я шью* или *А мать еще надеялась* объект (о чем думал, что шью, на что надеялась) остается невыраженным, но он обязательно предполагается и в общих чертах часто оказывается ясным из ситуации или контекста.

Если главное слово допускает выражение определенных отношений, но прямо на них не указывает, употребление соответствующих зависимых форм является менее регулярным, а связь с этими формами менее тесной и для самого главного слова не необходимой. Например, глаголы *разговаривать, заниматься, шить* или *думать* позволяют выразить соотношение действия с пространственным ориентиром (*разговаривали в комнате, за стеной, около института*), но сами по себе они не требуют его выражения, в отличие, например, от глаголов *находиться, оставаться, ехать, везти*, которые обязательно предусматривают выражение пространственных отношений (где? куда?).

В.А. Белошапкова отмечает; «управление представляет собой связь, направленную от слова (главный компонент) к форме слова (зависимый компонент), вследствие чего форма управляющего слова не влияет на форму

зависимого, ср.: *делать добро, делает добро, делающий добро...*; *надеяться на успех, надеется на успех, надеющийся на успех...*; *планета людей, планеты людей, планете людей...*; *чуждый зависти, чуждого зависти, чуждые зависти...* Исключение составляют только два случая, где связью управления связаны форма слова с формой слова (падежом существительного)» [11, 42].

Сочетания, образуемые сравнительной степенью прилагательного или наречия и превосходной степенью прилагательного: *сильнее смерти, выше гор; сильнейший из борцов, высочайшая из вершин*. Однако и в этих сочетаниях изменение формы управляющего слова влечет за собой не изменение формы управляемого слова, а утрату ее позиции, т. е. словосочетание распадается: ср. невозможность употребления родительного беспредложного (как при форме компаратива) и сочетания «из + родительный» (как при форме превосходной степени) при положительной степени прилагательных или наречий, например, при прилагательных/наречиях *сильный/сильно, высокий/высоко*, приведенных выше в компаративе или превосходной степени (*сильный/сильно смерти, высокий/высоко из гор*).

Следовательно, данные формы слов управляют падежными формами существительного совершенно так же, как это свойственно словам; они имеют специфические сочетательные свойства, т. е. синтаксически ведут себя как слова.

В. А. Белошапкина относит к управлению и сочетания, образуемые личной формой спрягаемого глагола и именительным падежом существительного, формой инфинитива и дательным падежом существительного, составляющие конструктивную основу предложения: *Будет дождь; Он не уедет — Быть дождю; Ему не уехать. Быть урожаю* (Шолохов. Поднятая целина, 287)... - *Быть в дороге какой - нибудь беде, не иначе* (Шолохов. Поднятая целина, 458). *Быть грозе. Мне завтра рано вставать* (Проскурин. Судьба, с. 79). **Мне скоро на дежурство идти**

(Горький. Мещане, с. 34). *Мне без этих сапог погибать* (Булгаков. Дни Турбиных, с. 90). *Само собой разумеется, вам не победить окружающий вас тёмной массы...* (Чехов. Три сестры, с.315). *Мне тут не перелезть... я – толстый* (Горький. Варвары, с. 417). *Мне, брат, всю жизнь при жеребцах не крутиться* (Шолохов. Поднятая целина, с. 273).

Сочетание безличного глагола с формой дательного падежа (Мне не спится; Ему взгрустнулось) с одинаковой убедительностью можно рассматривать и как сочетание формы слова (спрягаемая форма глагола) с формой слова (дательный падеж существительного) и как сочетание слова (безличный глагол как лексема) с формой слова (дательный падеж существительного). Различие между сочетаниями «форма слова + форма слова» и «слово + форма слова» оказывается здесь снятым, так как безличные глаголы имеют, по существу, лишь спрягаемые формы; из числа неспрягаемых у них возможен только инфинитив, сочетательные возможности которого ограничены соединениями с фазовыми и модальными глаголами, которые в этом случае имеют форму безличных (ср.: *светает— начало светать; знобит — может знобить*), так что употребление дательного падежа при таком сочетании не может являться доказательством того, что он зависит от безличного глагола как слова: *Ему по-прежнему нездоровилось, тянуло в постель* (Чехов. Архиерей, 195). *Только не пришлось мне и года повоевать* (Шолохов, Судьба человека, 630). *Трудно мне с ним было на первых порах* (Шолохов. Судьба человека, 647). *Мишке стало страшно* (Шолохов. Нахаленок, 602).

Таким образом, главный компонент при управлении может быть словом или формой слова, зависимый же — всегда форма слова и при этом форма совершенно определенного класса форм (падежная форма существительного).

Разграничение фактов управления с точки зрения наличия или отсутствия необходимой связи между значением главного слова и употреблением при нем определенных типов управляемых форм впервые

было дано А. М. Пешковским, который ввел понятие сильного и слабого управления: при сильном управлении наблюдается наличие такой связи, при слабом — ее отсутствие. Проводя это разграничение, А.М. Пешковский подчеркивает: «...в области сильного управления можно различать разные степени силы, т. е. разные степени... необходимости связи между падежом (или предложением с падежом) и глаголом...» [86, 287].

Объективно явления, связанные со степенью силы управления, относятся не столько к чисто грамматической сфере, сколько к сфере семантической. Сила управления, то есть степень «предсказуемости» управляемой формы, степень ее необходимой связи с главным словом, в разных случаях очень индивидуальна и проявления ее многообразны. Зависит она от того, насколько конкретно значение глагола предсказывает возможные типы соотношения с предметом. Например, по степени силы управления различны словосочетания типа *вложил в книгу* и *положил в книгу*. Глагол *вложил* благодаря приставке *в* предполагает строго определенное направление перемещения и потому допускает при себе только форму, выражающую именно это направление. Глагол *положил* не конкретизирует соотношение с пространственным ориентиром и потому в принципе может сочетаться с разными предложно-падежными формами, передающими общее значение «куда». Несмотря на эту разницу, на грамматический выбор формы сила управления сама по себе не влияет. Общий принцип употребления формы *в книгу* в обоих случаях одинаков: она избирается из числа форм типа *на книгу, под книгу, за книгу* потому, что перемещение во внутренние границы предмета обозначается в русском языке формой типа *в* + вин. пад. .

Поэтому, когда, игнорируя семантическую сущность «силы» управления, многие лингвисты предпринимают сейчас попытки интерпретировать ее как явление чисто грамматическое и в связи с этим вывести слабое управление (как понимал его А. М. Пешковский) за пределы управления и отнести его к примыканию, это ведет к неоправданному

разобщению фактов, имеющих одну и ту же грамматическую основу (а вместе с тем — и к нарушению единого классификационного принципа в разграничении согласования, управления и примыкания) [118, 63-64].

Причины эти кроются, в самом языке, в том, что слишком сложны и неоднородны отношения зависимости существительных в формах косвенных падежей. Когда эти отношения ясны и бесспорны, говорят о сильном управлении. В других случаях, когда они действительно близки к примыканию, следует говорить о слабом управлении.

Понятие сильного и слабого управления, как указывалось впервые в науку ввел А.М. Пешковский. Под «сильным» управлением мы понимаем такую зависимость существительного или предлога с существительным от глагола, при которой между данным падежом или данным предлогом с данным падежом, с одной стороны, и словарной или грамматической стороной глагола, с другой стороны, есть необходимая связь *Если вижу* управляет вин. падежом и не может сочетаться с предлогом на (вижу что, но не **на** что), а *смотрю*, наоборот, управляет преимущественно предлогом на (смотрю на что) и гораздо реже беспредложным винительным (смотрю картины в смысле «осматриваю»), то это не случайно: *смотрю* обозначает процесс зрительного восприятия, а *вижу* – результат этого процесса.

При сильном управлении, по Пешковскому, между зависимым и господствующим словом существует необходимая связь, т. е. такая, когда подчиняющее слово действительно требует постановки подчиненного в определенном падеже: ем хлеб; повреждаю ногу; присматриваюсь к нему. Если же эта необходимая связь отсутствует, то мы имеем слабое управление: *спорю с товарищем; ссорюсь с братом, мирюсь с сестрой, стою с подружкой* [86, 285—286].

После работы А.М. Пешковского много написано о различии между сильным и слабым управлением. Многие лингвисты, прежде всего, подчеркивают, что при сильном управлении наличие зависимого слова обязательно, без него предложение становится неполным. Так, например,

глаголы *оборудовать, переписать, попрекать, руководить, удостоить, участвовать* и т.п. не могут употребляться без зависимого слова, поэтому подчиненные им слова без предлога или с предлогом являются сильно управляемыми. Например, предложения *Спортсмен добился победы* без управляемого существительного не закончено ни по смыслу, ни грамматически: *Спортсмен добился ...*

При слабом управлении зависимое слово факультативно. *Он спит на диване, спит в комнате, спит до полудня, спит после работы.* Все подчиненные предложно-падежные формы можно опустить, и предложение сохранит свою структурную полноту: *Он спит.*

Второе существенное отличие сильного управления от слабого состоит в том, что управляющим словом предопределено наличие при нем строго определенной управляемой формы: *увидеть планету, строить мост, защита Отечества, возражение оратору, командование полком;* реже двух падежных форм: *дарить книгу ученику, накрыть больного одеялом, угрожать миру войной, превратить рошу в парк, принять друга за врага.* Если в первом случае — одиночное сильное управление, то во втором случае — двойное сильное управление.

При слабом управлении подчиненная форма не предопределена как единственно возможная: *копать за домом, в лесу, для забавы; споткнуться о порог, из-за рассеянности, у крыльца, перед домом.*

При слабом управлении усиливается роль предлога в определении той или иной падежной формы. Иногда из этого делают вывод, что управляет собственно не знаменательное подчиняющее слово, а предлог. Однако с этим нельзя согласиться. Предлог не обладает самостоятельной силой управления, так как он служит для уточнения и дополнения падежа.

Подчиняющее слово при слабом управлении, не предопределяя единственно возможной и необходимой падежной формы (одной или двух), тем не менее, ограничивает круг зависимых форм падежей существительных. Если бы предлог управлял самостоятельно, независимо от подчиняющего

слова, тогда можно было бы сказать: не только сидеть за столом, у стола, но и «*сидеть к столу, при столе, из-за стола*». Однако если сесть к столу можно, то «сидеть к столу» нельзя. Можно сказать *остановился на площади, в саду, у реки*, но нельзя: «*остановился через площадь, к саду, сверх реки*». На это могут возразить, что дело здесь не в связях слов, а в несочетаемости реалий, обозначаемых словами. Это, конечно, верно: в основе управления лежит чаще всего именно сочетаемость смыслов, значений.

Положение о зависимости управления от семантики правильно. Однако нельзя переоценивать роли семантического фактора в формировании этой связи. Даже если взять самое сильное управление — зависимость прямого объекта от переходного глагола, то на первый план в этом случае все-таки надо поставить грамматический фактор — переходность глагола. Конечно, и переходность связана с лексическим значением, но переходные глаголы настолько пестрая в семантическом отношении группа, что вряд ли можно говорить о прямой связи этой категории с определенным, пусть даже и типовым лексическим значением. Сочетаемость глагола с винительным прямым объектом без предлога — вот тот синтаксический критерий, который дает основание выделить бесспорные случаи сильного управления, так как во всех этих случаях форма винительного падежа является структурно необходимой.

Кроме того, сильное управление может быть обусловлено словообразовательной структурой слова. Часто те или другие приставки в глаголах вызывают необходимость употребления после этих глаголов определенных падежных форм посредством одноименных предлогов или других предлогов, но строго обусловленных данными приставками, напр.: *вслушиваться в требования, добежать до финиша, отплыть от берега, стереть со стола, съехать с квартиры, наскочить на засаду, зацепиться за проволоку; выйти из комнаты, приблизиться к дому, удалиться от берега, приступить к работе, подползти к окопу, взвалить на плечи, переступить через порог.*

Следовательно, нельзя все случаи управления объяснять семантикой подчиняющего слова. Исходя из этого, лингвисты не без основания выделяют два вида управления: 1) лексико-грамматическое, когда косвенная падежная форма зависит от лексико-грамматического значения управляющего слова: *рассказать студентам, находиться в квартире* и т. п.; 2) грамматическое, когда косвенно-падежная форма управляемого зависит от грамматического значения управляющего. Сюда относится зависимость формы творительного падежа от залогового значения глагола или от употребления ее как именной части сказуемого, формы дательного падежа от инфинитивного или безличного предложения, формы родительного падежа от сравнительной степени, формы винительного падежа от переходного глагола [136, 17].

Таким образом, управление можно рассматривать с трех сторон: 1) к чему относится управляемая форма: к слову, словосочетанию или предложению; 2) чем обусловлена та или иная падежная или предложно-падежная форма: лексико-грамматическим значением подчиняющего слова, его словообразовательной структурой или грамматическим значением этого слова; 3) является ли форма косвенного падежа необходимой и строго обусловленной (сильно управляемой) или она одна из возможных факультативных падежных форм (слабо управляемая).

Если смотреть на проблему связи слов в словосочетании и предложении шире, то понятие сильного и слабого управления необходимо для обоснования классификации членов предложения; для решения ряда вопросов теории словосочетания; для описания значений слов на основе дифференциальных синтаксических признаков: сильно управляемые конструкции обладают большей диагностической силой при определении значений слов, а слабо управляемые — меньшей и т. д.

Такой взгляд на управление имеется и в ряде современных работ. В частности, оно утверждается и обосновывается Е.С.Скобликовой, В.А.

Белошапковой, В.В. Бабайцевой, О.Б. Сиротининой [6; 11; 100; 116; 118 и др.].

Таким образом, в русском языкознании есть два подхода к пониманию управления. Сторонники одного подхода опираются на буквальный смысл термина: «Управлением слов называется требуемое каким-либо словом употребление известного падежа в другом слове, от него зависящем». Сторонники другого подхода исходят из более широкого толкования термина «управление»: управляемой считается любая зависимая падежная форма существительного или его эквивалента. Естественно, при таком понимании управления четкое значение получает и термин «примыкание»: это связь с господствующим словом зависимого неизменяемого слова или неизменяемой формы слова, т.е. наречия, деепричастия, инфинитива и формы сравнительной степени прилагательного.

Но и при таком как будто ясном подходе к разграничению управления и примыкания все равно остаются сомнительные случаи, связанные с тем, что в языке все время идет процесс перехода имен существительных в наречия. В самом деле, наречия или существительные с предлогами выделены в следующих словосочетаниях: *стрелять в упор, сидеть в обнимку, идти на цыпочках, ослабеть под старость, отмерить на глазок, вскочить на ходу, хороший на вкус, необходим до зарезу?* Раздельное написание предлогов составители правил орфографии утвердили на том основании, что переход этих предложно-падежных форм в наречия, по их мнению, еще не закончился. Однако при обсуждении вопросов правописания часто говорят, что такие сочетания — бесспорные наречия и писать их нужно слитно. Поэтому действительно нельзя категорически утверждать, какая связь — управление или примыкание — в приведенных словосочетаниях.

Вслед за многими учеными нами принимается точка зрения тех, которые считают, что управление — это такая связь, при которой падежная форма зависимого имени существительного либо другого слова с субстантивным

значением в большей или меньшей степени обусловлена лексико-грамматическим значением главного слова:

Это доктор снял шляпу перед дьяволом, отцом вечной матери (Чехов. Чайка, с. 234). *Я нарушил монополию* (Чехов. Чайка, с. 235). *Я страдаю от ревности* (Чехов. Чайка, с. 243). *Вчера вы обещали показать мне свои работы...*(Чехов. Дядя Ваня, с. 290).

Средствами оформления управления являются окончание зависимого слова и предлог: *Эти стихи вызвали у Кипренского слезы* (Паустовский. Орест Кипренский, с.105). *Я пошел в степь* (Паустовский. Тарас Шевченко, с. 131). *Свеча дрожала на столе* (Паустовский. Орест Кипренский, с. 100).

В русском языке выделяют управление:

а) непосредственное, если форма зависимого слова не имеет предлога (выполнить план, выполнение плана): *Голубой воздух наполнял комнату* (Паустовский. Орест Кипренский, с.114). *Я помогал отцу* (Паустовский. Орест Кипренский, с. 118). *Капитан ел апельсины* (Паустовский. Орест Кипренский, с. 100). *Эти сады славились Каналами* (Паустовский. Орест Кипренский, с. 103);

б) предложное, если управление формой косвенного падежа осуществляется с помощью предлога (вспомнить о детстве, тоска по родине, встреча с друзьями и т.п.): *Проснулся от мучительной боли* (А.П.Чехов. Дядя Ваня, с.277). *Кипренский спустился на улицу* (Паустовский. Орест Кипренский, с. 124). *Научная часть экспедиции Подкопаева работала в заливе три года* (Паустовский, с.75).

По характеру главного слова управление может быть:

приглагольным (глагольным): *Старик нахмурил брови* (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени, с.472). *Ветер по временам приносил мне их разговор* (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени, с.479). *Корчагин первый раз самостоятельно гуляет по саду* (Н. Островский. Как закалялась сталь, с.181). *Поздно стала возвращаться в свою комнату Рита* (Н. Островский. Как закалялась сталь, с.197);

приименным: *Это острое чувство стыда не может сравниться ни с какою болью* (А.П.Чехов. Дядя Ваня, с.300). *Внимание человека улавливает*

значимое и не улавливает обычное (Лихачев, с. 249). Спустя несколько дней после сего знаменитого совета, узнали мы, что Пугачев, верный своему обещанию, приблизился к Оренбургу (Пушкин, Капитанская дочка, с.291);

наречными: *Он живёт далеко от города.*

Общепринято выделять сильное и слабое управление.

При сильном управлении падежная форма зависимого слова предсказывается лексическими и грамматическими свойствами главного слова. Чаще главное слово требует от зависимого строго определенной падежной формы: *Три дня после работы мазали, белили, мыли* (Н. Островский. Как закалялась сталь, с.199). *Прощаясь, мы попросили у знаменитого драматурга карточку с надписью на память* (Куприн. Интервью, с.333). *Мы застали маститого драматурга в самый разгар его творчества* (Куприн. Интервью, с.333). *Он со снисходительной улыбкой похвалил Вадима Тавричанина* (Куприн. Интервью, с.333). *Нужно было пройти новые триста шагов* (Куприн. Храбрые беглецы, с.347). *Футуристы, однако, занимают внимание модного драматурга.*

Реже сильноуправляемыми бывают две падежные формы: *Я изложил Васильеву теорию Прокофьева* (кому? что?) (К.Паустовский, с.70). *Мальчик показал художнику измятый набросок статуи Сатурна* (К.Паустовский, Тарас Шевченко, с. 130); *Сашенко дал мальчику свой адрес...* (К.Паустовский, Тарас Шевченко, с.130).

При слабом управлении главное слово не предсказывает форму зависимого: гулять около реки, гулять у реки; идти к лесу, от леса, через лес, мимо леса и д.р.): *Я сидел у княгини битый час* (М.Ю.Лермонтов. Герой нашего времени, с.522). *Каждый день вижу Веру у колодца и на гулянье* (М.Ю.Лермонтов. Герой нашего времени, с. 523). *Он служил в городской думе писарем...* (Куприн. Храбрые беглецы, с. 346).

Таким образом, управление располагает чисто грамматическими средствами дифференциации реальных отношений. Управление — это специфическое средство грамматически дифференцированного выражения предметных отношений, дабы целесообразно понимать связь слов. Под управлением нами понимается синтаксическая зависимость любой формы

косвенного падежа существительного или слова с субстантивным значением от отдельного слова, словосочетания или предложения в целом.

Управляемая форма может относиться не только к устойчивому, но и к свободному словосочетанию: сказать спасибо за подарок, отдать в солдаты за провинность, идти в бой за убеждения.

Если смотреть на проблему связи слов в словосочетании и предложении шире, то понятие сильного и слабого управления необходимо для обоснования классификации членов предложения; для решения ряда вопросов теории словосочетания; для описания значений слов на основе дифференциальных синтаксических признаков: сильно управляемые конструкции обладают большей диагностической силой при определении значений слов, а слабоуправляемые — меньшей и т. д.

Управляемой в синтаксисе следует считать любую форму существительного в косвенном падеже с предлогом или без предлога, независимо от степени обусловленности ее господствующим словом. Такая точка зрения подходит не только потому, что она освящена традицией, но и потому, что попытки выделить так называемое падежное примыкание нельзя признать убедительными. Примыкающими следует рассматривать только неизменяемые слова и формы: наречия, деепричастия, инфинитив и форму сравнительной степени прилагательного и наречия.

3.1.2. Вопрос об управлении в современном таджикском языке

В современном таджикском литературном языке наблюдается противоречивое мнение относительно природы управления как одного из типов подчинительной связи в словосочетаниях и предложениях.

В одних источниках управление рассматривают как тип подчинительной связи слов в современном таджикском литературном языке [42, 19; 43, 9-10], в других он отсутствует [37, 21].

Так, в учебниках по современному таджикскому языку для факультетов таджикской филологии вслед за русскими учеными наряду с теми способами связи слов в предложении, которые характерны для таджикского языка

(изафет, послеложная, артикльная, предложно-послеложная связи, порядок слов в предложении и др.), перечислены и кратко охарактеризованы следующие виды подчинительной связи: согласование, управление и примыкание [42, 19; 43, 9-10]. Однако в последнем источнике отсутствует такой вид подчинительной связи, как предложная связь, так как сочетания, связанные предложной связью отнесены к управлению. В «Грамматике современного таджикского литературного языка» управление как вид подчинительной связи отсутствует, что является, на наш взгляд, вполне закономерным. Правда, никаких разъяснений относительно отсутствия или наличия управления как одного из типов подчинительной связи в таджикском языке мы не находим, и потому считаем нужным высказать своё мнение относительно управления как одного из способов связи слов в предложении и словосочетании.

Словосочетание *шир барин сафед* – белый как молоко [42, 10], *қанд барин ширин* – сладкий как сахар в учебнике по современному таджикскому языку квалифицируется как управление, а в грамматике современного таджикского литературного языка [36, 23] как послеложная связь. Думается, что вторая точка зрения наиболее убедительна. Управлением называются и такие сочетания как: *аз асал ширин* – слаще меда, *аз қафо чорум* – четвёртый с конца (букв. с конца четвёртый), *баъзе аз рафиқон* – некоторые из друзей, *бо рафиқ гуфтугӯ кардан* – беседовать с другом, *мактубро хондан* – читать (это) письмо, *ба саёҳат рафтани* – собираюсь, хочу (намереваюсь) поехать в путешествие, *аз ҳама пештар* – раньше всех. Однако никаких комментариев относительно того, почему такой способ связи называется управлением и что понимается под управлением в таджикском языке, мы не находим. Указывается лишь, что «эта связь выражается при помощи предлогов и послелогов. Управление широко используется и в словосочетаниях, и в предложениях. При помощи этой связи обстоятельство и дополнение подчиняются определяемому» [43, 9-10]. Вероятно, такой взгляд объясняется тем, что эта связь передается на русский язык способом управления, поскольку никаких других комментариев в

учебнике нет, можно только лишь догадываться об этом. Таким же образом к этому типу можно отнести и некоторые типы изафетных сочетаний, так как они также передаются на русский язык способом управления: *китоби хониш* - книга для чтения, *хондани китоб* - чтение книг. Однако такой крайний вывод не делается. Изафетные сочетания остаются изафетными, а эти сочетания относятся к управлению. Следует отметить, что в этом учебнике отсутствует такой способ связи слов в словосочетаниях, как предложная связь. Видимо, это также связано с тем, что все предложные словосочетания относятся к управлению. Не кажутся убедительными и доводы, которые приводятся относительно управления как одного из типов подчинительной связи в таджикском языке и в другом учебнике по современному таджикскому языку [43, 7], в котором отмечается, что при управлении подчиняющее – сказуемое требует, чтобы дополнение или обстоятельство подчинялось ему (т.е. сказуемому). Управлением называется и словосочетание *хатро хондам* [43, 7]. В учебнике приводятся даже аргументы в пользу отнесения подобных сочетаний к управлению. Отмечается, что в предложении *Хатро хондам – (Я) прочитал письмо*, слово *хондам – читал* (прочитал) является главным (стержневым) словом и требует от зависимого слова, чтобы оно приобрело послелог **-ро** и становилось прямым дополнением. Такой аргумент не может быть правильным уже потому, что в таджикском языке прямое дополнение может быть и без послелога. Возможно употребление прямого дополнения и без послелога в этом же предложении: *Хат хондам. – Я читал письмо*. В первом случае (Хатро хондам) послелог придает слову значение определенности, а во втором – неопределенности. Неубедительными кажутся и отнесения словосочетания *аз Неъмат пурсидам - Спросил у Немата и дар мактаб мехонад* – учится в школе к управлению. Они также передаются на таджикский язык способом предложного управления, как и предыдущее словосочетание. Аргументы относительно того, что в предложениях *Ман аз Неъмат пурсидам. – Я спросил у Немата. и Вай дар мактаб мехонад. – Он учится в школе* подчиняющее слово **пурсидам** требует от подчиняемого слова **Неъмат**, чтобы оно становилось косвенным дополнением и

подчиняющее слово мехонад от подчиняемого дар мактаб требует, чтобы оно употреблялось в роли обстоятельства места также неубедительны. Насколько известно, предлоги выражают те или иные подчинительные отношения между словами в словосочетаниях и предложениях. Предлоги выражают не только объектные и обстоятельственные, но и атрибутивные отношения. При чём тут косвенное дополнение и обстоятельство места, не понятно. В то же время, в этом же учебнике словосочетания *мулоқот бо Айни*- беседа с Айни, *баёнои дар бораи сулҳ* – заявление о мире, *вохӯри дар курорт* – встреча на курорте и др. относятся к предложной связи. Попробуем аргументировать свое несогласие с неправомерностью отнесения (квалификации их как управление) данных конструкций к управлению. Во-первых, сам термин управление переведен на таджикский язык, на наш взгляд, не совсем точно, во-вторых, управление - *алокаи вобастагӣ* – зависимая связь (связь зависимости). Тут никаких сомнений не может быть. В подчинительном типе связи всегда одно слово является главным, другое – зависимым. Эти же сочетания в зависимости от средств связи в грамматике современного таджикского литературного языка отнесены к разным типам: *мактубро хондан* - к артикльному, а остальные к предложному типу связи. Вызывает некоторые сомнения и квалификация сочетания *ба саёҳат рафтани* как словосочетание, так как причастие будущего времени включает в себя значение намерения, желания, т.е. хочу, собираюсь, намереваюсь поехать в путешествие, и оно является полупредикативным сочетанием и вполне может квалифицироваться как неполное предложение. «Управлением называется такой вид подчинительной связи, при которой главенствующий компонент словосочетания требует постановки зависимого компонента в определенной грамматической форме» [58, 537]. В русском языке управление обнаруживается, главным образом, в присоединении к главенствующему слову предложной и беспредложной словоформы существительного (местоимения) в определенном косвенном падеже. В таджикском языке части речи не имеют, как уже было сказано выше, словоизменительных форм. Поэтому отнесение данных конструкций к управлению не имеет под собой

научную основу. Так, словосочетания *аз асал ширин, аз Неъмат пурсидам, как и бо Неъмат рафтам – поехал с Нематом, ба назди Негъмат рафтам – я ходил к Немату, дар бораи Неъмат гуфтанд* - говорили о Немате, зависимое слово Немат, как это видно из примеров, в отличие от русского языка, остается неизменным, следовательно, о каком-либо управлении здесь говорить не приходится. В русском языке управление основано на формально выраженной связи зависимого члена словосочетания от господствующего, семантика которого требует от зависимого той или иной падежной формы. Они вполне вписываются в модель предложной связи в таджикском языке, и потому такая связь в грамматике современного таджикского литературного языка отнесена к предложной связи слов в словосочетаниях, что, на наш взгляд, является неправильным.

Нет единства взглядов в таджикском языке относительно таких сочетаний, как *китобро хондам, муаллимро дидам*. В учебниках по современному таджикскому языку такие сочетания слов квалифицируются как управление [42, 19; 43, 10], в грамматике таджикского литературного языка сочетания с **-ро** квалифицируются то как послеложная связь, то рассматриваются как артикль, при этом подчеркивается двойственная природа **-ро** в таджикском языке и указывается на ряд позиций, когда **-ро** является средством связи слов в предложении [36, 24].

Как уже было сказано выше, в грамматике современного таджикского литературного языка послелог **-ро** также считается одним из средств связи слов в словосочетании и в предложении, однако подчеркивается его полифункциональность, т.е. в одних случаях он является средством связи, в других – показателем определенности, т.е. выполняет функцию определенного артикля.

Однако анализ приведенных примеров еще раз дает основание считать **-ро** не средством связи слов в словосочетании, а показателем определенности, т.е. отнести его к определенному артиклю.

Попробуем проанализировать приведенные примеры:

Гулруро аз ҳафтсолагӣ ба мактаб доданд. - *Гулру отдали в школу с семи лет.* - в данном случае послелог-ро может восприниматься только как

определенный артикль, так как именно *Гулру отдали в школу с семи лет* (конкретно, определенно, Гулру, а не Таню или Машу).

Имрӯз мақсади ман адреси хонаи Қори-ишкамбаро ёфтан буд. – *Сегодня моя задача (цель) заключалась (состояла) в том, чтобы найти дом Кори-Ишкамба.* Все предложение, а точнее, значение всего предложения, т.е слов, составляющих данное предложение говорит о конкретной цели, а именно найти дом Кори-Ишкамба, другой определенной цели или задачи у меня нет, одна единственная – найти...

Еще убедительнее подчеркивает принадлежность – **ро** к определенному артиклю предложение, где перед словом с –**ро** употреблено указательное местоимение **ин**, это: *Маҷлис ин масъаларо ҳам хал кард.* – *Собрание решило и эту проблему.*

Каждое последующее предложение убедительно подчеркивает и дает основание считать, что –**ро** – это не послелог, а определенный артикль.

Офтобро бо доман пӯшида намешавад. – *Солнце подолом не закроешь* (Посл.). Конкретность, определенность, истинность, действительность – характерная особенность пословиц и поговорок. Определеннее не скажешь!

В отличие от авторов учебников по современному таджикскому языку словосочетания *китобро хондан* – читать книгу, *мактубро навиштан* – ро квалифицируется как артикль в грамматике современного таджикского литературного языка [36, 24].

Интересным, на наш взгляд, является и рассуждение авторов учебника «Забони тоҷикӣ» [4, 143]. «Русский винительный падеж, выражаемый соответствующим окончанием склонения, по-таджикски передаётся при помощи послелога –**ро** и приводятся следующие примеры:

Ман Шарифро дидам. - *Я видел Шарифа* (конкретно, определенно увидел).

Талаба китобро хонд.- *Ученик прочитал книгу* (определенно прочитал).

Завод планашро иҷро кард. – *Завод выполнил план* (определенно выполнил).

И далее: «следует помнить, однако, что послелог – **ро** может и не употребляться при передаче русского винительного падежа в таджикском языке. На этот счет определенного правила не существует, а приблизительно можно сказать, что послелог – **ро** употребляется тогда, когда речь идет об *определённом предмете*. Так например, русскую фразу Я получил письмо по-таджикски можно передать двояко: 1) Ман хатро гирифтам и 2) Ман хат гирифтам. Первая форма означает, что получено определённое письмо, т.е. такое, о котором раньше говорилось или предполагалось, что будет получено такое письмо. Вторая фраза говорит не об определённом письме, а о письме вообще. И далее: опускание послелога –**ро** при прямом дополнении имеет место также тогда, когда речь идёт о неопределённом количестве чего-либо:

Поезжай в кишлак и привези дров. - Ба қишлоқ раv ва ҳезум биёр

Поезжай в кишлак и привези дрова. – Ба қишлоқ раv ва ҳезумро биёр.

Достаточно ясно указывают на значение определённости и другие примеры, которые приводятся в этом учебнике:

Ман китоб, дафтар ва газетаро овардам. – Я принес книгу, тетрадь и газету.

В самом предложении наглядно подчеркивается семантика определённости, т.е. *Я принес и книгу, и тетрадь, и газету*.

Интересно заметить, отмечают далее авторы учебника «Забони тоҷикӣ», что в современном таджикском языке сохранились следы когда-то, по-видимому, распространённого способа выражения дательного падежа при помощи послелога – **ро** и приводятся в качестве примера не очень продуктивные по своей структуре в таджикском языке предложения: Муаллим**ро** чӣ даркор? (вместо: ба муаллим чӣ даркор?) – Что необходимо учителю? Или же предложение Муаллим**ро** лозим аст, ки пешрафти талабагонро ҳар рӯз ба ҳисоб гирад. – Учителю необходимо ежедневно учитывать успеваемость учащихся. Действительно, эти предложения в структурном плане являются не очень продуктивными и нетипичными для современного таджикского языка. Однако эквиваленты дательного падежа с –**ро** являются продуктивными в современном таджикском языке: *Маро (ӯро,*

Зеби́ро, мода́рро) хоб набурда истодааст. – Мне (ему, Зеби, матери) не спится. И здесь подчеркивается то, что конкретно, определенно мне не спится или же ему не спится, а все остальные, другие спят.

В языке классической литературы послелог **-ро** выражал форму, соответствующую русскому родительному падежу с предлогом у:

Шохро як духтар буд. – У шаха (только одна) была дочь. (и в данном предложении подчеркивается значение определенности не только при помощи **-ро**, но и всей структурой предложения, особенно словом **як**. Здесь невозможно не использовать слово **як**, которое вместе с **-ро** указывает на определенность, что у шаха была одна дочь, а не несколько). Действительно, в языках аналитического строя конверсия частей речи является одной из характерных признаков. Иногда трудно определить, к какой части речи или же лексико-грамматическому разряду слов относится то или иное слово. Только в контексте можно определить значение слова и принадлежности его к определенному разряду слов. Но в этом случае и все примеры наглядно указывают на то, что **-ро** не послелог, а определенный артикль, как и **-е** неопределенный, подобно английскому **the** и **a** (**the book** и **a book**).

И то обстоятельство, когда есть неопределенный артикль, то должен быть и определенный артикль: шахсе - какой-то человек, касе – кто-то, кадоме - какой-то, чизе - что-то, муддатте - какое-то мгновение, фармоне - какой-то приказ: *Курбоши чизе нагуфт* (Ф.Мухаммадиев, Зайнаббибӣ, с.98).- *Курбаши ничего не сказал* (Ф. Мухаммадиев. Зайнаббибӣ, с. 284); *Муддатте ҳарифон якдигарро муоина мекарданд* (Ф. Мухаммадиев. Зайнаббибӣ, с. 96).- *Противники некоторое мгновение разглядывали друг друга; Чӣ хаёлҳое ба сари одам роҳ намеёбанд!* (Ф. Мухаммадиев. Зайнаббибӣ, с. 89).- *Какие только мысли не приходят в голову человеку!* (Ф.Мухаммадиев. Зайнаббибӣ, с.276).

Действительно, в современном таджикском литературном языке функция оформления прямого дополнения для определенного артикля **-ро** стала ведущей. Однако определенным артиклем оформляется не всякий

прямой объект, а только такой, который представляет предмет известный, определенный.

Таким образом, определенный артикль – **ро** употребляется не после всякого прямого дополнения, а лишь после того, которое обозначает предметы и явления определенные, конкретные, известные:

Модарам Зебиро дӯст медошт (С.Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с. 192). – *Мать любила Зеби; Ман онҳоро намешиносам* (С.Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с. 192).- *Я их не знаю; Сайдалиро дар авул ҳама эҳтиром мекарданд* (С. Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с.193).- *Сайдали в ауле все уважали.* Действительно, он появляется, т.е. употребляется, только тогда, когда указывается на определенность. Такие сочетания, как *Сайдали эҳтиром мекарданд, онҳо намешиносам, Зебӣ дӯст медошт* – не существуют, а если возможно, то приобретают совершенно иной смысл: *Зебӣ дӯст медошт. – Зебӣ любила.*

Артикль –**ро** всегда энклитичен и при наличии одного или нескольких определений при одном определяемом имени ставится после последнего из них: *Вай духтарчаи якунимсолаи эшонро рӯзи дароз бардошта мегаишт* (С. Улуғзода, Субҳи ҷавонии мо, с.328). - *Он нянчил полугодовалую дочку ишана и целыми днями носил её на руках* (С. Улуғзаде. Утро нашей жизни, с.283).

Шабе аз шабҳои баҳори дуҷуми чанг Фотима ном ҷавонзан аз хонаи раис садои доираву думбак ва қах-қаҳаи меҳмони шикамсерро шунида меояд (Ф.Муҳаммадиев, Роҳ, с.223); *Овози Нодирҷон риштаи хаёлотии падарашро қатъ намуд* (Ф.Муҳаммадиев, Рӯзи дафни усто Оқил, с.221).- *Голос Нодирджона оборвал нить рассуждений (и воспоминаний) отца* (с.275).

Весь предыдущий анализ дает основание говорить об отсутствии управления как одного из типов подчинительной связи в современном таджикском литературном языке, а - ро квалифицировать как определенный артикль.

3.1.3. Типологические соответствия русскому управлению

в таджикском языке

Русскому управлению в таджикском языке соответствуют:

а) изафетная связь: книга сестры - китоби хоҳарам, руки Балагина – дастони Балагин, чувство стыда - эҳсоси нанг, берег реки - соҳили дарё, жилища зверей и птиц - лонаи ҳайвоноту паррандагон, сын попа - писари кашиш;

б) примыкание: три часа – се соат, **пятнадцать рублей - понздаҳ сӯм**, старше сестры - аз хоҳарам калон (тар), старше Белокурова – аз Белокуров калон;

в) согласование: **миллиарды деревьев - миллиардҳо дарахтон**, **миллиарды людей - миллиардҳо одамон**.

Эти особенности нашли отражение в ниже следующей таблице.

Таблица 3

Соответствия типа управления русского языка типам связи слов в словосочетаниях таджикского языка

№ п/п	Русский язык	Таджикский язык	Типы связи в русском языке и их соответствия в таджикском языке
1.	<i>...Миллиарды людей живут хуже животных – только ради куска хлеба, испытывая постоянный страх ... (Чехов. Дом с мезонином, с. 95).</i>	<i>... Миллиардҳо одамон бадтар аз ҳайвонҳо зиндагӣ мекунанд, эҳсосӣ ваҳшати доимӣ намуда фақат ба хотири қути лоямуте умр мегузаронанд (Чехов. Манзили болохонадор, с. 295).</i>	управление-согласование;

2.	<i>Весь наш уезд находится в руках Балагина...</i> (Чехов. Дом с мезонином, с. 92).	<i>Тамоми уезд дар хукми (дасти) Балагин аст...</i> (Чехов. Манзили болохонадор, с. 291).	управление - изафетный тип
3.	<i>... Она торопливо припомнила два-три моих пейзажа ...</i> (Чехов. Дом с мезонином, с. 91).	<i>Вай шитобзада ду-се тоблӯи манзаравии маро ... ба ёд овард</i> (Чехов. Манзили болохонадор, с. 290).	управление-примыкание
4.	<i>Я ехал по берегу Байкала ...</i> (Чехов. Дом с мезонином, с. 93).	<i>Ман аз соҳили Байкал сафар мекардам...</i> (Чехов. Манзили болохонадор, с. 293).	управление-изафетный тип
5.	<i>Это острое чувство стыда не может сравниться ни с какою болью</i> (Чехов. Дядя Ваня, с.300).	<i>Ин эҳсоси пурсузи нангу номусро бо ягон дард баробар кардан мумкин нест</i> (Чехов. Ваня-Тағо, с.207).	управление-изафетный тип
6.	<i>Русские леса трещат под топором, гибнут миллиарды деревьев, опустошаются жилища зверей и птиц, мелеют и сохнут реки...</i> (Чехов. Дядя Ваня, с. 275).	<i>Бешаи рус аз зарби табар менолад, миллиардҳо дарахтон нобуд мешаванд, лонаи хайвоноту паррандагон тихи мегарданд, рудҳо камоб шуда мехушканд...</i> (Чехов. Ваня-Тағо, с.175).	управление-согласование
7.	<i>В комнате жены... он нашел телеграмму</i> (Чехов. Супруга, с.5).	<i>Дар болои мизи утоқи занаи телеграммаеро пайдо намуд</i> (Чехов.Завча, с.281).	управление – изафетный тип
8.	<i>Дорогой невольню я опять завел разговор о Бэле и о Печорине</i> (Лермонтов. Герой нашего времени, с.465).	<i>Дар роҳ беихтиёрона ман боз аз Бэла ва Печорин гап кушодам</i> (Лермонтов. Қахрамони даврони мо, с. 48).	управление - примыкание

9.	<i>Она была старше его (Белокурова) лет на десять...</i> (Чехов. Дом с мезонином, с.93).	<i>Вай аз Белокуров тақрибан даҳ сол калон...</i> (Чехов. Манзили болохонадор, с. 290).	управление - предложная связь
10.	<i>Все мы... работаем только три часа в день ...</i> (Чехов. Дом с мезонином, с.93).	<i>Мо... ҳамагӣ се соат кор мекунем ...</i> (Чехов. Манзили болохонадор, с. 290).	управление - примыкание
11.	<i>Меня провожал студент Азарбеков и потерял мою сумку, а в сумке пятнадцать рублей</i> (Чехов. Супруга, с.8).	<i>Маро ҳоло студент Озорбеков гусел намуда, сумкаамро гумм кард, дар сумкаам понздаҳ сӯм пул буд</i> (Чехов. Завча, с.284).	управление - примыкание

3.2.1. Изафетная связь как средство синтаксической связи в словосочетании и предложении в таджикском языке

Синтаксис словосочетаний таджикского языка наряду с общими для всех языков (в том числе с русским языком) чертами характеризуется также присущими только ему структурными, семантическими и функциональными особенностями [36; 42; 43].

В современном таджикском литературном языке наиболее многозначным по роли и характеру типом связи определения с определяемым является группа изафетных словосочетаний [36; 42; 43; 64; 73; 75; 77; 78; 130].

Среди атрибутивных словосочетаний в таджикском языке особый научный интерес вызывает так называемая «изафетная конструкция», или определительная группа, имён существительных, которая представляет собой не всякое сочетание имён, а сочетание имён существительных, логически и грамматически тесно связанных между собой [130]. В соответствии с высказыванием академика В.В.Виноградова о том, что правила образования словосочетаний, прежде всего, зависимы от морфологических свойств

различных частей речи, классифицируются словосочетания согласно отнесенности их основного компонента к той или иной части речи.

Морфологические, семантические и синтаксические свойства существительного предоставили возможность этой части речи выступить в качестве основного компонента изафетных словосочетаний и подчинить себе другие части речи при образовании словосочетаний.

Для формирования изафетной конструкции в таджикском языке необходимо, чтобы два и более смежных слова не только образовали сочетание, но и обязательно выражали единое понятие, чтобы между собой сочетались также слова, находящиеся в подчинительных отношениях по типу «определение + определяемое» [130, 16].

В современном таджикском литературном языке наиболее многозначным по роли и характеру типом связи определения с определяемым является группа изафетных атрибутивных словосочетаний [130].

Грамматическим способом этой связи является изафет. Изафет –и в отдельности ничего не означает. Связь между определением и определяемым осуществляется в этих словосочетаниях при помощи безударного – и, которым соединяется определяемое с определением или приложением. Изафетный признак в простом словосочетании всегда присоединяется к первой части, которая является главным (стержневым) словом, то есть в изафетном типе определяемое обязательно должно предшествовать определению или приложению. Поэтому для современного таджикского языка, в котором нет ни категории грамматического рода, ни флективно выраженных падежей, существенным является отсутствие формальных морфологических признаков у определения. В таджикском языке изафет является основным средством выражения определительной связи, причем, изафетная конструкция заменила собой оба характерных для древнеиранской языковой эпохи вида определительной связи: согласование и управление [130, 86].

В процессе дальнейшего развития языка изафетная конструкция совершенствовалась и расширяла границы своего употребления, включая постепенно и другие отношения и значение.

В изафетных словосочетаниях определения могут выражаться прилагательными, существительными, порядковыми числительными, местоимениями и причастиями, а приложение выражается только именами существительными или личными местоимениями, например:

бинои баланд – высокое здание, бисти пур – полные двадцать, гули сурх – красный цветок, роҳи рост – прямая дорога, бачаи босавод – грамотный мальчик, дандони тилло – золотые зубы, боди серон – лёгкий ветерок, бӯйи галла – аромат пшеницы, зани раис – жена председателя, мардуми қишлоқ – жители кишлака, пагоҳи дигар – следующее утро, зани ҷавон – молодая женщина, хондани китоб – чтение книги, китоби хониш – книга для чтения, рӯзи якум – первый день, солҳои бистум – двадцатые годы, соати чор – в четыре часа, либосҳои дӯхташуда, модари худ – своя мать, дарёи Вахш-река Вахш, Карими ошпаз – повар Карим...

Таджиев Д.Т. в своем труде «Способы связи определения с определяемым в современном таджикском литературном языке» в зависимости от характера определений выделил две основные группы изафетных определительных словосочетаний [130, 15].

В первую группу входят определения, обозначающие качество, признак или свойства предмета. Они выражаются именами прилагательными, существительными, причастиями, порядковыми числительными [130, 16]. В русском языке такие значения выражаются посредством связи согласования и примыкания. Например: *китоби хуб* (хорошая книга), *соати тиллоӣ* (золотые часы), *хонаи сангин* (каменный дом), *хонаи чӯбин* (деревянный дом), *духтари зебо* (красивая девушка), *роҳи оҳан* (железная дорога), *хоҷагии қишлоқ* (сельское хозяйство), *қисми таълимӣ* (учебная часть), *қисми хоҷагӣ* (хозяйственная часть), *одами саводнок* (образованный человек), *саломии оташин* (горячий привет), *китоби Рустам* (книга Рустама).

Такие определения в таджикском языке стоят всегда в единственном числе. Только определяемое в таких словосочетаниях может иметь форму двух чисел: единственного или множественного. Например: *қалами сурх* (красный карандаш) и *қаламҳои сурх* (красные карандаши), *духтари зебо* (красивая девушка) и *духтарҳои зебо* (красивые девушки).

Вторую группу составляют определения – имена существительные и личные местоимения, выражающие принадлежность и субъектно - объектное или обстоятельственно – атрибутивное отношение. В отличие от других изафетных определений, имена существительные в данном своем синтаксическом употреблении, во – первых, могут изменяться по числу (*кори колхозчӣ - работа колхозника, кори колхозчиён - работа колхозников*), а, во-вторых, если прибавить к этим словосочетаниям другое определение, то последнее будет относиться не ко всей синтаксической группе, а только к определению, выраженному именем существительным или личными местоимениями, например: *кори колхозчиёни пешқадам* (работа передовых колхозников).

Таким образом, в современном таджикском определительном словосочетании все же находят свое отражение различия, существовавшие ранее между отдельными типами определений.

Что касается выражения синтаксических отношений, то предлоги и послелого, при помощи которых выражаются эти отношения, ставятся перед или после всего определительного словосочетания и относятся ко всей синтаксической группе в целом. Например: *Воқеаҳои шаби гузашта дар хаёли духтарак беихтиёр аз нав зинда шуданд* (Ф. Мухаммадиев. Роҳ, с.127): словосочетание таджикского языка *шаби гузашта* образовано изафетной связью. - *События прошедшей ночи невольно воскресли у нее в памяти* (Ф. Мухаммадиев. Дорога, с.251). Аналогичный перевод этого словосочетания в русском языке: *прошедшая ночь* – образовано путём согласования. *Чарогҳои Дангара намудор шуданд* (Ф. Мухаммадиев. Роҳ, с.120): в таджикском языке *чарогҳои Дангара* – изафетная связь - *Вдали*

показались **огни Дангары** (Фазлиддин Мухаммадиев. Дорога, с. 245). Русский аналогичный перевод **огни Дангары** передается управлением. *Он дуриҳои аз тобиши офтоб дурахшонгашта касро ба сӯи худ даъват мекарданд* (С. Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с. 352) - *Сверкающая солнечная даль звала* (С. Улуғ-зода. Утро нашей жизни, с. 311). *Бародарам Фирӯз аз ноҳияи Шурободи вилояти Хатлон баргашт.* - *Брат Фируз вернулся из Шуробадского района Хатлонской области. Модарам Донишгоҳи давлатии тиббии Тоҷикистонро хатм кардааст* - *Моя мать окончила Таджикский государственный медицинский университет. Инак мо ба рӯи ҷавлии фароҳи мактаб дохил шудем* (С. Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с. 251). *Вот мы ввалили в обширный двор школы* (С. Улуғ-зода. Утро нашей жизни, с. 223). *Раиси колхоз дар бораи плани ба давлат пахтасупорӣ маърӯза кард.* - *Председатель колхоза сделал доклад о выполнении плана сдачи хлопка государству.*

Таким образом, изафетный тип имеет две группы определений: первую составляют качественно-относительные (причастно – атрибутивные), а вторую – притяжательные субъектно – объектные и обстоятельствоно-атрибутивные определения и приложения, выражаемые только именами существительными, личными и возвратными местоимениями.

В таджикском литературном языке изафетный тип связи имеет очень обширный круг. Изафетный показатель пишется в середине двух или нескольких слов.

По структуре изафетный тип образует две группы словосочетаний: простые (двучленные) и сложные (многочленные).

В простых изафетных словосочетаниях имеет место распространение одного слова другим (определением с различными смысловыми значениями и оттенками), например: *хонаи баланд* (высокий дом), *китоби донишҷӯ* (книга студента), *рафиқи ман* (мой друг), *рафтори ҷавонмардона* (мужественный поступок), *ҳаракати коргарон* (движение рабочих), *соати се* (три часа), *ҳафтуми ноябр* (седьмое ноября) и др. Такие словосочетания

состоят из двух знаменательных слов, из которых первое является главным, стержневым, второе зависимым, определяющим.

Сложная группа изафетного типа словосочетаний представляет собою распространение слова целым словосочетанием, причем, формы и связи составляющих их слов не всегда зависят от главного слова. Например, в словосочетании *муваффақияти нависандаи чавон* (успех молодого писателя) определение *чавон* (молодого) ни по смыслу, ни по форме не связано с главным словом всей группы – существительным *муваффақият* (успех). В словосочетании можно выделить две пары: *муваффақияти нависанда ва нависандаи чавон*, но их связывает более расчлененное представление, выражаемое всем словосочетанием.

Существуют также трехчленные, или многочленные, словосочетания, в которых зависимые слова все подчинены главному слову, т. е. определяют его с разных сторон, распространяют в разных направлениях, например: *Донишгоҳи давлатии Кӯлоб* (*Кулябский государственный университет*), *мактаби таҳсилоти миёнаи умумии №1* (*средняя общеобразовательная школа №1*), *ноҳияи Дангараи вилояти Хатлон* - (*Дангаринский район Хатлонской области*). *Моҳи феврале соли 1921 буд* (С.Айнӣ. Ятим, с. 311). - *Месяц февраль 1921 года* (С. Айнӣ. Ятим, с. 5). *Дар яке аз қишлоқҳои лаби даръёи Аму Эшонкул ном як бой буд* (С.Айнӣ. Ятим, с. 112) - *В одном из кишлаков на берегу Амударъё жил бай по имени Ишанкул* (С.Айнӣ. Ятим, с. 6). *Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон – Таджикский государственный педагогический университет. Сафар ин саҳифаҳои ҳаёти худро дар фикраи як – як варақ мезад* (Ф. Ниёзӣ. Вафо, с. 23). – *Сафар перелистывал в мыслях каждую страницу своей жизни; Автомобил тасмаи тирафони роҳи мумфариро ҳамчунон бо суръат ба зери чархҳои мекашид* (Ф. Мухаммадиев. Роҳ, с. 179). – *Автомобиль стремительно заворачивал под себя темную ленту асфальта* (с. 241).

Имена существительные и прилагательные, соединенные изафетом (определительные сочетания), представляют собой в предложении одно

неделимое целое – синтагму, объединенную единством выдоха и отделенную от других слов паузой.

Внутри изафетного сочетания паузу делать нельзя: это может привести к неправильному пониманию. Определительное изафетное сочетание фактически получает в предложении такое же синтаксическое оформление, как отдельное слово, поскольку все служебные элементы (предлоги, послелог –ро, а также местоименные энклитики и показатель единичности –е) выносятся за его пределы и относятся к нему в целом как единице неделимой: *Баъд аз кофтукови бисёре дасташиро аз киса холи бароварда ва гуфт... - после длительных поисков он вынул из кармана пустую руку и сказал... Дафтари дигарашро ба ман дод. – Вторую свою тетрадь он дал мне. Дар пеши сарои сандуқ дар пеши дуқони як сандуқ фуруш нишаст. – Он сел возле склада сундуков, около лавки торговца сундуками (5, 566). Дари хона нимроог буд (Р. Амонов. Пӯшаймонӣ, с. 124). – Дверь комнаты была приоткрыта. Мудири секторашон Файзулоевро ба хотир овард (Р.А. Пӯшаймонӣ, с. 127). – Председатель (их) сектора вспомнил Файзуллаева. Чарогҳои сурху сафеди онон аз дур ниҳоят хурд ва камнур метофтанд (Ф. Муҳаммадиев. Роҳ, с. 180). – Издали их белые и красные огоньки казались крохотными и будто неподвижными (с. 241). Боди серон ба димог бӯйи галаи расида ва замини офтобхӯрдари меовард (Ф. Муҳаммадиев. Роҳ, с. 180). – Прохладный ветерок приносил с собой ароматы спелой пшеницы и прогретой солнечными лучами земли (с. 244). Овози Нодирҷон риштаи хаёлотӣ падарашро қатъ намуд (Ф. Муҳаммадиев. Рӯза дафни усто Оқил, с. 221). – Голос Нодирджона оборвал нить рассуждений (и воспоминаний) отца (с. 275). Шабе аз шабҳо баъори дуҷуми ҷанг Фотима ном ҷавонзан аз хонаи раис садои доираву думбак ва қаҳ – қаҳаи меҳмони шикамсеро шунида меояд (Ф. Муҳаммадиев. Роҳ, с. 223). – В одну из ночей второй военной зимы молодая колхозница по имени Фотима пришла в дом раиса, услышав доносящиеся оттуда звуки дойры и громкий смех сытых и (беззаботных) гостей (с. 276). Зани раис Фотимаро шунида косаро гирифта ба мадонаи медарояд (Ф. Муҳаммадиев. Рӯзи дафни усто Оқил, с. 223). – Жена председателя, выслушав просьбу Фатимы, взяла у нее косу и пошла в амбар*

(с. 276). *Пагоҳи дигар, ҳанӯз офтоб сар назада, мардуми қишлоқ дар тақи дари раис чамъ мешаванд* (Ф. Мухаммадиев. Рӯзи дафни усто Оқил, с. 224). – *На другое утро, еще солнце не показалось из – за гор, жители кишлака собрались у дома председателя* (с. 277). *Ба рӯи онҳо шуълаи гарми офтоби баъди пешин расид* (А.Фадеев. Гвардияи ҷавон, с. 94). - *В лицо им ударило жаркое послеполуденное солнце* (А.Фадеев. Молодая гвардия, с. 84).

Таким образом, атрибутивные изафетные словосочетания встречаются больше по сравнению с другими группами словосочетаний. Одна из них, самая простая, представляет собой определительные сочетания из двух существительных (без всяких морфологических показателей связи при определениях), на первом месте употребляется определяемое, на втором - определение, например: *интересная книга – китоби шавқовар, интересный рассказ – ҳикояи шавқовар, интересное произведение – асари шавқовар, интересные произведения – асарҳои шавқовар; хонаи сангин - каменный дом, хонаи чӯбин - деревянный дом, духтари зебо - красивая девушка.*

Кроме существительных в роли главного (стержневого) слова могут выступать и другие части речи: субстантивированные прилагательные, местоимения, числительные, инфинитив и причастие: *муборизи сулҳ* (борец за мир), *навиштани мактуб* (написание письма), *мани хушбахт* (счастливая я).

Ряд словосочетаний изафетного типа в таджикском языке выражает отношение принадлежности. Второй компонент этих словосочетаний обозначает предмет или элемент предмета, являющийся принадлежностью предмета, обозначенного первым компонентом (определяемым словом). Имеется в виду принадлежность к конкретному предмету и субъекту или предмету обобщенному. Например: *гули лола, китоби хониш* (книга чтения) *шаҳри Кӯлоб*(город Куляб), *дарёи Вахш*(река Вахш), *кӯҳи Помир, лонаи парранда* (птичье гнездо), *пӯсти гӯсфанд* (овечья кожа), *барги дарахт* (лист дерева).

В русском языке такие конструкции называются словосочетаниями, выражающими отношения части целого, зависимые слова называют весь

предмет, части которого названы главным словом (порог дома, ручки двери, ножки стола, кисти рук).

Значение определения указывает отношение предмета к именам; определяющие слова в этих словосочетаниях указывают общее название предметов, а определяемые слова перечисляют места, предприятия, организации, например: *қишлоқи тиллоӣ* (золотой кишлак), *растай Чармгарон* (улица Чармгарон), *маҷаллаи «Бонувони Тоҷикистон»* (журнал «Бонувони Тоҷикистон»), *рӯзномаи «Садои мардум»* (газета «Садои мардум»), *рӯзномаи «Минбари халқ»* (газета «Минбари халқ»), *дарёи Нева* (река Нева), *шаҳри Душанбе* (город Душанбе). *Аз деҳоти дуру наздик, аз авулҳои Киргизистони ҳамсоя ва аз Тус ниёдаву савораи ёле меомаданд* (С.Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с. 10). - *Сюда стекались и торговцы, и покупатели из окрестных кишлаков, из ближайших аулов Киргизстана, из Туса* (С.Улуг-зода. Утро нашей жизни, с. 8). *Дар миёнҷои маҳалаи мо устохонаи Додобой – амаки дуредгар воқеъ шуда буд* (С.Улуғзода. Субҳи ҷавонии мо, с. 11). - *Посредине квартала находилась мастерская плотника Додобоя* (С.Улуг-зода. Утро нашей жизни, с. 10). *Шурест, ки дар посёлкаи Первомайский хеста буд* (А.Фадеев. Гвардияи ҷавон, с. 41). - *В посёлке Первомайском все ходуном ходило* (А.Фадеев. Молодая гвардия, с. 37).

Встречаются словосочетания, изафетного типа, которые объясняют отношения к профессии, например: *духтури дандон, муаллими математика.*

Муаллими физика дар хусуси бетартиби ва магал ба директор шикоят намуд. - *Учитель физики жаловался директору на беспорядки и шум.*

В значении определения употребляется собственное имя, а господствующим компонентом выступают названия различных родственных связей в словах - обращениях. Например: *холаи Зарина, бародари Шариф, апай Мунира, бобои Рустам, амаки Мӯҳаммад* (тётя Зарина, брат Шариф, сестра Мунира, дедушка Рустам, дядя Мухаммад).

Ғайр аз Серёжка наздиктарин дӯсти ман духтари Ершов – Паша буд. - *Другим моим близким товарищем была Паша – дочь Ёршова. Шавҳари Мария Андреевна бо лабони рангпарида хомӯи меистод* (А.Фадеев.

Гвардияи чавон. с. 186). - *Муж Марии Андреевны стоял с бледными губами и молчал* (А.Фадеев. Молодая гвардия. с.160).

В этом плане широкое распространение получила изафетная конструкция, компонентами которой выступают собственные имена и прозвища: *Носири Хисрав, Рамизи Парвиз, Парвинаи Азиз* (Парвина Азиза, то есть Парвина – жена Азиза), *Аниси Сино* (Анис-сын, Сино-отец).

Изафетный тип словосочетаний с существительным-определением выражает **возрастные отношения**: *писари калонии Ҳалим* (старший сын Халима), *хоҳари хурдии Амина* (младшая сестра Амины), *бибии ман Нигина* (моя бабушка Нигина), *бобои ман Ислам* (мой дедушка Ислам).

В изафетном типе зависимый компонент-определение обозначает цвет, форму, объем, меру, консистенцию, степень, размер предмета определяемого слова, например: *чашмони кабуд* (голубые глаза), *дарёи калон* (большая река), *мӯйҳои сиёҳ* (черные волосы), *қопчаи орд* (мешок муки), *дарзаи ҳезум* (куча дров), *дарзаи алаф* (куча сена).

Таким образом, изафетный тип словосочетаний в таджикском языке выражает не только качественное отношение: *хонаи хиштин* (кирпичный дом), *дарвозаи оҳанин* (железные ворота), *қошуқи чӯбин* (деревянная ложка), *кучаи васеъ* (широкая улица), *ҷуздонии чармин* (кожаная сумка), *осмони кабуд* (синее небо), *муаллими хуб* (хороший учитель), но и отношение по принадлежности: *кулоҳи надар* (отцовская шляпа), *рӯймоли модар* (мамин платок), *хонаи хирс* (медвежья берлога), *шири гов* (коровье молоко), *думи рӯбоҳ* (лисий хвост).

3.2.2. Типологические соответствия таджикскому изафетному типу связи в русском языке

Одна таджикская изафетная конструкция может передаваться в русском языке неодинаковыми грамматическими средствами и типами связи.

Таджикский изафетный тип в словосочетаниях русского языка могут же передаваться не только типом согласования, но и управления: **хонаи васе...** (изафетная связь) - просторная комната (согласование), **қабули одамон** (изафетная связь) - прием посетителей (управление), **устохонаи дуредгар**

(изафетная связь) - мастерская плотника (управление), пирамарди лоғараки сиёхчурда (изафетная связь) - щуплый, загорелый старичок (согласование), шанбеи гузашта (изафетная связь) - прошлая суббота (согласование), суруди қадима (изафетная связь) - старинная песня (согласование), фикрҳои ташвишомез (изафетная связь) - гнетущие мысли (согласование), боди серун (изафетная связь) - прохладный ветерок (согласование), ғаллаи расида (изафетная связь) - спелая пшеница (согласование), фикрҳои аҳмақона (изафетная связь) - дурацкие мысли (согласование), чароғҳои Данғара (изафетная связь) - огни Дангары (управление), барғҳои дарахтон (изафетная связь) - листья деревьев (управление).

Наиболее точное представление даёт нижеследующая таблица.

Таблица 4

Соотношение изафетного типа связи таджикского языка и типов его выражения в русском языке

№ п/п	Таджикский язык	Русский язык	Тип изафетной связи слов в словосочетании таджикского языка и тип связи в русском языке
1	<i>Хонаи васеи шӯъбаи таминости иҷтимоӣ аз одам нур буд</i> (Ф. Мухаммадиев. Арзамас, с. 99).	<i>Просторная комната райсобеса переполнена</i> (Ф. Мухаммадиев. Арзамас, с. 305).	изафетный тип связи – тип согласования
2	<i>Қабули одамон хело суст давом мекард</i> (Ф. Мухаммадиев. Арзамас, с.99).	<i>Приём посетителей шел медленно</i> (Ф.Мухаммадиев. Арзамас, с. 305).	изафетный тип связи – тип управления
3	<i>Дар миёнҳои маҳалаи мо устохонаи Додобой-амаки дуредгар воқеъ шуда буд</i> (С.Улуғзода. Субҳи чавонии мо, с. 11).	<i>Посредине квартала находилась мастерская плотника Додобоя</i> (С.Улуг-зода. Утро нашей жизни, с. 10).	изафетный тип связи – тип управления

4	<i>Пирамарди логараки сиёҳчурдае, ки дар паҳлуи у менишаст, дар ин вақт оҳ кашида, хам шуду банди пойҳояширо молидан гирифт</i> (Ф.Мухаммадиев. Арзамас, с.102).	<i>Рядом тяжело вздохнул шуплый, загорелый старичок и принялся массировать ногу ниже колена</i> (Ф. Мухаммадиев. Арзамас, с.305).	изафетный тип связи - тип согласования
5	<i>Шанбеи гузашта дар зиёфате менишаст</i> (Ф. Мухаммадиев. Эй санам, с.291).	<i>В прошлую субботу был на банкете</i> (Ф.Мухаммадиев. Ах, красавица! с. 221).	изафетный тип связи – тип согласования
6	<i>Суруди қадимаи хазинеро месароид</i> (Ф. Мухаммадиев. Роҳ, с.116).	<i>Он пел старинную грустную песню, которую очень любят исполнять пожилые профессиональные певцы</i> (Ф.Мухаммадиев. Дорога, с. 243).	изафетный тип связи – тип согласования
7	<i>Боз фикрҳои таишиомез, гумонҳои тираи гамангез паи ҳам қатор шуда, ба дили духтарак ҳамла оварданд</i> (Ф. Мухаммадиев. Роҳ, с.117).	<i>И снова гнетущие мысли нахлынули на девушку</i> (Ф. Мухаммадиев. Дорога, с. 244).	изафетный тип связи - тип согласования
8	<i>Боди серун ба димоғ бӯи галлаи расида ва замини офтобхурдаро меовард</i> (Ф.Мухаммадиев. Роҳ, с.118).	<i>Прохладный ветерок приносил с собой ароматы спелой пшеницы и прогретой солнечными лучами земли</i> (Ф. Мухаммадиев. Дорога, с. 244).	изафетный тип связи - тип согласования

9	<i>Боз дар майна фикрҳои аҳмақона ба ҷунбиши омаданд, худ ба худ қайд кард Фотима</i> (Ф. Мухаммадиев. Рох, с.119).	<i>Опять дурацкие мысли подумала Фотима</i> (Ф. Мухаммадиев. Дорога, с.245).	изафетный тип связи – тип согласования
10	<i>Чароғҳои Данғара намудор шуданд</i> (Ф.Мухаммадиев. Рох, с.120).	<i>В дали показались огни Дангары</i> (Ф. Мухаммадиев. Дорога, с.245).	изафетный тип связи – тип управления
11	<i>Навдаву баргҳои дарахтон дар амвоҷи нури нарми сабоҳи бо тароват ва назокати дилпазире медурахшиданд</i> (Ф. Мухаммадиев. Рох, с.128).	<i>Листья деревьев поблескивали свежестью в мягком утреннем свете</i> (Ф. Мухаммадиев. Дорога, с.252.)	изафетный тип связи – тип управления; изафетный тип связи – тип согласования

Итак, в проанализированных в данной таблице двадцати трёх конструкциях таджикских предложений с изафетным типом связи в переводных лексических аналогах словосочетаний русского языка было зафиксировано тринадцать типов согласования и девять типов управления.

Таким образом, таджикскому изафетному типу в русском языке соответствуют два типа связи: согласование и управление: суруди қадима - старинная песня, фикрҳои ташвишомез – гнетущие мысли, хонаи васеъ - просторная комната, боди серун – прохладный ветерок, фикрҳои аҳмақона - дурацкие мысли; қабули одамон – прием посетителей, устохонаи дуредгар – мастерская плотника, чароғҳои Данғара - огни Дангары, китоби бародарам – книга (моего) брата, баргҳои дарахтон - листья деревьев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В структуре словосочетания, составляющие его слова синтаксически между собой связаны. Несмотря на существенные различия, в характере синтаксических связей слов (как в строе словосочетания, так и в предложении), все эти связи издавна принято подводить в русском языке под одну из трех категорий: согласование, управление или примыкание, а в таджикском языке – согласование, примыкание и изафетная связь.

Типы подчинительной связи, а также синтаксическая связь сочинительного характера являются фундаментом, базисным явлением синтаксического строя русского и таджикского языков. Без понятия синтаксической связи не осуществляется вообще связная речь и ее органические части, поэтому виды подчинительной связи имеют место в разных ярусах системы синтаксиса словосочетания и простого предложения.

В выражении подчинительных связей слов в русском и таджикском языках участвует целый комплекс грамматических средств: грамматические формы знаменательных слов, порядок слов, интонационные средства.

В силу того, что русский язык обладает развитой системой склонения и спряжения, эти грамматические средства имеют очень важное значение. Основными из них являются традиционно выделяемые согласование, управление и примыкание как типы способы оформления слов, употребляемых в грамматически зависимой позиции. Использование определенного способа диктуется морфологическими особенностями той части речи, к которой принадлежит зависимое слово словосочетания или детерминант: если это прилагательное или слово, сходное с ним по формам словоизменения, а также личный глагол, то они оформляются при помощи согласования; если существительное или какое-либо другое слово с предметным значением, - при помощи управления; неизменяемым словам и словоформам свойственно примыкание (балконная дверь, дверь на балкон, дверь слева).

Связи слов в словосочетании возникают на основе подчинительной синтаксической связи. В сопоставляемых языках отношения между компонентами словосочетания представлены следующими способами связи: согласованием, управлением и примыканием в русском языке и согласованием, примыканием и изафетной связью в таджикском. Однако степень распространения того или иного типа связи в сопоставляемых языках различна. Для русского языка согласование является одним из основных видов синтаксической связи. При согласовании всегда устанавливаются определительные отношения, где в качестве главного слова выступает существительное, а зависимыми словами могут быть прилагательные, причастия, местоимения, порядковые числительные. В том случае, когда зависимое слово полностью уподобляется форме господствующего слова, мы можем говорить о полном согласовании (в роде, числе и падеже). При неполном согласовании зависимый компонент уподобляется главному в числе и падеже.

Согласование- это уподобление слову с предметным значением в тех грамматических категориях, которые выражаются окончанием зависимого слова. В качестве зависимого слова при согласовании в русском языке выступают слова, специализировавшиеся для обозначения признака предмета (включая действие как активный, процессуальный признак): прилагательные, причастия, местоимения, личные глаголы и отчасти числительные. В их уподоблении могут участвовать разные грамматические категории и неодинаковое их количество – в зависимости от того, какие категории способны передать окончание согласуемого слова. Например, у полных прилагательных, причастий и местоимений в форме единственного числа в согласовании участвуют три грамматические категории: род, число и падеж (высокое дерево, на цветущей липе, мой друг), в форме множественного числа - две: число и падеж (высокие деревья, цветущие липы, у моих друзей); у кратких прилагательных, причастий, глаголов прошедшего времени в форме единственного числа – две категории: число и род (липа высока и

стройна; дуб посажен; дерево выросло), в форме множественного числа – только одна: категория числа (липы стройны и высоки, дубы посажены, деревья выросли); у глаголов в формах настоящего и будущего времени – две категории: лицо и число (я уезжаю, вы уедете).

В силу специфики грамматического уподобления характерной особенностью согласования является то, что изменения в форме слова с предметным значением или замена его словом другого грамматического типа требуют соответствующих изменений согласуемого слова. Ср.: способный ученик – способным учеником – способные ученики – способная ученица; я прочитаю, кто-нибудь прочитает, вы прочитаете и т. д.

Дублируя грамматические категории того или иного слова с предметным значением, согласуемая форма, во-первых, максимально отчетливо указывает на связь с этим словом и выявляет, какому предмету принадлежит признак. Ср., например, словосочетания: приятно́му человеку, где согласование показывает, что носитель признака - человек, и приятно́я человеку, где согласования нет и носитель признака остается неназванным (ср. однако сложное словосочетание приятно́я человеку мысль). См. также сложные словосочетания, в которых именно согласование выражает, какой из названных предметов является носителем признака: директору **фабрики**, **победившей** в соревновании и директору фабрики, **победившему** в соревновании.

Согласуемые грамматические категории у зависимого слова несамостоятельны: они имеют отраженный характер. Своим значением они обращены не к характеристике признака, а к характеристике предмета, являющегося носителем признака. С этим связана еще одна (дополнительная) функция согласования.

Грамматические категории главного слова могут получать в русском языке многократное повторное выражение в согласуемых словах. См., например: приехала моя старшая сестра – приехали мои двоюродные сестры.

Конкретные приемы согласования не всегда одинаковы. Их качественные различия, в основном, зависят от того, обладает ли главное слово категориями рода и числа, которые имеет и должно выразить в своей форме слово подчиненное. При их наличии подчиненное слово просто повторяет эти категории, чисто грамматически уподобляясь главному слову. Это обычный, наиболее распространенный прием, который можно назвать собственно грамматическим согласованием. В случаях, когда хотя бы одна из этих категорий отсутствует или не соответствует реальным свойствам обозначаемого предмета, а также когда главный компонент представляет собой сочетание слов, - вступают в действие другие (осложненные) приемы.

Первый из таких приемов – согласование смысловое. При его использовании форма подчиненного слова отражает не грамматические категории главного слова, а непосредственно реальные признаки обозначаемого им предмета – пол человека или животного, единичность или множественность конкретных предметов. См., например: я сел – я села; Вы способный – Вы способная – вы способные; секретарь не ответила; мои отец с матерью; следующие пять человек; страшный плакса – страшная плакса¹.

Второй из осложненных приемов – согласование условно – грамматическое. Это традиционно сложившаяся немотивированная форма «приспособления» к определенным типам господствующих компонентов, не имеющих категорий рода и числа. Чаще всего такой формой служит наиболее нейтральная и «обезличенная» форма единственного числа среднего рода или 3-го лица единственного (в настоящем и будущем времени): шло (идет) «Много шуму из ничего» (ср. шла «Бесприданница»); ранено пять человек; громкое ура; случилось нечто невероятное и т. д. Только при местоимении **кто** и его производных употребляется иная форма – форма единственного числа мужского рода: **Кто** вчера к вам приходил?; **Кто-то** вчера к нам приходил (независимо от количества приходивших и их пола, хотя данные эти могут быть известны говорящему); Кто-то чужой помог ей подняться.

Третий прием – согласование ассоциативно грамматическое. Это согласование с родовым нарицательным наименованием, с которым ассоциируется несклоняемое существительное. Например: Главная авеню города также украшена советскими и французскими флагами и т. д.

Особняком стоят случаи так называемого неполного согласования, когда согласование захватывает не все категории, в которых способно согласоваться зависимое слова. Ср., например: День был теплый, где прилагательное воспроизводит род, число и падеж существительного день, и день был теплым, где род и число согласованы, а падеж не согласован.

Неполное согласование обычно наблюдается там, где:

а) отсутствует непосредственная грамматическая связь со словом, обозначающим носителя признака;

б) связь имеет характер двустороннего, или взаимного, подчинения. Так, в конструкциях типа День был теплым возможность неполного согласования определяется наличием связки, обуславливающей подчинение и слову день, и связке. В силу этого зависимость от существительного день становится опосредованной. Показательно, что без связки согласование обязательно полное: День теплый. В словосочетаниях типа два окна, обе стены, а также в выделительных оборотах типа старшая из девочек, старший из мальчиков наблюдаются отношения взаимного подчинения. Числительное и прилагательное подчиняют себе падежную форму существительного (без предлога и с предлогом), а существительное требует от них согласования в роде.

Интересны те случаи неполного согласования, которые показывают, что согласование в роде и числе со словом, обозначающим носителя признака, может выходить далеко за рамки непосредственно связанных между собой слов. См., например: Приехал еще молодым на Север, он остался там на всю жизнь. Ср.: Приехала еще молодой на Север, она осталась там на всю жизнь.

Поэтому определение согласования только как формы грамматического уподобления слов в составе словосочетания не исчерпывает всех случаев

согласования. Вместе с тем, во всех частных особенностях согласования ярко проявляется единство его основных черт. Специфику согласования всегда составляет отражение грамматических или смысловых особенностей слова, обозначающего предмет – носитель признака.

Согласование в русском языке очень распространено, в то время как в таджикском языке более широкое согласование находит место в связи сказуемого - глагола с подлежащим в категории лица. В других категориях согласование зависимого и стержневого компонентов имеет в таджикском языке очень ограниченную сферу употребления: прежде всего, здесь отпадает согласование по линии рода, нет в таджикском языке и согласования по линии падежа. Что касается согласования в числе, то оно сохранилось лишь в случаях, когда языковым средством выражения согласования служат морфемы **-ҳо**, **-он**, **-гон**, **-ён**, **-вон** множественного числа существительных.

Как в русском, так и в таджикском языке наблюдается согласование между подлежащим и сказуемым, кроме согласования в роде: в современном таджикском языке категория грамматического рода утрачена. Что же касается согласования в лице между подлежащим и сказуемым, то в таджикском языке согласование наблюдается не только в настоящем времени, но и в прошедшем, так как таджикские глаголы изменяются по лицам и в прошедшем времени изъявительного и сослагательного наклонения: Ман хондам. – Я читал (прочитал), Ту хондӣ. – Ты читал, (прочитал), Ӯ хонд. - Он читал (прочитал), Мо хондем. - Мы читали (прочитали), Шумо хондед. - Вы (читали) прочитали, Онҳо хонданд. – Они читали (прочитали).

Природа управления настолько сложна и многогранна, что очень сложно в ней разобраться при одностороннем подходе. Поэтому при определении синтаксической связи управления должны учитываться самые различные факторы. Различают сильное и слабое управление. При сильном управлении падежная форма управляемого слова предопределяется

лексическим значением управляющего слова, т.е. она служит для конкретизации, раскрытия значения господствующего слова.

Таким образом, главное слово получает свое предметное соотношение путем постановки зависимого слова в той или иной падежной форме.

При слабом управлении главное слово не предсказывает форму зависимого слова. Слабое управление обычно наблюдается в словосочетаниях с обстоятельственными отношениями.

Управляемой мы считаем любую форму существительного в косвенном падеже с предлогом или без предлога, независимо от степени обусловленности ее господствующим словом. Такая точка зрения приемлема не только потому, что она освящена традицией, но и потому, что попытки выделить так называемое падежное примыкание нельзя признать убедительными.

На этой основе управление делится:

1) на управление в структуре конструкций номинативного характера (т.е. словосочетания);

2) управление в структуре конструкций коммуникативного характера (т.е. простого предложения). Управление в структуре конструкций номинативного и коммуникативного характеров отличаются друг от друга в отношении их средств выражения и характера компонентов, при помощи которых они соединяются. В русском языке управления структуры конструкций номинативного характера реализуются при помощи словоформ, оформленных с падежными и предложно-падежными признаками. При функционировании управления в русском языке употребляются слова почти со всеми падежными окончаниями, кроме слов в именительном падеже. В русском языке предлоги в качестве средств выражения управления переплетаются с падежными формами слов.

На выбор формы управляемого слова в совокупности может влиять достаточно сложный комплекс факторов: смысловых, грамматических, лексико – фразеологических, стилистических.

Русскому управлению в таджикском языке соответствуют:

а) изафетная связь: книга сестры - китоби хоҳарам, руки Балагина – дастони Балагин, чувство стыда - эҳсоси нанг, берег реки - соҳили дарё, жилища зверей - лонаи ҳайвонот, сын попа - писари кашиш;

б) примыкание: три часа – се соат, пятнадцать рублей - понздаҳ сӯм.

В отличие от русского языка, управление как тип подчинительной связи в таджикском языке отсутствует, так как управление тесно связано с представлением о падеже.

В сопоставляемых языках примыкание - это такой вид синтаксической связи, при котором комбинирующиеся элементы образуют словосочетание без изменения формы. Отношения между словами передаются лексически. В качестве главного компонента при примыкании могут выступать слова разных грамматических классов, а примыкать могут только неизменяемые слова: деепричастия, наречия, инфинитив.

В современном таджикском языке примыкание является наиболее типичным видом синтаксической связи.

Тип примыкания предполагает простое соположение группирующихся элементов без какого-либо изменения их формы. В русистике справедливо подчеркивается, что примыкание выражается не только местоположением слова, но и «его зависимой грамматической функцией, его смыслом, несамостоятельным характером выражаемого им грамматического отношения». Для таджикского языка прием примыкания означает соединение слов, не обладающих формоизменениями, чьи валентные свойства допускают их совместную сочетаемость благодаря своим комбинаторным особенностям.

К существительному в сопоставляемых языках примыкают: существительные, притяжательные и неопределенные местоимения, числительные, причастия, наречия, прилагательные (чаще всего формы сравнительной и превосходной степени прилагательного), инфинитив. Если стержневым словом является глагол, то к нему могут примыкать наречия, существительные, местоимения, инфинитив, деепричастия.

Таджикским словосочетаниям с примыканием соответствуют в русском языке:

а) согласование: ҳар сол – каждый год, ин писарбача - этот мальчик, ҳамон духтар – та девочка, ин бино – это здание, наздиктарин дӯст – (самый) лучший друг, калонтарин дарё- самая большая река, хушбахттарин йигит – счастливейший джигит (самый счастливый джигит), ҳамин майдон – этот майдан;

б) управление: чаҳор сол – четыре года, ду-се нафар мутрибон – два-три певца.

Иногда способом примыкания связываются слова в словосочетаниях и предложениях в простом предложении: *Ин қадар сангдиланд мардум* (Ф.Мухаммадиев. Рӯзи дафни усто Оқил, с.219)... - *Ну и бессердечные стали теперь люди* (Ф.Мухаммадиев. Похороны усто Акила, с. 272).

В современном таджикском языке наиболее многозначным по роли и характеру типом связи определения с определяемым является группа изафетных словосочетаний. Связь между определением и определяемым осуществляется в этих словосочетаниях при помощи безударного-и, которым соединяется определяемое с определением или приложением. При этом определяемое обязательно должно предшествовать определению или приложению.

В изафетном типе словосочетаний определения могут выражаться прилагательными, существительными, порядковыми числительными, местоимениями и причастиями, а приложение выражается только именами существительными или личными местоимениями.

Для современного таджикского языка, в котором нет ни категории грамматического рода, ни флективно выраженных падежей, существенным является отсутствие формальных морфологических признаков у определения. Развитие таджикского языка отчетливо показывает утверждение изафетного типа связи слов в выражении определительных словосочетаний как основного средства, изафетная конструкция заменила собой оба характерных

для древнеиранской языковой эпохи вида определительной связи (согласование и управление).

Сложные изафетные словосочетания представляют собою распространение слова целым словосочетанием, причем, формы и связи составляющих их слов не всегда зависят от главного слова. Например, в словосочетании *муваффақияти нависандаи ҷавон* (успех молодого писателя) определение *ҷавон* (молодого) ни по смыслу, ни по форме не связано с главным словом всей группы – существительным *муваффақият* (успех). В словосочетании можно выделить две пары: *муваффақияти нависанда ва нависандаи ҷавон*, но их связывает более расчлененное представление, выражаемое всем словосочетанием.

Существуют также трехчленные, или многочленные, словосочетания, в которых зависимые слова все подчинены главному слову, т. е. определяют его с разных сторон, распространяют в разных направлениях, например: *Овози Нодирҷон риштаи хаёлотии падарашро қатъ намуд* (Ф. Муҳаммадиев. Рӯзи дафни усто Оқил, с.221). – *Голос Нодирджона оборвал нить рассуждений и воспоминаний дядюшки Абдурахима* (Похороны усто Акила, с.275).

Имена существительные и прилагательные, соединенные изафетом (определительные сочетания), представляют собой в предложении одно неделимое целое (синтагму), объединенную единством выдоха и отделенную от других слов паузой.

Изафетному типу таджикского языка в русском языке соответствуют разные типы: согласование и управление: *суруди қадима* - старинная песня, *фикрҳои ташвишомез* – гнетущие мысли, *хонаи васеъ* - просторная комната, *боди серун* – прохладный ветерок, *фикрҳои ахмақона* - дурацкие мысли; *қабули одамон* – прием посетителей, *устохонаи дуредгар* – мастерская плотника, *чароғҳои Данғара* - огни Дангары, *китоби бародарам* – книга (моего) брата, *баргҳои дарахтон* - листья деревьев.

В таджикском языке, в котором получили распространение аналитические конструкции и отсутствует падежная система, особую роль

играют служебные слова. Они различны по семантике и выполняемым функциям.

Среди служебных слов важнейшая роль принадлежит предлогам, осуществляющим подчинительную связь между членами словосочетаний и предложений, основные функции таджикских предлогов такие же, как и русских предлогов. Однако в отличие от русского языка, где предлоги обязательно и закономерно сочетаются с соответствующими падежами имен или местоимений, в таджикском языке предлоги сочетаются с именами-основами (местоимениями) и являются одним из главных грамматических средств, служащих для связи слов в предложении. Предложные сочетания таджикского языка зачастую адекватны сочетаниям предлог + падежная форма имени или местоимения в русском языке.

Разнообразные значения отношений, выражаемых предлогами, составляют обширную и сложную систему:

- 1) пространственные: ба хона даромадан – войти в дом, аз хона баромадан – выйти из дома; ба кӯҳ баромадан – подняться в горы;
- 2) временные: то бегоҳ, баргаштан – вернуться к вечеру; дар маҷлис баромадан – выступить на собрании;
- 3) объектные отношения: дар бораи дӯстон фикр кардан – думать о друзьях; дар бораи мақола кор кардан – работать над статьей; ба мардум фаҳмондан – объяснить людям;
- 4) целевые отношения: барои дигарон зиндагӣ кардан – жить для других; аз шарм суп-сурх шудан – покраснеть со стыда;
- 5) причинные отношения: аз рӯи эҳтиром розӣ шудан – согласиться из уважения; аз гиря монда шудан – устать от плача, аз шоди гиря кардан – плакать от радости;
- 6) отношения сравнения: аз асал ширин – слаще меда;
- 7) отношения орудия: бо қалам навиштан – писать карандашом; бо корд буридан – резать ножом; бо калид кушодан – открыть ключом;

- 8) определительные отношения: девори аз тилло – стена из золота; кӯза аз об пур – кувшин, полный воды;
- 9) отношения образа действия: аз тахти дил хандидан – смеяться от души.

Следует также отметить местоположение предлога по отношению к управляющему слову: предлог может находиться в постпозиции и в препозиции по отношению к управляющему слову: ба мактаб рафтан – пойти в школу, муҳаббат ба Ватан – любовь к Родине, то шом кор кардан - работать до вечера, вохӯрӣ бо донишҷуён – встреча со студентами, дар донишгоҳ тахсил кардан – учиться в университете, мактуб аз хориҷа – письмо из – за границы и т.д.

Предложная связь в таджикском языке является одним из самых распространенных и продуктивных способов связи слов в словосочетании: бо корт буридан – резать ножом, муҳаббат ба Ватан – любовь к Родине, аз хона баромадан – выйти из дома, ба Душанбе рафтан – поехать в Душанбе, то шом кор кардан – работать до темна, аз ҳама зиёд – больше всего, зеро дарахт нишастан – сидеть под деревом, аз асал ширин – слаще меда.

В современном таджикском языке как средство связи слов в словосочетаниях употребляются послелого: боз, барин, замон (замоно), ҳамон (хамоно), инҷониб, интараф, шуда и др: оху барин чолок – быстрый как олень, қанд барин ширин – сладкий как сахар, паша барин хира – назойливый как муха, ту барин олим – учёный, как ты.

Значения компаративных послелогов этимологически ближе всего передаются русским компаративным предлогом «наподобие», а в связном переводе словами «как, такой... как»: барф барин сафед – белый как снег.

Амакам барин меҳӯбон.– Добрый, как мой дядя; аз они дигарҳо барин – как другие.

Азизхон дер боз орзӯи корд мекард (С.Улугзода. Субҳи чавонии мо, с.37). -Азизхон давно мечтал о ноже (С. Улуг-зода. Утро нашей жизни. с.35).

В современном таджикском языке распространенной является также изафетно–предложная связь слов в словосочетаниях: вохӯри бо дӯстон –

встреча с друзьями; нақлҳои оид ба ҷанг – рассказы о войне; муомилаи бо хучаин – обращение с хозяином; фикрҳои доир ба фалсафаи зиндагӣ – мысли, размышления о философии жизни.

Однако, как отмечается в академической грамматике, и изафетная связь в таких словосочетаниях слабая, так как возможна связь и без помощи изафета: нақлҳо дар бораи Айнӣ – рассказы об Айни; сӯҳбат бо муаллимон – беседа с учителями и т.д.

В сопоставляемых языках распространенной является также двойная предложная связь. По структуре эти словосочетания являются сложными и характеризуются устойчивостью.

К ним относятся предлоги аз... то (с... до); аз... то ба (с... до); аз вақти... то вақти и др.: **аз** пагоҳӣ **то** бегоҳӣ кор кардан – работать с утра до вечера; **аз** ҷавонӣ **то** ба ҳамин сину сол муаллимӣ кардан – работать учителем с молодости до этого возраста; **аз** 1 декабр **ба** 5 декабр гузаронидан – перенести с 1 декабря на 5 декабря.

Наблюдается и предложно-последложная связь. *Барои ту шуда ман ӯро хафа кардам. – Из – за тебя я его обидел. Аз рӯзи чоршанбе интараф ӯ аз дарсҳо ягон соат ҷафо намондааст. – Начиная со среды, он не пропустил ни одного часа занятий.*

Словосочетания, построенные при помощи артикля, по своей структуре подобны изафетным словосочетаниям: коре бузург – кори бузург – великое (большое) дело; дастае аз сарбозон – группа солдат. Словосочетания, построенные при помощи этого артикля, имеют стилистический характер.

Таким образом, в таджикском языке существуют следующие типы связи слов в словосочетаниях и предложениях: согласование, примыкание, изафетная связь. Основными средствами связи являются предлоги и послелогии. Часто наблюдается комбинированный, смешанный тип связи, т.е. предложно - последложный, изафетно – предложный, изафетно – последложный.

Таджикским изафетным конструкциям в русском языке соответствуют согласование и управление: дастони пуркувват - сильные руки, хомӯшии гарон – тягостное молчание, духтараки баландболо - стройная девушка, писари калонӣ – старший сын, хавопаймои чавон – молодой летчик, хамсои солхурда - пожилой сосед; хонаи падарам - дом отца, рӯймоли хоҳарам - платок сестры, ошхонаи донишгоҳ – столовая университета, асарҳои Айни - произведения Айни, шеъри Ҳофиз – стихотворения Хафиза.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Акрамов М. Ибораҳои сифатии забони ҳозираи тоҷик. - Душанбе: Дониш, 1977. - 166 с.
2. Апресян Ю.Д. О сильном и слабом управлении. // Вопросы языкознания.- 1964.- №3. - С. 32-49.
3. Апресян Ю.Д. Опыт описания глаголов по их синтагматическим признакам (типам управления). //Вопросы языкознания.- 1965. -№ 5.- С. 51-56.
4. Арзуманов С., Сангинов А. Забони тоҷикӣ. – Душанбе: Маориф, 1988. – 415 с.
5. Ахманова О.С. Словосочетание. / Вопросы грамматического строя. - М.: АН СССР, 1955. - С. 452 – 460.
6. Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык: Синтаксис и пунктуация. – М.: Просвещение, 1981. – 271 с.
7. Бабайцева В.В. Подчинительные и сочинительные словосочетания. // Русский язык в школе. - 2006.- № 4. – С. 74-79.
8. Бабайцева В.В. Проблемы изучения словосочетаний в лингвометодике. // Преподаватель XXI век.- 2006. - №3. - С.45-48.
9. Бабайцева В.В. Два подхода к исследованию единиц синтаксиса. // Филологические науки.- 2007.-№2. - С. 99-106.
- 10.Бабайцева В. В., Чеснокова Л. Д. Русский язык: Теория. Учебник для 5-9 кл. общеобразовательных учебных заведений. – М.: Просвещение, 1982. – 240 с.
- 11.Белошапкина В.А. Современный русский язык: Синтаксис. – М.: Высшая школа, 1977. – 248 с.
- 12.Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. – М.: Просвещение, 1979. - 416 с.
- 13.Бертагаев Т.А. Отграничение сочетаний с приложением от сходных сочетаний. // Русский язык в школе. -1957. -№1. – С. 15-18.

14. Будагов Р.А. К теории сходств и различий в грамматике близкородственных языков. / Вопросы языкознания. – №4. – 1980. – С. 3-20.
15. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. – М.: Учпедгиз, 1959. – 623 с.
16. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. – Л.: Учпедгиз, 1941. – 248 с.
17. Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка. Т.1.- Киев, 1952.
18. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. – М.: МГУ, 1964. – 435с.
19. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И., Цапукевич В.В. Современный русский язык. – М.: Высшая школа, 1962. – 468 с.
20. Ванслова М. Л. О связи слов в предложении. // Русский язык в национальной школе.-1952.- №1.- С.25-30.
21. Виноградов В. В. Вопросы синтаксиса современного русского языка. – М.: Просвещение, 1950. – 411 с.
22. Виноградов В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения. / Вопросы грамматического строя. – М.: АН СССР, 1955. – С. 389 – 435.
23. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов. / Отв. ред. Г. А. Золотова. – 3-е изд., испр. – М.: Высшая школа, 1986. – 640 с.
24. Виноградов В.В. Грамматика русского языка. – М.: Наука, 1960. –С. 22-26.
25. Виноградов В.В. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения. // Вопросы языкознания.-1954.-№1. - С.3-29.
26. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 162-189.
27. Гак В.Г. Сопоставительное изучение языков и лингвистическая типология. // Русский язык за рубежом. – 1974. – №3. – С.40-45.

28. Гак В.Г. К проблеме сопоставительно-типологического анализа речевого акта и текста. / Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. – М.: Наука, 1987. – С. 37-48.
29. Галкина-Федорук Е.М., Г.В. Горшкова Г.В., Н.М. Шанский Н.М. Современный русский язык: Синтаксис. – М.: Учпедгиз, 1958. – 199 с.
30. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Ч.2. – М.: Учпедгиз, 1961. – 302 с.
31. Грамматикаи забони тоҷикӣ.- Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1956. - 232 с.
32. Грамматика русского языка. Т.2. Синтаксис. (Под ред. В.В. Виноградова). – М.: Наука, 1954. – 704 с.
33. Грамматика русского языка. Ч.2. (Под ред. В.В. Виноградова). – М.: Наука, 1960. – 702 с.
34. Грамматика современного русского литературного языка. Ч.2. (Под ред. В.В. Виноградова). – М.: Наука, 1970. – 767 с.
35. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Ҷилди 1. Фонетика ва морфология. - Душанбе: Дониш, 1985. – 356 с.
36. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Ҷилди 2. Ибора ва синтаксиси ҷумлаҳои содда. – Душанбе: Дониш, 1986. – 371с.
37. Джаббарова М.Т. Межкатегориальные связи в системе неличных форм глагола: Автореф. дис... доктора филологич. наук. – Душанбе, 2005. – 45 с.
38. Джаббарова М.Т. Система неличных форм глагола в русском и таджикском языках. – Душанбе: РТСУ, 2005. – 300 с.
39. Джаббарова М.Т. Сравнительная типология русского и таджикского языков: Неспрягаемые формы глагола в русском и таджикском языках. – Душанбе: РТСУ, 2006. – 105 с.
40. Джафаров Э.А. Атрибутивные словосочетания в таджикском и английском языках. - Душанбе: Ирфон, 1979, - С. 78.

41. Дмитриев Б.А. К вопросу об управлении. / Вопросы морфологии и синтаксиса современного русского языка: Сборник статей.- Новосибирск: Западно-сибирское книжное издательство, 1966. – С. 91-123.
42. Забони адабии хозираи тоҷик. Синтаксис.– Душанбе: Ирфон, 1970. – 268 с.
43. Забони адабии хозираи тоҷик. Синтаксис. Қисми 2. – Душанбе: Маориф, 1985. – 230 с.
44. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. -М.: Наука, 1973. – 351 с.
45. Ицкович В.А. О типах связи слов в предложении. // Русский язык в национальной школе. -1963.- № 1. – С. 3-10.
46. Камолиддинов Б. Муродифоти синтаксисӣ ва ҳусни баён. – Душанбе: Маориф, 1986. – 136 с.
47. Касимова М.Н. Синтаксис простого предложения таджикской прозы XI века: Автореф. дис... докт. филологич. наук. – Душанбе, 1979.– 41с.
48. Касимова М. Н., Камолиддинов Б. Маҷмӯаи машқҳои синтаксиси забони тоҷикӣ. - Душанбе: Ирфон, 1976. - 114 с.
49. Касимова М.Н. Ибораҳои изофии масдарӣ. // Мактаби советӣ. 1965. -№ 6.
50. Ковтунова И.И. Принципы словорасположения в современном русском языке / Русский язык: Грамматические исследования. – М.: Наука, 1967. – С. 96 – 146.
51. Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. – М.: Просвещение, 1976. – 239 с.
52. Королева А.И. Имя прилагательное в русском и таджикском языках (Сопоставительная характеристика): Автореф. дис... канд. филологич. наук. – Душанбе, 1963. – 28 с.
53. Королева А.И. Имя прилагательное в русском и таджикском языках. (Сопоставительная характеристика): Дис... канд. филологич. наук. – Душанбе, 1965. – 274 с.
54. Коротевич Е.В. О связях слов. - Львов: Львовский университет, 1959. - 35 с.

55. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. – М.: Высшая школа, 1974. – 160 с.
56. Лесник М.Д. Один из вариантов слабого управления. // Русский язык в школе, -1966. -№ 5.- С. 88-91.
57. Лесник М.Д. О подчинительных связях слов в современном русском языке. // Филологические науки. - 1968.-№ 4.- С.61-67.
58. Лингвистический энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
59. Лопатина Л.Е. Управление. / Лингвистический энциклопедический словарь. - М.: Советский писатель, 1990. - С. 171.
60. Ломтев Т.П. Природа синтаксических явлений (к вопросу о предмете синтаксиса). // Филологические науки.- №3. -1961. - С. 26 – 37.
61. Малащенко В.П. Свободное присоединение предложно-падежных форм.- Ростов н/Д: Ростовский университет, 1972. - 171 с.
62. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. – М.-Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. - 510 с.
63. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. – М.-Л.: АН СССР, 1945. – 196 с.
64. Мирзоев Абдусатор. Хелхои алокаи синтаксисӣ дар ибораҳо. /Масъалаҳои забоншиносӣ. - Душанбе: Дониш 1975. - С. 109 – 122.
65. Мирзоев А., Алиев А. Чанд мулоҳиза оид ба мувофиқати хабар бо мубтадо. / Масъалаҳои забоншиносӣ. – Душанбе: Дониш, 1980. -С. 123 – 135.
66. Михайличенко Г.С. Способы и средства выражения русских падежных отношений в таджикском языке. – Душанбе: Ирфон, 1972. – 272 с.
67. Михайлов М.М. Двуязычие и вопросы сопоставительной стилистики. – Чебоксары, 1984. – 84 с.
68. Михальченко В.Ю. Актуальные аспекты сопоставительного описания языка межнационального общения и языков народов СССР.

- /Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. – М.: Наука, 1987. – С.48-52.
69. Мошеев И.Б. О некоторых вопросах сопоставительного изучения языков// Русский язык и литература в таджикской школе. – 1976. – № 4. – С. 24-32.
70. Мошеев И.Б. Сопоставительная типология русского и таджикского языков: Морфология. – Душанбе: ДГПУ, 1961. – 231 с.
71. Мошеев И.Б. Сопоставительно-типологическое исследование глагольной системы русского и таджикского языков. Система спрягаемых форм: Автореф. дис... докт. филолог. наук. – Тбилиси, 1983. – 49 с.
72. Набиев М. Синтаксиси забони адабии ҳозираи тоҷик.- Душанбе: Маориф, 1992. – 176 с.
73. Неменова Р.Л. Краткий очерк грамматики таджикского языка. / Краткий таджикско-русский словарь. – Душанбе: Ирфон, 1988. – С.429 -488.
74. Нерознак В.П. О трех подходах к изучению языков в рамках синхронного сравнения (типологический-характерологический-контрастивный). / Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. – М.: Наука, 1987. – С. 5-26.
75. Ниёзмухаммадов Б.Н. Ҷумлаҳои содда дар забони адабии ҳозираи тоҷик. – Сталинобод, 1960. – 96 с.
76. Ниёзмухаммадов Б., Ш. Ниёзӣ, А. Каримов. Забони тоҷикӣ. Қисми 2. Синтаксис. – Душанбе: Маориф, 1962. – 171 с.
77. Ниёзмухаммадов Б. Забоншиносии тоҷик. – Душанбе: Дониш, 1970. – 396 с.
78. Ниязӣ Ш.И. Аҳамияти ибора дар таҷқиқ ва таълими забони тоҷикӣ. Маориф ва маданият. 20 феврал, 1960. (Значение словосочетания в исследовании и обучении таджикскому языку).
79. Норматов М. Ҷумлаҳои содда дар забони адабии ҳозираи тоҷик. -- Душанбе: Матбуот, 2001. – 184 с.
80. Норматов М. Порядок слов в современном таджикском литературном языке: Автореф. дис... канд. филологич. наук. – Душанбе, 1968. – 28 с.

81. Ованова М.Г. Небособленные приложения в современном русском литературном языке. // Русский язык в школе. -1957.- №2. – С.36-40.
82. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. -СПб., 1912. -312 с.
83. Оравец Я.К. К вопросу о глагольной интенции и глагольном управлении. / Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. – М., 1969. - С. 176-187.
84. Петерсон М.Н. Очерк синтаксиса русского языка. – Пб., 1923. – 124 с.
85. Петерсон М.Н.. Лекции по современному русскому литературному языку. – М.: МГПИ, 1941. – 172 с.
86. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1957. – 511 с.
87. Поливанов Е.Д. Опыт частной методики преподавания русского языка. Ч.1. – Ташкент: Средняя и высшая школа, 1961. – 111 с.
88. Политова И.Н. «Силовая» шкала управления. / Вопросы русского языка и методики его преподавания: Межвузовский сборник научных трудов. -Елец: ЕГПИ, 1999. - С. 122-127.
89. Политова И.Н. Управление как вид подчинительной связи слов. / Исследование языковых единиц в их динамике и взаимодействии: Сборник научных трудов. -М.: Уфа: БГПУ, 2000. - С. 63-70.
90. Политова И.Н. Сильное согласование в словосочетании и предложении. / Структурно-семантическое описание единиц языка и речи: Сборник статей. — М.: Прометей, 2006. - С. 126-134.
91. Политова И.Н. Типичные случаи слабого управления. / Вестник Коломенского государственного педагогического института: Гуманитарные науки: Научно-методический журнал. - Коломна. – 2007. - № 3 (4). - С. 45-51.
92. Политова И.Н. Цельные словосочетания в составе предложения. // Русская словесность. -2008. - № 1. - С. 56-60.

93. Политова И.Н. Инфинитив в роли обязательного зависимого компонента в глагольных словосочетаниях. / Русский язык в условиях интеграции культур: XXVI Распоповские чтения: материалы Международной конференции: в 2 ч. -Воронеж: ВГПУ, 2008. - С. 127-133.
94. Политова И.Н. Падежное примыкание. / Активные процессы в современной грамматике: материалы Международной конференции. / Под ред. СВ. Иванова, О.В. Фокиной. -М. Ярославль: Ремдер, 2008. - С. 202-208.
95. Политова И.Н. Разная степень смысловой полноты слов. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета: Научный журнал. Серия «Филологические науки». - 2008. - № 10 (34). - С. 92-96.
96. Попова З.Д. Виды подчинительной связи слов как отражение категорий объективной действительности. / Материалы по русско-славянскому языкознанию. - Воронеж, 1963. -С. 307-310.
97. Попова З.Д. «Согласование», «управление», «примыкание» в русской лингвистической терминологии. Синтаксические связи в русском языке: Сборник статей / Отв. ред. А.Ф. Прияткина. -Владивосток, 1974. - Вып. I. - С. 3-8.
98. Потebня А.А. Из записок по русской грамматике. Т.1-2. – М.: Просвещение, 1958. – 536 с.
99. Потebня А.А. Из записок по русской грамматике. Т.3. – М.: Просвещение, 1968. – 551 с.
100. Прокопович Н. Н. Словосочетание в современном языке. – М.: 1966. - 398 с.
101. Прокопович Н.Н. Некоторые вопросы управления в современном русском языке. // Русский язык в национальной школе. -1959.- № 3. – С.28-36.

102. Распопов И.П. К характеристике конструктивных типов простого предложения в современном русском языке. // Русский язык в школе. – 1968. - №4. – С. 73 – 82.
103. Распопов И.П. Строение простого предложения в современном русском языке. - М.: Просвещение, 1970. – 191 с.
104. Расторгуева В.С., Керимова А. А. Система таджикского глагола. – М.: Наука, 1964. – 291 с.
105. Расторгуева В.С. Краткий очерк грамматики таджикского языка. Таджикско-русский словарь. / Под ред. М.В. Рахими и Л.В. Успенской. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1954. - С 529 – 570.
106. Руднев А.Г. Синтаксис современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1968. – 329 с.
107. Русская грамматика. Т.2. (Под ред. Н.Ю. Шведовой). – М.: Наука, 1982. – 709 с.
108. Русский язык. Учебник для 8 кл. общеобразовательных учреждений. – М.: Просвещение, 1997. – 191 с.
109. Русско-таджикский словарь (Под ред. М.С.Осимова). – М.: Русский язык, 1985. – 1279 с.
110. Рустамов Ш. Мушкилоти синтаксис. – Душанбе: Маориф, 1988. – 340 с.
111. Салимов Р.Д. Способы и средства связи слов в словосочетаниях и предложениях в таджикском языке. / Актуальные проблемы преподавания государственного языка и других неродных языков: Материалы Международной научно – практической конференции, посвященной 10 – летию образования РТСУ и Году Арийской цивилизации. – Душанбе: РТСУ, 2006. – С. 97 – 108.
112. Самадова Р.А. Подчинительная связь в русском и таджикском языках: Автореф. дис... канд. филолог. наук. – Душанбе, 1979. - 26 с.
113. Самадова Р.А. Подчинительная связь в русском и таджикском языках. – Душанбе: Дониш, 1989. - 172 с.

114. Самадова Р.А. Проблемы лингвистического конструирования предложно-именных словосочетаний в русском и таджикском языках. – Худжанд: Рахим Джалил, 1996. – 231 с.
115. Самадова Р.А. Проблемы лингвистического конструирования предложно-именных словосочетаний в русском и таджикском языках: Автореферат дис... докт. филологич. наук. – Душанбе, 1999. – 55 с.
116. Сиротинина О.Б. Лекции по синтаксису русского языка. – М.: Высшая школа, 1980. – 141с.
117. Скаличка В. Сопоставительное изучение языков. – М., 1974. – С. 3-10.
118. Скобликова Е.С. Современный русский язык: Синтаксис простого предложения. – М.: Просвещение, 1979. – 236 с.
119. Скобликова Е. С. Согласование и управление в русском языке. Пособие для учителей. - М.: Просвещение, 1971. 239 с.
120. Скобликова Е.С. Согласование и управление как способы организации слов. // Филологические науки. -1967.- № 4. - С. 82-90.
121. Скобликова Е.С. Очерки по теории словосочетания и предложения. - Саратов, 1990. - 141с.
122. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. – М.: Литература на иностранном языке, 1957. – 286 с.
123. Смола В.С. Способы и средства передачи конструкций с инфинитивом русского языка на таджикский язык: Автореф. дис... канд. филолог. наук. – Душанбе, 1972. – 27 с.
124. Солехов Х. Ибораҳои номии пешояндӣ. -Душанбе: Дониш, 1991. -С. 96.
125. Современный русский литературный язык. – Л.: Просвещение, 1988. – 672 с.
126. Современный русский язык. – М.: Азбуковник, 1997. – 928 с.
127. Современный русский язык: Пособие для студентов вузов пед. профиля. – М.: Дрофа, 2001. – 448 с.

128. Современный русский язык: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. /Р.Н.Попов, Д.П.Валькова, Л.Я.Маловицкий, А.К. Федоров. 2-е изд., испр. и доп. - М.: Просвещение, 1986. - 464 с.
129. Сухотин В.П. Проблема словосочетания в современном русском языке. / Вопросы синтаксиса современного русского языка. – М.: Учпедгиз, 1950. –С .127 – 177.
130. Таджиев Д.Т. Способы связи определения с определяемым в современном таджикском литературном языке. - Сталинобод, 1955. – 70 с.
131. Таджикско-русский словарь. /Под ред. Л.Успенской и М.Рахими). – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1954. – 789 с.
132. Успенская Л.В. Основные структурные особенности современного таджикского языка по сравнению с русским языком. / Материалы 1 Межреспубликанской конференции по вопросам улучшения преподавания русского языка в национальных школах. – Ташкент, 1958. – С.12-21.
133. Успенская Л.В. Сопоставительная характеристика звуковых систем русского и таджикского языков. // В помощь учителю русского языка в таджикской школе. – Душанбе, 1961. – № 2, 3. – С. 3-20.
134. Успенская Л.В. Подчинительные связи и их выражение в русском и таджикском языках. \ \ Вопросы филологии. - Душанбе, 1989. – С 3 – 11.
135. Успенский Б.А. Структурная типология языков. – М.: Наука, 1965. –286 с.
136. Федоров А.К. Трудные вопросы синтаксиса. – М.: Просвещение, 1979. – 239 с.
137. Финкель А.М., Баженов Н.М. Курс современного русского литературного языка. - Киев: Радянська школа, 1965.
138. Фортунатов Ф.Ф. О преподавании грамматики русского языка в средней школе. Избранные труды. Т.2. - М., 1957. - 451 с.
139. Халилов А. Вазифаҳои грамматикии бандаки изофӣ дар забони адабии ҳозираи тоҷик. - Душанбе: Дониш, 1969. - С. 120.

140. Чеснокова Л.Д. К вопросу об элементарной синтаксической единице. / Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. – Л.: Наука, 1975. – С.121 – 123.
141. Чеснокова Л.Д. Связи слов в современном русском языке. - М.: Просвещение, 1980. - 110 с.
142. Чикина Л.К. Синтаксические связи между компонентами словосочетаний в современном русском языке. - Саранск, 1978. - 78 с.
143. Шанский Н.М. Русское языкознание и лингводидактика. – М.: Русский язык, 1985. – 239 с.
144. Шапиро А.Б. О предмете синтаксиса. // Филологические науки. -№ 3. - 1961. - С. 78 -85.
145. Шапиро А.Б. О типах подчинительной связи внутри словосочетания. // Русский язык в школе. -1962. -№ 4.- С.24-30.
146. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Л.: Учпедгиз, 1941. – 258 с.
147. Шведова Н.Ю. Об основных синтаксических единицах и аспектах их изучения. / Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. – Л.: Наука, 1975. -С. 123 – 129.
148. Шведова Н.Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения. // Вопросы языкознания. -1964. -№ 6. – С.77-93.
149. Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т.1. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1958. – 182 с.
150. Щерба Л.В. Преподавания иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. - М.:Высшая школа, 1974.- 112 с.
151. Шмелев Д.Н. Несколько замечаний к построению синтаксической теории. // Филологические науки. 1961. -№3.- С.86 – 94.
152. Шмелев Д.Н. Некоторые особенности согласования в русском языке //Русский язык в национальной школе. -1962. -№ 5. – С.25-32.

153. Эшонджонов А. Именное сказуемое в современном таджикском языке. Автореферат диссертации кандидата филологич. наук. – Сталинабад, 1959. - 30 с.
154. Якобсон Г.К. К теоретическому обоснованию сопоставительного описания языков. // Русский язык за рубежом. – 1979. – № 6. – С. 77-80.
155. Ярцева В.Н. О сопоставительном методе изучения языков. // Филологические науки. – 1960. – № 1. – С. 5-11.
156. Ярцева В.Н. Предложение и словосочетание. / Вопросы грамматического строя. -М.: АН СССР, 1955.- С.436 – 451.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА:

1. Айнӣ Садриддин; Чилди дуввум. - Душанбе: Ирфон, 1978. - 462 с.
2. Аини Садриддин. Повести и очерки. - Душанбе: Маориф, 1983. - 400 с.
3. Ақобиров Ю. Земля отцов. Нурек: Романы. - М.: Советский писатель, 1984. - 416 с.
4. Ақобиров Ю. Забини падарон. Роман. - Душанбе: Ирфон, 1976. - 393 с.
5. Амонов Р. Пушаймонӣ: повест ва ҳикояҳо. – Душанбе: Адиб, 1993.- 176 с.
6. Булгаков М.А. Избранное: Мастер и Маргарита. Роман. Рассказы.- М.: Художественная литература, 1988. - 480 с.
7. Вампилов А.В. Старший сын. - М.: АСТ, 2008. - 315 с.
8. Горький М. Мать. Воспоминания. – М.: Художественная литература, 1985. – 512 с.
9. Горький М. Модар. - Душанбе: Адиб, - 400 с.
10. Иқромӣ Чалол. Дувоздаҳ дарвозаи Бухоро: Роман. – Душанбе: Ирфон, 1984. - 432 с.
11. Икрами Джалол. Двенадцать ворот Бухары: Роман. – М.: Художественная литература, 1979. – 639 с.
12. Куприн А.И. Собрание сочинений в двух томах Т. 2. – М.: Художественная литература, 1981. – 398 с.
13. Лермонтов М.Ю. Избранные сочинения. – М.: Детская литература, 1977. – 622 с.
14. Лермонтов М.Ю. Қаҳрамони даврони мо. - Душанбе: Маориф, 1977. - 182 с.
15. Лихачев Д.С. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. – М.: Советский писатель, 1989. – 608 с.
16. Муҳаммадиев Ф. Асарҳои мунтахаб. Чилди 1. – Душанбе: Ирфон, 1978. – 556 с.
17. Муҳаммадиев Ф. Осори мунтахаб иборат аз панҷ чилд. Чилди 2. Повестҳо. – Душанбе: Адиб, 1990. – 448 с.
18. Муҳаммадиев Ф. Повести. Рассказы . – М.: Художественная литература, 1976. – 349 с.
19. Муҳаммадиев Ф. Повести и рассказы. – Душанбе: Адиб, 1988. – 384 с.

20. Ниязи Фатех Не говори, что лес пустой... - М.: Советский писатель, 1977, - 480 с
21. Ниёзӣ Фотеҳ Мунтахабот: иборат аз ду чилд. Ҷилди 2. Ҳар беша гумон мабар, ки холист. - Душанбе: Ирфон, 1985. - 528 с.
22. Пастернак Б. Л. Доктор Живаго. Роман. – М.: Эксмо, 2007. – 624 с.
23. Паустовский К. Повести и рассказы. -Л.: Художественная литература, 1985. – 320 с.
24. Рахим Джалил. Шураб: Роман. – Душанбе: Ирфон, 1973. - 574 с.
25. Рыбаков А. Н. Дети Арбата: Роман. – Душанбе: Ирфон, 1988. - 495 с.
26. Сорбон. Актёр: Роман, - Душанбе: Ирфон, 1984. - 448 с.
27. Сорбон. Актёр: - Душанбе: Ирфон, - 240 с.
28. Толстой Л. Н. Анна Каренина: Роман в восьми частях. Часть пятая – восьмая. - Л.: Художественная литература, 1977. - 400 с.
29. Толстой Л. Н. Асарҳои мунтахаб. Иборат аз 8 чилд. Ҷилди 7. Анна Каренина. (Қисмҳои 5-8). - Душанбе: Ирфон, 1982. - 508 с.
30. Улуг – зода С. Утро нашей жизни. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1954. – 310 с.
31. Улуғзода С. Субҳи ҷавонии мо. – Сталинобод, Таджикгосиздат, 1956. – 362 с.
32. Улуғзода С. Восеъ: Роман – Душанбе: Ирфон, 1979. – 368 с.
33. Улуг-зода С. Восе. – М.: Советский писатель, 1980. – 400 с.
34. Фадеев А. Собрание сочинений в четырёх томах. Том 3. – М.: Правда, 1987. – 381 с.
35. Фадеев А. Гвардияи ҷавон, Роман. Қисми 1. – Душанбе: Маориф, 1985. - 456 с.
36. Чехов А.П. Избранное. – М.: Просвещение, 1984. – 384 с.
37. Чехов А.П. Асарҳои мунтахаб. Ҷилди 4: Ҳикояҳо ва пьесаҳо (1897 - 1903). Тарҷ. аз русӣ – Душанбе: Адиб, 1988. - 448 с.
38. Шолохов М. А. Поднятая целина. Роман. Нахаленок. Рассказ. Судьба человека. Рассказ. - М.: Детская литература, 1977. - 654 с.
39. Шолохов М. Асарҳои мунтахаб. Ҷилди 6. Замини қорамшуда. Китоби дуюм. - Душанбе: Ирфон, 1981. - 420 с.